

Марина Эльденберт

Поющая для дракона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

В мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, главенствуют иртыканы — повелители драконов. Им подчиняются, их боготворят, им никогда и ни в чем не отказывают. Ну как никогда, я вот умудрилась отказать местру правящей семьи. Знать бы, как теперь сохранить работу, свою жизнь и... себя.

- [Марина Эльденберт](#)

-
-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Марина Эльденберт
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

*Самым близким, которые всегда находят время и
нужные слова.*

*Читателям, вдохновляющим своей радостью и
комментариями.*

Эта история посвящается вам

ГЛАВА 1

Свет был приглушен, по залу Ландстор-холла тянулся туман сигаретного дыма, ближе к сцене пожираемый пятном света, в котором застыли мы с Дрэйком. Играл он божественно, но все смотрели на меня. Я же не могла избавиться от странного чувства, словно чей-то взгляд приклеился ко мне, как бирка-липучка с дешевой одежды. Вот только взгляд этот дешевым не был, он был жестким, цепким, внимательным: так смотрят поклонники, от которых потом очень непросто отделаться. Музыка лилась, сплетаясь со словами песни — так же, как сливались воедино запахи крепкого табака, элитного алкоголя и дорогой кожи.

Этот мир без тебя, детка,
Словно злая тюрьма.
Обними меня крепко... крепко,
Или дай мне сойти с ума.

Полы платья стекали вниз, открывая ноги и туфельки на высоком каблуке — вызывающе, на грани приличий. Я сидела на краешке рояля, обнимая пальцами микрофонную стойку, как если бы она была продолжением меня. Смотрела в зал, в темноту — на всех и ни на кого. На столики и на ложи, которые могли себе позволить только самые обеспеченные посетители. На прикрытие дорогих портьер, такими же затянут сцену чуть позже. На возносящиеся по бокам зала зеркальные витражи, внутри которых вьюнами струились черные жилы узоров.

Там, где выжженный камень крошится,
Там, где море идет волной,
Целуй меня жадно... хороший мой,
Оттолкни или будь со мной.

На последних аккордах и музыка, и мой голос скользнули ниже, чтобы спустя миг затихнуть и раствориться в буре оваций. Дрэйк выскользнул из-за рояля — высокий, темнокожий и статный, подал мне руку, чтобы помочь спуститься. Свет в зале набирал силу, светильники рассыпали сияние,

позволяя расцвести ярким нарядам женщин, подчеркивая фраки мужчин. Множество столиков, и все они заняты, сегодня не пустовала ни одна ложа. Я обвела их взглядом, послала в зал воздушный поцелуй и ослепительную улыбку.

— Спасибо! Спасибо вам всем за то, что пришли! Ландстор-холл любит вас! Я вас люблю!

Затихнувшие было аплодисменты грянули с новой силой.

Только один мужчина сидел неподвижно в центральной ложе, опираясь о перила — я видела его руку. А вот лица не видела, но почему-то казалось, что смотрел он в упор на меня. И от этого становилось не по себе.

— Мы тоже тебя любим, Бриаль! — взвизгнула подвыпившая светловолосая дама в сочном оранжевом платье. Уцепившись за своего спутника, она покачивалась на высоких шпильках, размахивая свободной рукой. Ей вторило еще несколько голосов, к которым присоединились со всех уголков зала, и несколько минут мы с Дрэйком принимали всеобщее обожание публики, после чего вместе покинули сцену.

Быстро шли по просторным освещенным коридорам, стены которых украшали фотографии певцов, выступавших в Ландстор-холле с открытия клуба. Я уже почти расслабилась, когда из-за угла вылетела Зетта — жгучая брюнетка с ярко-синими глазами. Тощая, как микрофонная стойка.

— Привет, малыш. Сыграешь мне сегодня, как никогда и ни для кого? — Она попыталась потрепать Дрэйка по голове, но тот увернулся.

— Сыграю как обычно, детка.

— Весь выложился для нашей дорогой птички?

Я негромко кашлянула.

— О, — она повернулась ко мне и всплеснула руками, — прости, не знала, что ты здесь.

— Я тоже не сразу поняла, почему Дрэйк разговаривает со стеной.

Зетту знатно перекосило, а пианист откровенно захохотал, увлекая меня за собой.

— Да ну брось. Тебе не надоело?

— Надоест, когда она перестанет ко мне цепляться!

— Никогда она не перестанет. Она заметно старше, а гримерная от цветов ломится у тебя.

— И что я по этому поводу должна сделать?

— По мнению Зет, на полном ходу выпрыгнуть из флайса на магистрали высшего уровня.

Теперь мы захохотали уже вдвоем. Правда, горло тут же дало о себе знать. Сейчас бы чего-нибудь теплого и смягчающих леденцов в довесок.

Кажется, где-то в сумочке у меня завалялись, надо будет поискать. И попросить, чтобы принесли теплой воды.

— Ты сегодня в ударе, — заявил он, открывая передо мной дверь гримерной. В Ландстор-холле не принято нести цветы на сцену, поэтому комната уже была завалена ими до самых дверей. — Как ты это делаешь?

Пожала плечами.

— Просто я люблю петь.

Это правда. Когда выхожу на сцену, часть меня словно оказывается в другом мире. Песня льется помимо воли, я не просто чувствую то, что пою, я переживаю каждое слово. К тому же мой голос — все, что у меня есть. Точнее, все, чем я когда-либо хотела заниматься, было связано с моим голосом. В детстве просто сходила с ума от записей Шайны Анж, оперной певицы, покорившей весь мир. Оперной музыкой я дышала, горела и жила, вот только с оперой не срослось. Пока не срослось, но никто же не говорил, что я просто так сдамся.

— Ладно, Бри, оставляю тебя. До встречи.

— Счастливо! Позовешь Клари?

— Обязательно.

Дрэйк коснулся губами моей щеки, после чего, повернувшись на каблуках, подпрыгнул и зашагал по коридору, насвистывая что-то себе под нос. Вот позер!

Захлопнув дверь, я доковыляла до зеркала и с наслаждением стянула модные туфли с множеством ремешков. Сразу ощутимо уменьшилась в росте, уселась на стул и облокотилась о туалетный столик. Красота! Оковы пали, теперь хоть танцуй. Вот все люблю в своей работе, но к модельной обуви так до сих пор и не привыкла. Хотя когда-то мне казалось, что я не привыкну к своему новому образу. И к сценическому имени тоже — прилично времени ушло, пока я начала понимать, что Бриаль Бетрой и Леона Ладэ — одно и то же лицо. Ну или не совсем одно: макияж придавал мне по меньшей мере с пяток лишних лет, но мода диктовала свои правила. Да и попробуй выйди на сцену без подведенных глаз или без помады: сольешься с интерьером. Тонкие брови приходилось постоянно выщипывать и красить, а вот глаза у меня самого невзрачного цвета — светло-голубые. Спасибо Клари, которая искусно оттеняла их при помощи подводки и теней. Губы под ярким блеском становились более пухлыми, и временами у меня создавалось ощущение, что эта холодная красота — не моя.

В каком-то смысле так оно и было.

У-ух... Потянувшись, наклонилась, разминая ступни. Завтра у меня

первый за много дней выходной, обязательно схожу на массаж! А пока вызову флайс — и домой. Покосилась на сумку, где завалялась коробочка с вожделенными леденцами, но вставать не хотелось. Сейчас еще пару минут посижу, и будет мне счастье в виде смягчающей карамельки. Дотянулась до ближайшего букета, к которому прикрепили визитку, пробежала глазами и выбросила в урну. У меня правило: никаких свиданий с клиентами Ландстор-холла и никаких встреч с поклонниками. Потому что ничем хорошим это обычно не заканчивается.

— Леона? — Клари влетела в комнату и остановилась рядом со мной.

— Принесешь мне воды? Пожалуйста. Не слишком горячей и...

— Тебя зовут в ВИП-ложу!

От неожиданности приподняла брови.

— Ты же знаешь, я не выхожу к клиентам. И правилами Ландстор-холла это не поощряется.

— Все так, но это особый гость эссы Обри, она меня прислала. И просила передать, что отказываться нельзя.

Нельзя отказаться?!

— Так и сказала?

— Так и сказала. Леона, поторопись, пожалуйста, а то мне влетит.

Вот тебе и смягчающие леденцы, и горячая вода, и ванна с массажем в придачу. Пришлось снова влезать в жуткие туфли, застегивать ремешки и улыбаться отражению. Глупо, наверное, но для меня это что-то вроде приметы — не выходить на сцену, пока не улыбнешься в зеркало. А приглашение в ложу — все равно что выход на сцену. Хотя все это очень и очень странно, конечно.

Эвель Обри, хозяйка Ландстор-холла, придерживалась мнения, что приглашения от клиентов нужно выносить за двери клуба. Какими бы они ни были: личными или профессиональными, да любыми. Интересно, кому и зачем я сдалась? Теперь уже нет сомнений, что именно тот тип из ложи пялился на меня все выступление. С чего бы? В клуб иногда захаживали конкуренты — поглядеть на певиц, танцовщиц и музыкантов, но они обычно караулили вне этих стен. За последние полгода мне поступило четырнадцать самых разных «более выгодных» приглашений, но сомневаюсь, что эсса Обри согласится со мной расстаться и с радостью преподнесет меня на подносе кому бы то ни было. Потому что я приношу ей отличные деньги.

Мы шли по коридорам в другую сторону: чтобы попасть к ложам, нужно обойти клуб по кругу. Здесь свет уже был приглушен, поэтому фотографии на стенах просто мелькали перед глазами. Впрочем, в свое

время я выучила их наизусть — даже даты выступлений, надписанные под ними, так что присматриваться не было ни малейшего желания. Куда больше меня волновало другое.

— Не знаешь, кто меня хочет видеть и зачем?

Клари покачала головой.

— Понятия не имею. Мне велели просто тебя пригласить. Там какой-то именитый гость, а уж что и как, не представляю.

На задворках души всколыхнулась надежда. Недавно у нас с Эвель состоялся разговор, и речь шла о долгосрочном контракте. Долгосрочные контракты заключали только с очень перспективными музыкантами, но мне не хотелось бы связывать себя такими обязательствами. Тем более что я не оставляла попыток найти лазейку в оперу, о чем и сообщила владелице Ландстор-холла. Она тогда сказала, что девочке с улицы в Мэйстонской опере ничего не светит, в чем я уже неоднократно убеждалась на собственном опыте. Ну а вдруг?.. Вдруг к ней пришел режиссер новой постановки или композитор и спросил обо мне?

От предвкушения слегка затрясло, даже руки похолодели. Когда настолько приближаешься к своей мечте, сложно оставаться равнодушной. Мы как раз вышли в холл, в котором полукругом расположились двери, ведущие в ложи. Здесь было тихо, только охранники застыли у стен.

Клари постучала за меня, шепнула:

— Удачи! — и отступила, тряхнув белокурыми локонами.

А я шагнула в полумрак, где на диване, обитом черным бархатом, восседал мужчина. Оказавшись так близко от него, я снова ощутила на себе этот взгляд: изучающий, жесткий. Пальцы его постукивали по подлокотнику, а сам он рассматривал меня так откровенно и беззастенчиво, что все очарование мечты разом улетело куда-то в район нижнего жилого уровня. А вот его рассмотреть не представлялось возможным — лицо скрывала черная полумаска, разве что на резко очерченный подбородок пялиться? Но я решила — ему можно, а мне нельзя, что ли? Вот еще! С вызовом посмотрела в глаза, отмеченные серебристой каймой прорезей. Да будь он хоть трижды режиссер!

— Позвольте представить, Бриаль Бетрой, моя лучшая певица. — Голос эссы Обри звучал несколько заискивающе.

Я успела поймать челюсть до того, как она пробьет пол и окажется там же, где моя недавняя мечта: Эвель была женщиной жесткой и прагматичной. С подчиненными — резкой и требовательной, с клиентами неизменно обходительной, но умеющей настоять на своем. Сейчас же в ней явственно ощущалось волнение — да-да, мамой клянусь. И в том, как она

схватила меня за руку, чтобы подвести ближе к бесценному гостю, и в том, как неосознанно поправила идеальную прическу, перехваченную шелковой лентой в тон ярко-зеленому платью. С ее рыжими, коротко стриженными волосами смотрелось на удивление гармонично, а вот я отказалась следовать моде в том, что касается волос. В итоге так и осталась с длинными, ниже плеч, которые просто скручивала изящным узлом.

— Оставьте нас.

Голос был под стать ему — холодный и жесткий.

Но самое главное, что Эвель беспрекословно подчинилась, напоследок наградив меня таким взглядом, под которым захотелось рухнуть — да-да, на самый нижний жилой уровень. Поскольку стоять мне не улыбалось, я просто села в кресло подальше от него. Какое-то время мы оба молчали, изучая друг друга, после чего он похлопал ладонью по дивану — рядом с собой.

Вот гад!

Я сделала вид, что меня это совершенно не касается: хочется ему, пусть дальше пыль выбивает. Поскольку тишина затянулась, закинула ногу на ногу и, откинувшись на спинку, поинтересовалась:

— Зачем вы хотели меня видеть, эстерд...

— Местр.

О. Ну теперь все понятно: иртхан.

Подозреваю, что высокородный, иначе не смотрел бы на меня сейчас так снисходительно. В нашем мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, иртханов — повелителей драконов — всячески превозносят. Им подчиняются, им никогда и ни в чем не отказывают, отсюда и отношение к простым людям у них... соответствующее.

— Хорошо, местр. Так зачем...

— Подойди.

Он даже выражался короткими рублеными фразами — так, словно слов ему было жалко. Ну а лично мне для вас жалко своего времени. Терпеть не могу, когда со мной пытаются разговаривать в таком тоне.

— Для начала — подойдите. — Я не двинулась с места и в такт ему принялась постукивать пальцами по подлокотнику: надо отдать должное, это здорово помогало справиться с напряжением. — А дальше, если вам так хочется, почему бы не подойти самому. Я женщина, к тому же весь вечер на каблуках, видите?

Вскинула ногу и продемонстрировала ему двенадцатисантиметровую шпильку туфельки. От этого более чем откровенного движения полы

платья расплескались, обнажая ноги. Вызывающе, но как есть. К сожалению, выражения его лица я разглядеть не могла, зато увидела, как уголки губ дрогнули и опустились. Вот и ладненько, вот и чудненько, вот и...

Он поднялся раньше, чем я успела вздохнуть. Поднялся и шагнул вперед, ладонь вызывающе медленно скользнула по моей вытянутой ноге — в каких-то миллиметрах от блестящей материи чулок, но у меня все волоски на коже встали дыбом. Красивые, ухоженные руки, длинные пальцы. Которые сомкнулись на подлокотниках, и я оказалась в ловушке. Если так подумать — можно было бы сползти вниз, на пол... нет, нельзя. Да и думалось плохо: высоченный, сейчас он лицом к лицу со мной. Сердце подскочило к горлу, и где-то там и осталось, не пытаясь даже трепыхаться. Он смотрел мне в глаза, и теперь я даже могла разглядеть их цвет: изумрудные льдинки. Резкие скулы, уходящие под полумаску, жесткая линия губ — сразу понятно, что эти губы не привыкли целовать нежно. Скорее — сминать. Сильно, властно, без права на отказ.

Такие, как он, в принципе сминают всех и вся.

Если показать слабину.

подавив желание вжаться в спинку кресла, легко уперлась пальчиком в его грудь.

— И что теперь, Бриаль? — В жесткие нотки вплеталась откровенная насмешка.

— Вы так и не представились, местр.

Он усмехнулся и снял полумаску.

А я чуть не поперхнулась воздухом: передо мной стоял Рэйнар Халлоран, глава правящей семьи Мэйстона.

— Возвращаясь к твоему вопросу. Что же мне нужно от певицы Ландстор-холла...

Его слова тоже сминали, вдавливали в кресло. А еще раздевали — безжалостно и бесстыдно, стягивая бретели платья с плеч, все ниже и ниже, резко обнажая грудь и разводя ноги. Обжигая своей властью и уверенностью в том, что я уже его — так, как ему того хочется. И сколько хочется. Несмотря на отделявшие нас от общего зала плотные шторы, я почувствовала себя обнаженной и раскрытой, на глазах у всех.

В ушах зашумело. Проклятый сексуальный магнетизм ирлханов, чтоб ему дракон все самое ценное отгрыз! Захотелось обрушить на голову Халлорана ведро со льдом, а следом бутылку охлажденного вина. И сверху украсить ягодкой, которые очень кстати лежали в вазочке. Вместо этого положила руки на плечи этому гаду, слегка подалась вперед, разводя

бедрa и позволяя ему в прямом смысле оказаться у меня между ног.

— Спеть на частной вечеринке?

Выражение его лица я не забуду никогда: оно вытянулось, как если бы ему сообщили, что на город обрушился косяк взбесившихся драконов.

— Простите, местр Халлоран, но я не работаю с частными клиентами. Поэтому не смогу поддержать ваше... семейное торжество. А теперь прошу меня извинить, — невинно улыбнулась и уперлась руками ему в грудь. — У меня очень много дел.

То ли он наткнулся на стол, когда вынужден был посторониться, чтобы уступить мне дорогу, то ли это его зубы так яростно скрежетнули. Даже щека как-то странно дернулась, но, к сожалению, Халлоран очень быстро взял себя в руки. Усмехнулся и нацепил маску — правда, не ту, в которой меня встретил. С таким лицом местр обычно говорил на камеру, я ведь частенько видела его на экране визора — уверенность, сила и благоденствие. Ослепительная улыбка и знание, что мир принадлежит ему. Что все будет так, как он пожелает.

Только не сегодня.

Поскольку желание расколотить о его голову бесценную бутылку не прошло, прошла я. К дверям, за которыми совсем недавно стояла в обнимку со своей дурацкой надеждой. Его взгляд ощутила всей кожей: он скользнул по плечам, по оголенной спине и ниже.

— Предпочитаешь петь для публики попроще?

— Пою только для тех, кого считаю достойным, — выделила последнее слово и яростно рванула дверь на себя.

— Для меня ты споешь особую песню, Бриаль. Раньше, чем думаешь.

Ага, десять раз. Жди.

Надеюсь, грохот захлопнувшейся двери в полной мере отразил ему мое почтение.

По коридорам я летела так, что встречавшиеся мне на пути даже не пытались заговорить, а оказавшись в примерной, начала быстро собираться. Вызвала флайс, наскоро покидала в сумку одежду — переодеваться не хотелось, хотелось как можно быстрее и как можно дальше оказаться от Ландстор-холла. Как можно дальше от Халлорана, драконы его раздери. Угораздило же!

Успокоилась, только когда флайс взмыл с посадочной площадки. Назвала водителю адрес и откинулась на сиденье, разглядывая мелькающие за окном виды. Мэйстон, как и все города нашего времени, построен уровнями. Мы шли по центральной магистрали, откуда отлично просматривались и бедные районы (тусклые пятна уличного освещения)

внизу, где дома насаждают один на другой), и сияющие башни небоскребов, в которых одной семье принадлежит сразу несколько этажей. Огни были повсюду: и бортовые — флайсов (в такое время центральная магистраль уже немного разгружена), и рекламных вывесок-голограмм, и усыпанных блестками окон стальных игл высоток. Ограничители магистралей переплетались между улицами, перекинутые над Гельерой мосты изогнулись монументальными стальными опорами, впереди виднелся монолитный купол Совета Правления — именно там происходили встречи правящих семей.

В салоне было тепло и пахло химическим освежителем — вроде «натуральная древесная свежесть», но я снова и снова возвращалась в кондиционированную прохладу ложи, снова натыкалась на снисходительный прищур Халлорана и чувствовала исходящую от него силу. Сила у ир்தханов в крови, особенно у высших. Что ни говори, а именно благодаря им люди сейчас живут на земле, а не под землей, как когда-то.

— Нет, вы только гляньте-ка. Снег!

Водитель, темнокожий подвижный паренек, указал на лобовое стекло. Туда и правда липли снежинки, одна за другой: крупные, с растопыренными пальцами, они расползались пушистыми кляксами и тут же таяли.

— Рановато, — не унимался водитель. — Еще ж два месяца до Смены времен.

— Красиво.

— Что правда, то правда, эсса.

Снег усилился, в пелене белоснежных вихрей город выглядел сказочно. Примерно так же он выглядел год назад, когда мы с Вальнарком целовались на Центральном мосту. Только тогда снежинки таяли на наших щеках. А еще было довольно забавно слизывать их с губ — своих и его.

— Грустите? — Водитель подмигнул мне в зеркале заднего вида.

— Нет.

Нет у меня привычки грустить. Особенно по тому, что прошло безвозвратно.

— Вот и правильно. Такой красавице наверняка очень идет улыбка.

Я улыбнулась, и парень вскинул руку с поднятым пальцем.

— Так-то лучше.

Повезло, добрались быстро. Из-за снегопада обычно встает центр, а я снимаю квартиру на Четвертом острове. Не совсем окраина, но район тихий. Если окна поплотнее закрыть, не слышны даже колебания

воздушных потоков из-за движения флайсов. С соседями тоже повезло. Мне. Они не всегда согласны, что повезло им: я иногда распеваюсь перед выступлениями дома, а Танни постоянно врубает свою музыку, если можно так выразиться, на полную громкость. Из-за чего мы с ней неоднократно ругались. Вот и сейчас из квартиры гроыхало так, что захотелось заткнуть уши шпильками. Как раз теми самыми, поглубже. О том, что забыла переобуться, я вспомнила, когда расплачивалась с водителем и дворца отъехала вверх. Мои новенькие полусапожки на платформе остались в примерной, я топала от парковки к лифту в вечерних туфельках, то и дело норовя поскользнуться в тающей жиже. Снежинки липли на чулки, а я куталась в пальто и ругала Халлорана последними словами.

Из-за него ведь все, дракон недоделанный!

От жуткого мощного «унц-унц-унц» подпрыгивала даже мебель в прихожей. Вместе с ней подпрыгивал мой желудок, в котором с самого обеда ничего не было, декоративные вазочки над электрическим камином и наша с Вальнаром фотография на фоне Мэйстонского парка. Я не убрала ее только потому, что не хотелось объясняться с младшей сестрой, Тан — та еще язва. Но рано или поздно это придется сделать, да и с собой не помешало бы объясниться. В том, что все между нами кончено. Это правда. И обжалованию не подлежит.

— Танни! Тан! — Сбросив обувь и пальто, взлетела по лестнице.

Квартира у нас небольшая, но двухэтажная и чистая, с новеньким ремонтом: на первом этаже просторная гостиная, столовая и кухня, на втором — наши с сестрой спальни. Аренда стоит прилично, но пока что я в состоянии оплатить такое жилье. Через пару лет Танни окончит школу и поступит в Академию, тогда и подумаю о покупке собственного. Может быть, даже поближе к центру.

— У... а... вь... гмксть... — единственное, что я услышала из своих слов, когда открыла дверь и в лицо мне ударили раскатистые басы.

Сестра валялась на кровати поверх покрывала — в своем любимом линялом свитере и джинсах, даже ботинки не сняла. Фиолетовые и розовые пряди торчали в разные стороны среди натуральных черных, она листала какой-то журнал и даже не обернулась. Да, сдается, кто-то еще не раз пожалеет, что пошел на поводу у взбалмошной девчонки и купил ей на день рождения новую супермощную стереосистему.

— Танни!

Пришлось топтать до колонок с зажатыми ушами и вырубать самой.

Танна недовольно дернулась, обернулась — изо рта у нее торчала палочка от леденца.

— А, эфо фы. Пфифет.

— Кажется, я тебе говорила, что этот засранец Лансаро обещал на нас пожаловаться хозяйке.

— Когда в слепую фаз... — Сестра все-таки удосужилась вытащить леденец, помахала им и продолжила: — Будет обещать, покажи ему это. — Она оттопырила средний палец. — Или позови меня, если стесняешься.

— Когда в следующий раз я приду домой и услышу этот кошмар, стереосистема отправится на помойку, — мило улыбнулась я. — Наушники тебе зачем покупала?

Танни скривилась.

— Есть не слушать музыку на полную громкость, есть слушать музыку в наушниках. Еще приказы будут или можно дальше расслабляться?

— Уроки сделала? С Марром погуляла?

Марргент — виар, трехцветный карликовый дракон, которого я подобрала на нижних уровнях только-только вылупившимся. Как такой малыш попал на улицу — непонятно. Вообще-то полагалось заявить о найденше и поставить подчиняющий кристалл, но мы на удивление быстро подружились, поэтому я решила обойтись без таких мер. Не хотелось превращать дракончика в зависящее от себя безвольное существо, как поступают желающие обзавестись питомцем люди.

— Сделала, погуляла. — Сестра сунула леденец в рот. — Теферь дфыхнет на тфоей кфовати.

Все как всегда.

Вздохнула и пошла к себе.

Марр действительно оказался в спальне, устроил себе гнездо из одеяла. Почувствовав меня, широко распахнул огромные желтые глаза и заверещал. Встрепенулся, распушился и радостно прыгнул вперед, чудом не сбив с ног. Это только с виду они маленькие и беззащитные, а силищи в них хоть отбавляй. Да и инстинкты драконьи, поэтому кристаллы для домашнего содержания рекомендуют ставить, даже если владельцы иррханы. Спокойнее и безопаснее.

— Сейчас покормлю, — сказала, падая на кровать.

И себя тоже сейчас покормлю.

Виар с громким урчанием запрыгнул на постель и принялся бодать мою руку. Жалюзи были открыты, и город с высоты квартиры рассыпался огнями в снежной пелене. Где-то там остались и Ландстор-холл, и Халлоран, и все это было далеким-далеким. А вот внимания продолжали настойчиво требовать, поскребывая когтистой лапой по покрывалу и

облизывая огненно-горячим шершавым языком ладонь. Пришлось чесать — над лобовыми чешуйками, скрытыми под шерстью, и слушать довольное пыхтение. Под это пыхтение с мыслями о том, как же хочется есть, я на пару минуточек закрыла глаза.

ГЛАВА 2

Утро началось внезапно: я неудачно повернулась и зацепилась волосами за браслет закинутой под голову руки. Ощущения были не самые приятные, поэтому на пробуждение много времени не ушло. Пытаясь отцепить несколько злосчастных волосинок, запутавшихся между звеньями, я обнаружила, что забыла не только раздеться и умыться, но и заползти под одеяло. Так что заботливо принесенный Танни плед пришелся очень кстати — сейчас я не напоминала гигантскую мурашку на ножках. Поверх пледа валялась шайбочка для голосовых сообщений, «заговорившая» под легким прикосновением: «Марра накормила, ушла в школу. Хорошего дня, страшилище».

Вот такая очаровательная у меня сестра.

Впрочем, когда я подошла к зеркалу, поняла, что в чем-то она права. Макияж размазался по лицу — то ли из-за снега, то ли из-за того, как сладко спалось. Половина шпилек из волос высыпалась на кровать, поэтому сейчас несколько прядей падали на плечи, а другие торчали в разные стороны, напоминая клубок вязальщицы. Остатки я вытащила и положила на туалетный столик, за ними последовал гребень. Волосы у меня не то чтобы очень длинные, но ухода требуют много. Особенно если учесть, что я их крашу.

В сумке завибрировал телефон, но я решила, что, кто бы там ни был, подождет. По крайней мере, пока я не стану похожа на человека. Спустила бретельки платья, позволяя ему упасть на пол, и пошла умываться, по дороге снимая украшения.

Надо же было так отключиться! И ведь не сказать, что особо поздно вернулась, — наверное, просто сказывается работа почти без выходных. В последние месяцы мои выступления пользуются особым спросом, и я этим тоже пользуюсь. Ну а что, деньги в наше время лишними не бывают. Наряды и косметику я покупаю сама, не стоит уточнять, во сколько обходятся услуги косметолога и парикмахера. А мне еще за обучение сестры платить. И не только за обучение: если представить, сколько всего нужно подростку, волосы встают стройными рядами.

Заперты двери на сотни замков, —

шагнула в душевую, с наслаждением открыла воду, подставляя лицо сильным упругим струям, —

но даже так, дорогой, не спастись от оков...

Действительно, кому же еще петь в душе, как не мне.

И если вспыхнут огнем небеса,
не бойся, любимый, смотри мне в глаза...

Горьковатый ореховый аромат, смешанный с ванилью, обволакивал. И очень некстати напомнил холодный резкий аромат парфюма, исходивший от Халлорана, когда он ко мне наклонился: в нем тоже были запоминающиеся миндальные нотки.

Да чтоб тебя! Любимый шампунь и гель для душа, которые неизменно помогали расслабиться, сегодня почему-то не спасали. Стоило вспомнить насмешку в зеленых глазах, как я начинала заводиться. Никогда ведь со мной такого не было, ни-ко-гда! Чтобы два дня думать про одного и того же ирт... хама, который, видите ли, возомнил себя центром мира. Ладно бы еще центром Мэйстона, хотя хрена с два он вообще центр. Так... центрик. Эпицентрик. Эгоцентрик.

Самоуверенный засранец, вот он кто!

Я повесила мочалку на крючок и выключила воду.

После душа всегда чувствуешь себя заново рожденной. Особенно когда сидишь на барном стуле, потягивая ароматный кофе и заедая его йогуртом с фруктами. Разглядывая залитые солнцем, утыканые иглами высоток острова, полотно залива, идущего бурунами, и ленты магистралей, переплетающиеся восьмерками и самыми разными фигурами.

Марргент устроился рядом в надежде, что ему что-то перепадет, но ему не перепало. Зареклась его кормить со стола, если начнешь потакать, потом вообще не отвяжется. Жрет он все и без остановки: начиная от хлебных корок и яблочных чипсов, заканчивая морковкой и мясом. Можно все вместе, можно по отдельности. А главное, совсем при этом не толстеет. Понятия не имею, как ему это удается.

Чем дальше, тем больше и печальнее становились глаза виара. Прямотаки наполнялись слезой.

— Нет, — сказала я решительно и указала на миску размером с таз,

которую надо бы помыть.

Меня тронули лапой и сиротливо вздохнули. Чешуйки на голове умилительно поднялись, шерсть над ними раскрылась цветочком. Эта пушистая зараза прекрасно знала, на что давить, и тоже неплохо этим пользовалась. Цвета в нем три: черный, рыжий и белый, соединенные природой в картину прирожденного художника. Говорят, что такие виары приносят счастье. Мне он пока что приносит только умиление и желание тискать до умопомрачения. Хотя Вальнару он тоже нравился. Но не взаимно.

Так.

Не думать о бывшем. Не думать о мужчинах. Вообще не думать.

Выходной у меня сегодня или где? Пройдусь по магазинам, загляну в салон к Лэмерти, а вечером устрою себе праздник отупения — буду валяться на диване, есть замороженный клубнично-шоколадный крем и бездумно пялиться в визор.

Перевела взгляд на портрет Шайны Анж, который заказала полгода назад. Черно-белый, он идеально вписался в цветовую гамму и интерьер кухни. Красивый женский профиль, длинные волосы, рекой стекающие на плечи. Вот на кого мне хотелось быть по-настоящему похожей.

Она стала самой молодой певицей, которая оказалась в опере на главных ролях, ею восхищался весь мир. Шайне приписывали долгий роман с высшим иртеханом. Правда, развития эта сплетня не получила: в один прекрасный день эсса Анж вышла из оперного театра, села во флайс и пропала.

В мыслях я оказалась довольно далеко от Мэйстона, поэтому пронзительная трель звонка, эхом пролетевшая по квартире, заставила подпрыгнуть. Танни ключи забыла? Хотя нет, времени еще мало, у них занятия в школе позже заканчиваются. Спрыгнув со стула прямо в белые пушистые тапочки, прошлепала в просторный светлый холл.

И опешила: на пороге стояла Эвель Обри собственной персоной.

— Леона, почему ты не отвечаешь на звонки?

У-упс. Ну забыла про телефон, с кем не бывает.

— Я звонила тебе все утро.

Начальница выглядела недовольной. Хотя нет, недовольной — это слабо сказано. Идеально выщипанные рыжие брови сошлись на переносице, хотя хмуриться она не любила: это же прямой путь к морщинам. Не дожидаясь приглашения, шагнула в холл и скинула темно-зеленое длинное пальто прямо мне на руки. Которое я незаметно скинула на подставку для перчаток — что я ей, вешалка, что ли?

— Хотите кофе?

— Нет. Ты же знаешь, у меня нет времени на эти глупости.

Уже больше похоже на Эвель: у нее времени вообще ни на что нет. Где-то в перерывах она умудряется жить.

— Где мы можем серьезно поговорить?

— Проходите в гостиную, — кивнула я.

Не потрудившись снять сапожки, она процокала каблучками по плитке и затихла, только когда обувь утонула в белоснежном ковре. Выглядывавший из кухни виар, которому строго запрещалось ступать на ковер сразу с улицы, смотрел на это непотребство с любопытством. Видимо, не понимал, почему ей можно, а ему нет. На него владелица Ландстор-холла взглянула брезгливо и с опаской, подтянула повыше подол изумрудного платья миди и села. Идеально прямо, обхватив руками колени.

— Ты поставила меня в очень неловкое положение, — начала она, прежде чем я успела сесть. Где-то так, в полусогнутом, меня и застала следующая фраза. — Перед местром Халлораном.

— Я не...

— Когда отказалась петь на его семейном торжестве.

Я плюхнулась на диван с размаху, совсем не изящно. Вот тебе и не думать о мужчинах.

— Наверное, не стоит объяснять, какое он занимает положение в обществе?

— Эвель, — остороженько сказала я. — Он собирался разложить меня прямо в ложе.

Начальница скривилась, словно в ее коктейль перелили ликера лица.

— Не груби. Тем более что речь шла вовсе не об этом.

— Не об этом? — Я взвилась. — Я не первый день на свете живу, и...

— Детка, чтобы добиться успеха, иногда приходится поступиться собственными принципами.

От неожиданности я утратила дар речи.

— Сейчас у нас с тобой очень неприятная ситуация. Местр Халлоран не доволен твоим вызывающим поведением, и я прекрасно его понимаю. Иногда ты действительно откровенно дерзишь.

Кровь прилила к щекам. Чтобы не наговорить лишнего, пришлось скомкать халат.

— Разве?

— Да. Зетта неоднократно жаловалась.

Ну кто бы сомневался! Правда, Зетта могла жаловаться с тем же успехом до глубокой старости, если бы на горизонте не нарисовался этот

долбаный, дракон его дери, Халлоран и не решил меня поиметь. А когда не получилось, в отместку решил усложнить жизнь. Проще не бывает! Ух, драконище драное! И ведь специально заговорил про семейное торжество. Не только драное, но и злопамятное.

— Завтра вечером твое выступление. Ты извинишься перед местром и...

— Нет.

— Что, прости? — Брови Эвель изумленно приподнялись.

— Нет, я не стану перед ним извиняться. Это он вел себя как хам. И если у него не хватает мозгов и сил это признать, то пусть катится под хвост дракону.

Лицо начальницы пошло красными пятнами.

— Как ты смеешь так меня подставлять?

— Вы тут ни при чем. — Я поднялась, и Эвель поднялась следом — медленно распрямляясь, как натянутая до предела пружина. — Вы не несете за меня и мои действия никакой ответственности, у нас даже постоянного контракта нет.

— Вот именно. Советую тебе об этом помнить, когда будешь беседовать с местром Халлораном.

Э-э... что?

— Вы только что обещали меня уволить?

— Ну что ты, милая. — В голосе ее звучал металл. Она сложила холеные руки на плоской груди, глядя на меня сверху вниз — благо рост позволял. — Я просто намекнула на возможные последствия некоторых опрометчивых поступков.

Угу. Более чем однозначный ответ.

— Вы не сможете отказать мне в месте! Я ваша лучшая певица, у вас все афиши с моим именем.

— Афиши можно заменить. — Эвель шагнула вперед и погладила меня по щеке. — Поверь, милая, мне бы очень не хотелось с тобой расставаться. Но, если ты не оставишь мне выбора, я ничего не смогу поделать. Под моей крышей не будет петь женщина, которая не умеет себя вести.

То есть раздвигать ноги перед первым встречным? Потрясающе!

И никакой тебе женской солидарности.

— Понимаю, в твоём возрасте ещё многое решает импульсивность. Поэтому я даю тебе время подумать до завтра. Ты умная девочка и, я больше чем уверена, примешь правильное решение. Не провожай, вижу, ты ещё только проснулась.

Цоканью каблуков вторил скрежет когтей виара, который направился ко мне. Дверь за ней закрылась, а я все еще стояла и хлопала глазами, не в силах поверить в услышанное. Конечно, Эвель Обри мне не мать, не сестра и даже не подруга, но... но почему-то мне казалось, что, случись что-то подобное, она примет мою сторону. Тем более что она сама не раз намекала на то, что личные отношения лучше не смешивать с работой. Видимо, все правила и принципы дают сбой, если дело касается иртехана из правящей семьи.

Торчать как распределитель движения на магистрали мне надоело, я снова плюхнулась на диван, подтянула под себя ноги. Марр запрыгнул рядом, заурчал, успокаивая. И хотя ему строго-настрого запрещалось забираться на мебель, сейчас я просто обняла его и уткнулась носом в пушистую мощную шею.

Извиниться, говорите? Отлично!

Мне сказали до завтра подумать, но никто же не говорил, что нужно ждать до завтра. Его высочайшее иртехамство оскорблено? Значит, немедленно поедем приносить ему свои извинения. А то мало ли как далеко зайдет его обида до завтрашнего вечера.

Недолго думая вызвала флайс и распахнула двери шкафа. Натянула первые попавшиеся линялые джинсы, в которых гуляла с Марром, облегающий серо-голубой свитер под горло, вбила ноги в присборенные на голенищах замшевые полусапожки на тонкой подошве и устроилась на окне — ждать транспорт.

Офис высшего иртехана располагался в самом центре, в элитной многоэтажке, на крыше которой даже дракон хлопнется в обморок от высоты. Комплекс небоскребов с центральным шпилем, сплавленных воедино и объединивших в себе компании «Халлоран индастриз», виден даже из нашего района. Рядом с ним терялись самые солидные высотки, по утрам скрывающие солнце, а ночью — восход обеих лун. Ощущение близости было очень и очень обманчивым: лететь далеко. Особенно днем и в пробках.

Ничего, как раз после обеда доберусь.

На этот раз водитель мне попался неразговорчивый и какой-то дерганый: постоянно сигналил пытающимся обогнать нас и пристроиться впереди флайсам. Нам тоже сигналили, иногда мы резко срывались вперед и чудом не целовались с задними габаритными огнями впереди идущих. Но добрались все-таки без приключений: стоя у подножия небоскреба Лаувайс, я запрокинула голову. Блеск металла и блики огнеупорного стекла, стремительно уходящие ввысь и теряющиеся под облаками. Даже здесь,

внизу, дух захватило. От высоты голова кружилась, и представлять не хочу, сколько в этой башне метров.

Да и не за этим я здесь.

Огромные стеклянные двери распахнулись, пропуская меня в холл. Просторный, в серебристо-стальных оттенках, с вкраплениями черного и темно-красного. Седой охранник за стойкой слева поднял голову, огоньки электронной проходной под детекторами оружия выразительно мигали желтым. Примерно так же мигали его глаза, в которых однозначно застыл вопрос: что девчонке в дутой курточке, со стянутыми в хвост волосами понадобилось здесь. Девчонке, у которой в руках нет никаких документов. Признаю, в таком наряде и без макияжа я вполне могла сойти за курьера, читай девочку на побегушках.

— Что вы хотели, эсса?

— К местру Халлорану. Пришла договориться о выступлении на семейном торжестве.

Не пропустят — так хоть повеселюсь. Представляя себе физиономию Халлорана, когда ему обо мне сообщают.

— Вам назначено?

— Да.

Наглость — вторая радость. Главное сделать морду монолитом.

— Могу я взглянуть на ваши документы?

Я вручила ему карточку-идентификатор, и он незамедлительно сунул ее под детектор.

— На ваше имя не бронировали пропуск, эсса Ладэ.

— Позвоните секретарю. И пожалуйста, не заставляйте местра ждать, а то он очень переживает по этому поводу. Меня уже обещали уволить. Кстати, пока мы тут тянем время, с вами может случиться то же самое.

У охранника отвисла челюсть. Буквально. Немного опустилась вниз, отчего круглое добродушное лицо вытянулось. Пока он решал, не сошла ли я с ума, звонил секретарю и интересовался моей скромной персоной, облокотилась о стойку и разглядывала холл. Ничего себе так холл, в нем можно презентации устраивать. Хотя что-то мне подсказывало, что для презентаций здесь есть место попрезентабельнее. Люди сновали как заведенные, за моей спиной то и дело приветливо щелкали электронные проходные, скоростные лифты возносили на этажи и возвращали вниз многочисленных сотрудников, гостей и деловых партнеров. Над лифтами герб Халлоранов — красный дракон на черном фоне. С раскинутыми крыльями, которые подсвечены серебром — так же как гребень и кончик хвоста.

— Эсса Ладэ, позвольте ваши документы еще раз.

— С превеликим удовольствием.

Охранник опустил карточку в считывающее устройство и, когда мои данные записали в систему, все-таки соизволил выдать электронный пропуск. Как раз в тот момент, когда я прочитала его имя на бейжке.

— Кабинет мастера на сто двадцать третьем этаже. Лифт дальше по коридору, иначе придется идти по перекидному мосту, а это не всем нравится. Пропуск на час, если потребуется задержаться...

— Не думаю, что этот вопрос потребует у меня много времени, эссерд Терн. — Я одарила его очаровательной улыбкой, и охранник расплылся в ответной. Правда, получив воздушный поцелуй, тут же подобрался и принял официальный вид. — Спасибо, вы просто душка.

Желтый крестик сменился красной стрелочкой, и обитель Халлорана распахнула мне свои объятия. Вопреки совету охранника, на этаж решила подняться сразу. Двери лифта с мелодичным звуком сомкнулись; прислонившись к стене, я смотрела, как стремительно отдаляется земля и аэромагистралы превращаются в нитки, а рекламные щиты в крохотные квадратики. Пассажиры стояли с напряженными сосредоточенными лицами — видимо, были отсюда очень далеко, в мире цифровых документов и электронных подписей. Только один молодой человек непрестанно дергал галстук, словно ему не хватало воздуха. Он был бледен, как большая луна, над губой выступили капельки пота. Высоты, что ли, боится? Протиснулась ближе к стеклу, оттесняя его назад, и услышала, как парень вздохнул с облегчением.

Этаж, на котором я оказалась, был оформлен в тех же тонах. Перекидной мост представлял собой стеклянный, полностью прозрачный тоннель, из-за чего создавалось ощущение, что идешь по воздуху или по натянутой на небывалой высоте невидимой ленте. Лишь на миг опустила взгляд и тут же пожалела: мир внизу казался игрушечным, нереальным. На всякий случай решила смотреть только прямо перед собой. Ветер на такой высоте сильнейший, и сейчас он отзывался мелодичным гулом, отраженным от стекла. Иногда начинало казаться, что хлестни порыв посильнее — и коридор зашатается, как трубка в домике для грызуна. Навстречу мне изредка попадались сотрудники Халлорана — видимо, такие же экстремалы, как я.

Сердце скакало вприпрыжку, и мне хотелось бы думать, что исключительно из-за высоты. Вот только чем ближе я подходила к кабинету, тем сильнее начинало потряхивать. Ладони стали потными, по позвоночнику пробежал пугающий холодок, неожиданно отозвавшийся

дрождью под ложечкой. Захотелось развернуться и дать деру, вместо этого я ускорила шаг.

В нужном коридоре бодро пролетела мимо вереницы дверей, снабженных электронными замками, пока не оказалась в приемной. У иртыхана было два секретаря — почему меня это совсем не удивляет?.. Молодой человек как раз принимал документы у подошедшего курьера, а симпатичная светловолосая девушка, заметив меня, поднялась. Деловой костюмчик с иголки на ней сидел как влитой. Идеально гладкие волосы были подстрижены так, чтобы доставать ровно до подбородка — по последней моде. Они заключали изящное личико в аккуратную рамку, делая ее похожей на куколку.

— Добрый день. Эсса Ладэ?

— Верно. У меня встреча с местром Халлораном.

Девушка кивнула.

— Он просил вас немного подождать.

— Неужели? Думала, это он меня ждет. Меня. Или моего покаяния. — Теперь уже к разговору прислушивались курьер и второй секретарь, с явным интересом. Старательно делая вид, что не смотрят в нашу сторону.

— Простите?

— Да, все правильно. Это то, ради чего я пришла. Сказать всего одно короткое слово — простите, но оч-чень выразительно. Так вы сообщите обо мне?

Глаза у девушки стали большие-большие. Не знаю, чем закончился бы этот диалог, но дверь в кабинет высшего открылась, и оттуда вышел Халлоран собственной персоной. Куда только подевалась вальяжная фривольность: подтянутый, при костюме, не мужчина — скала на ножках. И ростом со шкаф, в котором стояли архивные диски. Ну ладно, шкафу он уступал. Самую малость. А вот глаза его мигом превратились в две узенькие щелочки, иртыхан смотрел так, словно я была опасной галлюцинацией.

— Здравствуйте, — сказала галлюцинация и помахала рукой. — Я извиниться. К вам можно?

Его ноздри едва уловимо дрогнули, и... все! Даже в лице не изменился, отступил в сторону и указал мне на дверь. Приглашающим широким жестом.

— Прошу.

— Ой, спасибо. Ничего, что я не на коленях?..

Немая сцена закончилась достаточно быстро: Халлоран оказался позади и резко шагнул вперед. Я влетела в кабинет так шустро, что даже на

секретарей не успела оглянуться.

— Что за спектакль ты устроила? — привычно глядя на меня сверху вниз, холодно поинтересовался он.

Если так подумать, у него просто талант подавлять. Я почти физически ощутила, как вырастаю в пол и уменьшаюсь в размерах. При свете дня ир்தхан почему-то выглядел еще более внушительным. А вот жесткий взгляд привычно пробежался по мне: оценивая от макушки, от собранных в хвост волос, до полусапожек. Захотелось отступить на несколько шагов, желательно в приемную. Лишь усилием воли заставила себя остаться на месте.

— Вы же хотели шоу в моем исполнении. Понравилось?

Халлоран приподнял бровь.

— Ты еще не поняла, девочка? — Его голос скользнул по коже с нежностью завернутого в бархат лазерного ножа. — Условия ставлю я. И только я решаю, когда ты будешь передо мной извиняться. И как.

От этих интонаций по телу прошла удушающе-жаркая волна. Ир்தханы с детства тренируют голос — на случай беседы со зверем, когда один неверный звук может оставить от тебя горстку пепла или мокрое место. Но сейчас я на себе ощутила все прелести низкого, обволакивающего властного тона. Не оставляющего ни малейших сомнений в том, кто хозяин ситуации, подчиняющего и лишаящего воли. Не знаю, как он говорит со своими подчиненными — если он с ними вообще говорит, — но я бы на второй день уволилась, даже если бы мне за месяц предложили оклад как за год ежевечерних выступлений в Ландстор-холле.

— Оставьте меня в покое! — Я уперла руки в бока и посмотрела на него, как совсем недавно смотрела на шпиль его высоты. — Вы не трогаете меня, я не трогаю вас. Все честно.

— Неужели? — Пальцы жестко сомкнулись на моем подбородке.

Во рту неожиданно пересохло. Там, где его рука касалась моей кожи, словно полыхало пламя, и оно жидким огнем растекалось по всему телу. Сумасшедшее наваждение и гипнотический взгляд, под которым в самом низу живота раскрывался алый цветок бесстыдного животного желания.

— Не смейте делать это со мной!

Я рванулась и от души влепила ему пощечину, а в следующий миг оказалась с силой прижата к его груди со сведенными за спиной руками. Вывернутыми так, что на глаза навернулись слезы. Пошевелиться не могла — боялась, что распрощаюсь с левым запястьем. Оно, кстати сказать, уже горело, так же как и его щека.

— Вы сломаете мне руку. — Голос почему-то сел и стал еще ниже

привычного.

В глазах иртыхана полыхнуло пламя, на миг делая их похожими на брошенные в огонь драгоценные камни.

— В следующий раз так и сделаю. — Уголок тонких губ приподнялся. — Подумай об этом перед тем, как замахнешься снова, Леона.

Уже и имя мое настоящее знает! Как у них все быстро, у высших.

— Мне больно! — прошипела я.

— Об этом ты не подумала, когда шла сюда?

Запястье недвусмысленно намекало, что не против принять привычное положение: на нем словно кандалы раскаленные защелкнулись, которые с каждой секундой все сильнее вплавлялись в кожу. Отчасти так оно и было: высшие иртыханы способны управлять температурой собственного тела. Неожиданно хватка ослабла, а потом меня жестко перехватили за талию и подтолкнули к панорамному окну. Во время совещаний, когда все места за длинным столом заняты, его, должно быть, закрывали жалюзи. Сейчас же вид из окна открывался головокружительный: центр и острова Мэйстона, залитые солнцем. Гельерский залив блестел, как отполированное зеркало. Вся жизнь осталась внизу, а здесь, под облаками, царил бесконечный холод. Столь же яркий и обжигающий, как слепящие глаза лучи. Точно так же ладони обжигало прозрачное стекло: я положила на него руки, чтобы почувствовать, что между высотой и мной есть хоть какая-то преграда. Колени подрагивали.

— У тебя потрясающий голос, — шепнули мне на ухо, опаяя горячим дыханием шею. — Завораживающий. Глубокий. Невероятный. Но это все, что у тебя есть, правда?

Контраст получился слишком ярким, а удар — точным. Возможно, потому, что полностью отражал мои чувства. Рванулась, но оказалась бесцеремонно прижата к стеклу сильным мужским телом. Браслеты пальцев снова сомкнулись на моих руках. Перстень-печатка с гербовым драконом вплавился в кожу, наверняка синяк останется.

— Отпустите, или я закричу.

— Не закричишь. Ты для этого слишком гордая, девочка.

— Вы ничего обо мне не знаете, — выдохнула в стекло.

В отражении на город наступал его кабинет. Стены, дипломы, награды и благодарственные письма застыли в воздухе вместе со стеллажами. И точно так же застыли мы, касаясь своих двойников. Халлоран смотрел в глаза моему зеркальному близнецу, и от гипнотического звериного взгляда по коже бежали мурашки. Его запах — горьковато-терпкий, как

вымоченный в крепком алкоголе миндаль, властность и низкие рокошующие интонации творили что-то странное. Иначе как объяснить, что мне хотелось податься назад, сильнее прижаться к иртыхану?

— Давай проверим. — Пальцы поглаживали ставшую чувствительной кожу запястий. От этих прикосновений по телу будоражащим теплом разливалось томительно-сладкое напряжение. — Бриаль Бетрой, настоящее имя Леона Ладэ. Двадцать три года. Окончила обычную и высшую вокальную школу, потому что мечтала петь в опере. Но с оперой не сложилось, и ты решила попытать счастья попроще. Певица в престижном клубе — самый легкий вариант, если хочется быстрых денег. Для своих лет ты весьма популярна.

— Читать умеете, — хмыкнула я. — Все это можно найти в моем личном деле.

Ну разве что про оперу нельзя. Но не думаю, что с его связями это проблема.

— Тогда продолжим. Мать — эмигрантка, бежала из Раграна после смены власти, которая привела к налету и последовавшему за ним голоду. Долгое время вы жили в столице, где еле сводили концы с концами, после чего перебрались в Мэйстон. Здесь ей удалось устроиться в отель горничной и встретить твоего отчима, который работал на производстве аккумуляторов для флайсов. У них задалось.

Невинные поглаживания и дрожь по телу. Я закусил губу, чтобы сохранить остатки самообладания, но оно давно приказало долго жить. Все тело превратилось в оголенный нерв, по которому бежали яркие всполохи предвкушения. От солнца уже болели глаза, поэтому я зажмурилась. Исключительно поэтому, а не потому что не было больше сил выносить его взгляд. Тяжелый и затягивающий, как вода на глубине.

— Ты его любила, как родного отца. И все бы хорошо, но после смерти матери этот парень решил, что даже родная дочь ему не нужна, и нашел себе другую семью. — Он резко отступил назад. — В результате твоя сестра трудный подросток, а ты сама, девочка из низов, не понаслышке знакома с тем, что такое нужда. Бралась за любую работу, чтобы накопить деньги на обучение. Поклялась, что никогда и ни от кого не станешь больше зависеть. Ни от мужчин, ни от обстоятельств.

Свобода оказалась горькой и отрезвляющей — в точности как его слова. Оставшись одна на безумной высоте, я глядела, как блестят вспененные волны Гельеры. Хотя, может, блестели не только волны. Глаза горели, а дышать было нечем, поэтому я не оборачивалась. Замерла, глядя на бесконечное движение вниз, дожидаясь, пока уймется сердце.

На самом деле отчим был неплохим человеком. Он безумно любил маму и справлялся с ее смертью по-своему, с другой женщиной. Хотя первые месяцы после ухода я отчаянно его ненавидела, потом это прошло. Надеюсь, Танни тоже сумеет простить.

— Хорошо подготовились, местр Халлоран. — Голос даже не дрожал. — Но вы по-прежнему ничего обо мне не знаете.

— До завтра, Леона.

Слезы уже не грозили затопить кабинет по самый плазменный монитор на стене, зато в груди горело от ненависти. Горело так, что я с трудом подавила желание потерять ее ладонью, разгоняя кровь и восстанавливая дыхание. Еще немного, и я его убью. Или мне сломают руку, что вероятнее. Поэтому быстрым шагом направилась к дверям, остановилась, только чтобы подхватить массивную золотую статуэтку в виде дерева. Размахнулась и от души запустила ею в монитор, висящий над столом. Черные брызги разлетелись в разные стороны, а я молнией вылетела из кабинета.

Пробежала мимо обалдевших секретарей, из приемной свернула наугад. Указатели привели к дальним лифтам — видимо, именно к ним меня отправлял охранник. Вдавила кнопку вызова и, когда двери распахнулись, буквально влетела в какого-то мужчину.

— Осторожней, милая! — Меня подхватили под локоть.

— Риинский дракон тебе милая! — рявкнула, вырываясь.

Успела только углядеть белоснежные волосы, аккуратно зачесанные назад, серые глаза и волевой подбородок — прежде чем двери отрезали меня от незнакомца. К счастью, в кабине я оказалась одна. Привалилась к стене, не обращая внимания на стремительно приближающийся город. Обхватила себя руками, пытаясь унять крупную, сотрясающую все тело дрожь. Несколько минут назад я была преступно близка к тому, чтобы позволить ирлтану делать все, что ему вздумается. Поднажми он самую малость, воспользуйся своей магией, голосом, и я бы растеклась под ним прямо в его кабинете.

Интересно, можно ли считать извинение удавшимся? Потому что Халлоран только что знатно меня поимел.

ГЛАВА 3

В руках Лэмерти Долливан — массажистки-волшебницы и по совместительству моей лучшей подруги — способно расслабиться даже промерзшее бревно. Но сегодня именно им я себя и чувствовала: напряжение отказывалось покидать тело, словно меня перенабили перьями, как неудавшуюся подушку. Музыка для релаксации звучала приглушенным фоном, сильные руки уверенно растирали плечи и спину, но я никак не могла перестать думать о случившемся на сто двадцать третьем этаже центра Лаувайс. Надеюсь, Лэм ничего не заметит, не хочется ее во все это вмешивать. Вздохнула и попыталась растечься по кушетке, от которой приятно пахло фруктовым маслом, вместо этого сдавленно ойкнула, когда жесткие пальцы прошли по зажатым мышцам.

— Лапонька, так не пойдет. А ну рассказывай, что у тебя случилось?

Не заметит она, как же.

— Ничего особенного.

— А если подумать?

— С чего ты вообще взяла, что у меня что-то произошло?

— С того, что тебя колотило, пока ты раздевалась!

И ничего меня не колотило. Так, потряхивало слегка.

— Я замерзла.

— Ага. Кому другому вешай драконью чешую на уши.

М-да. Не отстанет ведь, пока не расскажешь.

— На меня напал иртвахан.

— Надеюсь, ты хотела сказать «запал».

— Можно и так выразиться.

— Давай-ка перевернемся.

Я легла на спину и стянула с лица невесомую маску, чтобы видеть Лэм.

— Ну и?

— Я его послала.

Выщипанные идеальным мостиком брови приподнялись. Лэмерти умеет быть очаровательной — миниатюрная, с шоколадным цветом кожи и миндалевидными карими глазами, напоминает коллекционную куколку из магазина «Детское счастье». Вот уже несколько лет работает в «Пряном волшебстве», достаточно дорогим салоне, чтобы обеспечить себе неплохую жизнь. Мы с ней познакомились здесь же, когда я искала себе массажистку. А потом они через меня познакомились с Дрэйком, и теперь у них роман.

Который длится уже давно и плавно подбирается к новому уровню — обручальной росписи на груди, аккурат над сердцем.

— Что, настолько противный?

— Даже не представляешь насколько!

Вспомнила глаза Халлорана, его голос, и меня перекосило. Видимо, основательно, потому что Лэм нахмурилась и сочувственно покачала головой.

— В Ландстор-холле?

— Ага.

— Осторожней с иртханами, лапонька. У нас из эстетической косметологии одну девицу поперли только за то, что она на кого-то из них недовольно посмотрела.

Ну да. А я сегодня высшему визор расколотила.

Тяжело вздохнула и вернула маску на место.

— Все настолько ужасно? — Теперь Лэм массировала мягче.

Я прикрыла глаза, отдаваясь власти умелых рук. Ладно, получится или не получится отдохнуть — дело десятое. Но попробовать все-таки стоит.

— Как сказать.

— Что, вот так прямо взял и подкатил?

Более прямые только магистрали над мостами или металлические каркасы строящихся высоток.

— На улице караулил?

— В ложе.

— Но Эвель же такое не приветствует. Нет, я понимаю, иртханы и все такое, но правила Ландстор-холла достаточно четкие для всех. Никаких романов в клубе.

— Если дело не касается Халлоранов.

— Что?

По ощущениям, Лэм подскочила на пару метров. Только профессионализм взял свое и руки так и не оторвались от моих бедер. Там, где она меня касалась, по телу разливалось приятное тепло. Легкий аромат нагретого масла заставлял блаженно жмуриться и урчать, как довольный виар. Да ну его к драконам, этого Халлорана. Кто он такой, чтобы тратить на него мое личное время, мою жизнь и мой выходной?!

— Энтар Халлоран? Ты серьезно?

Теперь уже чуть не подскочила я, но не потому, что сейчас мне довольно активно разминали живот и грудь. Просто очень некстати вспомнила, где видела белобрысого, с которым судьба столкнула меня у дальних лифтов. В новостях, как бы смешно это ни показалось. Энтар

Халлоран, второй наследник правящей династии Мэйстона. Сейчас оканчивает Академию и, видимо, понемногу приобщается к семейному бизнесу. Точнее, к бизнесам, которых у его семейки тьма-тьмущая. Если что-то еще не затянуло в корпорацию Халлоранов, то оно либо бесперспективное, либо недостаточно масштабное.

Но Лэм ждала ответа, и я решила пойти до конца:

— Рэйнар.

— Ты прямо сейчас надо мной издеваешься?

— Я прямо сейчас думаю, как мне не вылететь с работы.

— Погоди-ка... Эвель что...

— Угу.

— Вот ларрка!^[1] — выругалась подруга и замолчала.

Какое-то время в кабинете царила тишина. Прерывалась она только легким шуршанием кондиционера, отголосками музыки и шелестом мягких туфелек Лэм, когда она двигалась вдоль кушетки. Наверное, стоило и впрямь подумать о чем-то серьезном, но все серьезные мысли испарились. А те, что остались, вяло текли в блаженном глубоком русле, и все случившееся казалось далеким и несущественным. Голова становилась тяжелой, а когда подруга взялась за лицо и шею, я окончательно провалилась куда-то в далекие дали блаженства. Опомнилась, только когда Лэм похлопала по кушетке и вручила мне длинный халат и одноразовые тапочки. Сонная и растаявшая, сползла на коврик и завернулась в предложенный наряд.

— Ты потом к Айну?

— Нет, у меня запись на следующей неделе.

Айн — мой колорист. Тот, кто сотворил для образа Бриаль Бетрой невероятно красивый шоколадный оттенок, который я поддерживаю вот уже несколько лет. Никто, кроме самых близких, не в курсе, что меня угораздило родиться блондинкой с волосами песочного цвета. Ну и еще нескольких сотрудников «Пряного волшебства», например, стилиста-косметолога и мастера по эпиляции. Поскольку в этом салоне обслуживаются даже иртыханы, языки у здешнего персонала короткие. Иначе быстро окажешься на улице.

— Халлоран тебе совсем не понравился?

Может, и понравился бы. Если бы не считал, что может разложить меня на первой попавшейся поверхности, когда ему вздумается.

— Нет.

Лэм глянула на часы, притянула меня к себе и чмокнула в щеку.

— Лапуль, рада с тобой поболтать, но у меня вот-вот клиентка. Через

пару часов освобожусь, может, махнешь к нам, а? Чтобы дома не киснуть?

— А Дрэйк?

— Да он только рад будет! Давненько мы не собирались все вместе...

Подруга ойкнула и прикусила язык, но я только рукой махнула. Не убиваться же по несостоявшимся отношениям с Вальнаром всю оставшуюся жизнь. И плевать, что в квартире друзей все будет напоминать о нас, мы даже у меня реже встречались, чем у Лэм с Дрэйком. Просто у сестры с моим бывшим не сложилось, она называла его пафосным засранцем, а он ее — куколкой из зэд-шоу.^[2] Но, даже если бы между ними все было нормально, сложно встречаться со взрослым состоявшимся мужчиной у себя дома, где живешь с сестрой-подростком. Реально сложно. Я помотала головой, отгоняя непрошеную картину воспоминаний, когда Вальнар заскочил ко мне во время обеда, а Танни неожиданно вернулась из школы.

— Я бы предложила клуб, но с этим реально могут возникнуть проблемы. — Подруга подмигнула. — Кое-кому давно пора понять, что гулять от него я не собираюсь. У, временами придушить готова!

Своей граничащей с помешательством ревностью пианист удивлял даже меня: при внешнем пофигизме и работе в шоу-бизнесе умудрялся ревновать подругу чуть ли не к подмигивающим габаритками флайсам. А может, дело было как раз в том, что он слишком давно работал в Ландсторхолле и сам отчаянно любил флиртовать. К счастью, дальше флирта после встречи с Лэм дело не заходило. Есть у меня подозрение, что он перебесится, как только Лэмерти примет его предложение. А она не спешила связывать себя брачными узами, пока творится такая вот дребедень. По большому счету все мужчины страшные собственники.

— Так что, приедешь?

— С радостью.

— Вот и здорово! Тебе точно не мешает отвлечься. — Подруга подмигнула. — Так что давай в душ, потом одевайся и дуй домой. После работы я тебя подхвачу и двинем в нашу сторону. Замутим пару горячих коктейлей, поговорим по душам, врубим музыку на полную, потанцуем. Нарисуем твое начальство и спалим его в духовке...

Я рассмеялась и увернулась от ее руки, но та все-таки успела сорвать с моих волос прозрачную шапочку, которой теперь размахивала, как флагом.

— Как там у тебя в песне поется? «Эту ночь мы с тобой не забудем»?

— «Эта ночь нас с тобой не забудет».

— О да, детка. — Лэм ухмыльнулась и вскинула ладони, по которым я ударила в ответ. — Этой ларрке однозначно будет что вспомнить!

— Накрылся задницей дракона, представляешь? — расстроено сетовала подруга, опрокидывая в кастрюльку бутылку кистонского вина и ожесточенно помешивая.

— Ничего, починишь. — Я успокаивающе погладила Лэм по руке. — Он же у тебя застрахован.

— Только это и радует.

В ее новенькой модели флайса и правда на удивление быстро накрылся аккумулятор. Двух месяцев ведь не прошло со дня покупки. Или я что-то путаю? Я могу. После того как устроилась в Ландстор-холл, время летит с невероятной скоростью, неделя только начинается — и сразу заканчивается.

Потянулась за специями, стоявшими на полочке: остатки мыслей выветривались со скоростью полета на аэроэкспрессе. И так хорошо было не думать ни о каких проблемах, а главное, о завтрашнем дне. Напевая себе под нос, осторожно добавила в кастрюльку камартовый флар^[3] — смягчающая сладость немного подчеркнет кислинку, бросила пару ароматических звездочек и одну горьковатую палочку для вкуса. Запах от шантвейна стоял умопомрачительный, а бокалы с толстыми стенками уже ждали своего часа на прикрытых блюдцами салфеточках. Я сунула туда разноцветные соломинки и украсила парными ягодками литтона — красновато-фиолетовыми, кисло-сладкими, сочными.

Подруга продолжала мешать, а потом убавила огонь и прикрыла кастрюльку крышкой.

— А, наблы^[4] с ними! Покатаюсь пока на общественном транспорте.

Скоростные аэропоезда мне нравились, разве что народу в них в час пик — не пробиться, но в такое время можно вызвать заказной флайс. А так все удобно, в любую точку Мэйстона добираться очень быстро. По сравнению с подземкой они просто чудо, там вообще народ трамбуется так, что только по волшебству к потолку из общей массы не выскальзывает. Я об этом знаю не понаслышке: когда жили на нижних уровнях, денег только на подземку и хватало. Благо эти времена остались в прошлом.

— А позвонить им, чтобы сами забрали, нельзя?

— Можно, но там все равно бумаг оформлять кучу. Это нужно целый день из жизни выкинуть, а у меня график...

Работала Лэм не меньше моего. Они с Дрэйком снимали квартиру попроще, потому что копили на собственное жилье. Вкалывать для этого приходилось знатно им обоим. Ну а что делать, недвижимостью в Мэйстоне

стоит бешеных денег. Причем не только покупка, но и налоги на нее, деньги на которые тоже нужно откуда-то брать. Первый налог — двадцать пять процентов от стоимости, дальше проще, но все равно с неба такие подарки судьбы не падают.

— Та-ак... — Подруга водрузила на барную стойку вазу с фруктами, я подхватила тарелки с тарталетками и канапе.

Кухня у нее была просторная и стильная: черный камень и золото. Этаж пониже моего, но из панорамного окна все равно видно высотку, где я сегодня побывала. По-хорошему мне бы до небес прыгать от счастья, но как-то не прыгалось: то ли небо слишком высоко, то ли счастья для ускорения недостаточно. Как же, местр, правящая семья, хранитель города. Собственно, причина того, что драконы не подлетают к Мэйстону, заключена в центральной башне Лаувайс.

Иртыханы держат современные технологии в секрете, чтобы никто не мог навредить городу или разрушить щит. Источник — предположительно ментальная магия, голосовые вибрации, преобразователь, но никто не знает, как это происходит. В старину приходилось отражать атаки на поселения при появлении драконов, но с развитием прогресса появилась возможность держать защиту постоянно. После чего в мире стали появляться и разрастаться мегаполисы, пожиравшие маленькие города и округа. Мэйстон, например, давным-давно состоял из отдельных разноименных островов, большинство которых не раз горело.

— Так вот, недавно назревал очередной скандал... — Лэм ткнула в панель управления плитой и облокотилась о стойку, дожидаясь, пока шантвейн настоится. — А я ему говорю: чем языком так активно двигать, подвигал бы чем-нибудь другим. Ну так мы с ним чуть диван не раскурочили.

Я прыснула.

— Так бы всегда.

— И не говори. Иной раз вернется из этого вашего сценического ада — человек человеком, а иногда — будто дракон задницу поджарил. Что вы там с ним делаете?

— Сейчас горячий сезон, выступление за выступлением. Все нервные, вот и бросаются друг на друга.

— Да я уж заметила, — проворчала подруга. — Если даже Эвель с крышей не дружит...

Я передернула плечами, а Лэм подалась вперед.

— Слушай, может, тебе заболеть, а? Ну, позвонишь этой ларрке Обри, скажешь, что живот прихватило и все такое. У Халлорана наверняка дел по

горло, а баб вокруг вьется, как ос над пирожными. Забудет про тебя, и все образуется.

Наверное, это даже могло сработать. Если бы я сегодня не вломилась к нему в офис. Теперь он про меня еще долго не забудет и — что-то мне подсказывало — так просто не отвяжется.

— Хотелось бы верить.

Я уселась на высокий стул и подперла подбородок руками.

— Ну или скажи ему, что у тебя парень есть.

— Да он знает обо мне больше, чем я сама!

— М-да. Об этом я как-то не подумала. — Подруга потрянула головой и с визгом отбросила крышку. — Ай, горячая зараза! — Потерла руку об обтягивающие домашние штаны и принялась разливать шантвейн. — Ладно, утром всяко лучше думается на свежую голову.

Почему-то «свежая голова» рядом с Халлораном работала плохо, но это я уточнять не стала.

— Я вроде как собираюсь принять предложение.

Лэм поставила на стойку бокалы с дымящимся ароматным напитком и запрыгнула на соседний стул. Вытянула руку, показывая колечко, которое Дрэйк ей подарил на помолвку. Тоненькое, с золотым украшением в форме капли. Красивое. То, что она его надела, означает, что предложение принято и что все действительно очень серьезно. В Аронгаре не многие обременяют себя брачными узами, это удел правящих и родовитых семей, остальные предпочитают не заморачиваться. Хотя бы потому, что церемония нанесения росписей — это нерушимая клятва. На всю жизнь.

— Ох... — Я широко улыбнулась. — Поздравляю! Очень за вас рада. Очень-очень!

— Ну да. Решилась вот. — Подруга немного смущенно подцепила канapé. — Понимаешь, я без него теперь... ну как дракон без гнезда. Ссоримся, расходимся по разным комнатам, и я тут же начинаю дико скучать. Скажешь, сумасшедшая?

— Влюбленная.

Все, конечно, прекрасно, но мне такого счастья не надо. Это слишком... выматывает. Вальнар, например, сцен не закатывал, он для этого слишком гордый. Разве что был против моей карьеры — постоянно говорил, что стоит либо сменить профессию, либо бросать работу вообще. Считал, что вполне способен нас обеспечить и не для чего тратить время на сцену, где меня ощупывают похотливыми взглядами все кому не лень. Злился, когда я выходные проводила с Танни, а в конце концов поставил вопрос ребром. Либо я переезжаю к нему, либо продолжаю «нянчиться» с

сестрой и «голосить на потеху публике». Так мы и расстались.

— Ну... — Лэм подняла бокал, и мы соприкоснулись краями. — Тогда за дружеские посиделки!

— И за скорую свадьбу!

Я подмигнула, а подруга смутилась еще сильнее. Горячий шантвейн был сладким — не в пример обжигающе-горькому цветочку, попавшемуся мне на язык, насыщенного фиолетового цвета из-за ликера, с ягодкой, насаженной на шпажку-зонтик. Обычно ягодки надолго не хватало, но сегодня я решила оставить ее на закуску. Предвкушение всегда круче, чем сам процесс. Пока смотришь на ягодку и думаешь, как будешь ее есть... Наверное, примерно так обо мне думал Халлоран.

У-у-у, драконище драное!

— Наслаждайся свободой, лапонька. — Подруга словно мысли мои читала. — Когда на твоей улице перевернется флайс с настоящим мужиком, познаешь все прелести совместной жизни.

Не думаю, что я готова к совместной жизни. Хоть с кем-то.

— Так, все, больше ни слова о мужиках. — Лэм провела рукой по губам, словно застегивала молнию. — Лучше расскажи: та долговязая так и продолжает тебя доставать?..

За беседой мы съели все, что приготовили, — удивительно, какая вместимость у хрупкого женского организма в хорошей компании, а главное, под шантвейн. Говорили о моей работе, о ее работе, обо всякой ерунде, шутили и смеялись. Успели потанцевать и даже пели — так что снизу, несмотря на хорошую изоляцию, кто-то начал стучать в потолок. Пришлось снова перемещаться на кухню и стараться не хохотать в голос, даже если очень хотелось. Очнулись, только когда в холле щелкнул замок, раздался женский смех и звучный голос Дрэйка:

— Лэм, я с гостями.

Мы не успели ответить: на кухню ввалился Вальнар под руку с рыжеволосой девицей, а следом за ними — будущий счастливый муж, который пока еще ничего не знал. Повисло неловкое молчание. Мы с бывшим смотрели друг на друга, улыбки на лицах друзей стремительно таяли, только спутница моего парня... то есть уже не моего, продолжала ухмыляться так, словно ей губы приклеили.

— Привет, Леона.

Его голос, такой родной и знакомый, всколыхнул целую бурю чувств. Как-то очень не вовремя нахлынуло: вот мы сидим на этой самой кухне на одном стуле, а Вальнар целует меня в шею и говорит, чтобы я не ерзала, иначе мы не доедем до его дома. А вот мы вчетвером валяемся на ковре,

смотрим историческую драму, парни устраивают бой фантиками от конфет. И мы с Лэм сначала просто смеялись, а потом присоединились... Расстались мы всего пару недель назад, и вот теперь у него уже другая девушка. Которая, кстати, роскошно смотрится в пальто с меховой оторочкой и обтягивающем фигуру вечернем платье, а я тут сижу в джинсах и свитере с подвернутыми рукавами.

Стало как-то горько. Горько и противно.

— Я пойду.

Лэм метнула на Дрэйка испепеляющий взгляд, но он только растерянно пожал плечами. Подруга догнала меня уже в холле, где я застегивала куртку и прыгала на одной ноге, пытаюсь натянуть сапог. Если по отношению к ней можно применить слово «побледнела», то это оно и было. Привычный шоколадный оттенок кожи потускнел, словно его размыли широкой кистью.

— Слушай, я ничего не знала, правда...

— С ума сошла? — Я щелкнула ее по носу. — Все в порядке.

Наконец-то запрыгнула в сапог, обняла ее и поцеловала.

— Занимайся гостями и не заморачивайся. А мне еще Марргента выгуливать.

Прежде чем Лэм успела открыть рот, я нырнула в радушно приоткрывшуюся дверь.

Петь. Просто петь. Будто вокруг не существует никого и ничего. Будто растворяешься в собственном голосе, льющейся музыке и полусвете. Есть только ты и зал, а голос парит, отражаясь от стен, плещется под высокими сводами клуба и путается в портьерах. Преподаватели называли мой тембр не поддающимся классификации: когда голос способен подняться до самых высоких нот и опуститься к достаточно низким.

Я с тобой... до последнего вдоха

Я с тобой... пока вьется пульс.

Милый мой, я знаю, все плохо.

Мой любимый... я не боюсь.

Я пою, потому что не могу иначе — мне кажется, вместо первого крика при появлении на свет у меня с губ сорвалась песня. Каждый раз, когда выхожу на сцену, моя жизнь расцветает яркими красками. Я люблю своих гостей, всех и каждого. И я счастлива, что им удастся вместе со мной

— пусть даже ненадолго — окунуться в волшебство музыки и забыть о том, что осталось за дверями клуба. Ведь именно для этого я пою.

Сумасшедшая пьяная скорость.
Эта жизнь — ураган огня.
Я тебя никогда не забуду.
Дай мне знать, если любишь меня.

Последние аккорды затихли, и я вдруг поняла — что-то не так.

Дрэйк остался на месте, его руки плавно скользнули с клавиш на колени. Тишину разорвал прерывистый вздох. Полный зал, сотни взглядов. Скрежет вертящегося стульчика, когда пианист все-таки поднялся. Подошел ко мне, взял мою руку, мы вместе поклонились, и... Я никогда в жизни не слышала такого грохота. Люди словно с ума сошли: они хлопали так, что звенело в ушах, аплодисменты взлетали и бились о стены и своды, как рвущиеся на свободу виары. Гости вставали — один за другим отлетали стулья, а я стояла и смотрела в зал как во сне. До той минуты, пока не настала пора уходить. Смотрела на счастливые лица и понимала, что не могу этим надыхаться.

Ну... не зря ведь говорят: перед раскрытой пастью дракона в снежки не поиграешь.

Сегодня я вглядывалась в каждый портрет, в каждое фото и застывшее на нем выступление — некоторые из снимков были еще черно-белыми. Ослепительные улыбки моих предшественниц и танцовщиц из знаменитого на весь мир шоу Ландстор-холла «Звездный дождь». Оно проходило на большой сцене, на которой меня как-то застукал Дрэйк: я вышла в огромный пустой зал и представила, что уже пою в опере. Ну а что, говорят, это помогает. Представишь, а потом оно и в жизни появится. Как-то так.

Глупости, конечно.

— Бри, слушай... — Дрэйк привычно проводил меня до гримерной и теперь мялся у дверей. — Я не хотел, чтобы так получилось вчера. Правда. Понятия не имел, что вы с Лэм соберетесь поболтать по душам, иначе ни за что бы их не приволок.

Лэм мне сегодня уже звонила и полчаса выпытывала, все ли в порядке. Пришлось целых полчаса повторять, что да — все у меня замечательно. К тому же встреча с Вальнаром и его новой пассией имела и свои плюсы: я

почти забыла про Халлорана. Правда, ближе к выступлению вспомнила, поэтому и пела, как в последний раз. Даже если бы в зале не осталось ни одного человека или нарисовались все двенадцать правящих, и то не заметила бы. Вот только иртыхан так и не появился, что внушало надежду. Слабую такую, но все же...

— Все хорошо. — Я притянула пианиста к себе и от души обняла. — Вальнар тоже твой друг, так что... все нормально.

— Точно? — Он испытующе смотрел на меня.

— Точно.

Конечно, когда тебе так быстро находят замену, это не очень приятно. Но мы взрослые люди, расстались — значит, расстались.

— И еще... — Дрэйк переминался с ноги на ногу, а потом вдруг ослепительно улыбнулся. Белоснежные зубы сверкнули. — Лэм ведь уже хвалилась колечком?

Я улыбнулась в ответ.

— Мы тут подумали... поскольку это ты нас познакомила... Хотим, чтобы и на росписи ты распоряжалась.

— Правда? — взвизгнула я и повисла у него на шее. — С радостью!

— Спасибо! — Сияя, как начищенная монета, он подхватил меня за талию и закружил. Невысокий, крепкий и жилистый, пианист легко удерживал меня в руках и вертел, как на карусели. — Ты прелесть.

— А то! — гордо заявила я, болтая ногами. — Да поставь уже, голова кружится!

Он поставил, и меня повело, пришлось опереться о стену.

— Так что, готовимся к свадьбе?

— Шустро и быстро! — Он сжал мои руки и ухмыльнулся. — Пока невеста не передумала. Не представляешь, как я рад, что между нами все по-прежнему.

В ответ я только фыркнула и ловким щелчком сбила у него с головы шляпу: пианист едва успел ее поймать. Хотела сказать, что Лэм от него без ума, и, если уж на такое решилась, скорее драконы явятся в город, чем она передумает. Но не стала. Мужчинам иногда полезно поволноваться, а то чаще всего тревоги по поводу свадебной суеты достаются нам, женщинам.

Мы тепло распрощались, я шагнула было в царство цветов и уютный полумрак гримерной и... снова выглянула за дверь. Откладывать разговор с Эвель — малодушие, но могу же я позволить себе эту небольшую слабость. Убедившись, что Дрэйк ушел, быстро скользнула в сторону большого зала. Жизнь в Ландстор-холле кипела, навстречу мне попались девочки из танцевального шоу «Огненный шквал». Все как одна в пламенных нарядах

с летящими пышными юбками. Мы на ходу обменялись приветствиями, они убежали на сцену, а я продолжила путь.

Повсюду сновал персонал; в отличие от гостевых коридоров, где было тихо, в служебном всегда царила суэта. Он огибал здание по кругу и выводил к закрытым кулисам, в которые я и нырнула. Партера здесь не было: сцена не только поворачивалась во время представлений, но и поднималась на уровень многоярусных балконов. Во время выступления на танцовщиц сыпались светящиеся искры, напоминающие звездный дождь.

Я вышла на сцену и запела.

Как в последний раз. Словно пыталась сохранить в себе это звучание, вибрацией рождающееся в груди и текущее в вечерний зал.

Ох, как бы мне хотелось...

— В Мэйстонской опере явно многое потеряли.

От визга спасло то, что я лишилась способности двигаться. И шевелиться. И говорить. Я вообще превратилась в статую, с ударением на букву «у» — вроде тех, что живут в музеях, бережно храня воспоминания о прошлом. Или не очень бережно, у одних рук-ног-голов не хватает, а другие опалены огнем.

— Что вы здесь делаете? — прошипела я, когда Халлоран шагнул из тени кулис прямо ко мне.

— Ваше любезное — не в пример некоторым — руководство предложило мне экскурсию...

О, мы уже на «вы»? Прогресс! Всего-то и надо было визор расколотить! Интересно, об этом Эвель тоже уже знает?

Поморщилась, представляя, сколько он может стоять и во сколько мне обойдется душевный порыв.

— А вы, наверное, любезно согласились? С высоты своего положения.

— ...Но ее срочно вызвали по делам, и она ненадолго оставила меня одного. А тут вы с арией Артомеллы. Вас не учили, что перебивать невежливо?

Он приближался ко мне медленно, как хищник, а я словно выросла в пол.

— Вас не учили, что преследовать женщин нехорошо?

— Разве я вас преследую?

— А что вы делаете прямо сейчас?

Халлоран остановился в каких-то сантиметрах. Сцепил руки за спиной и теперь смотрел мне прямо в глаза.

— Вы влюблены в Шайну Анж?

— С чего вы взяли? — Я передернула плечами.

— Ария Артомеллы — ее любимая, если не ошибаюсь.

Ладно, зачет. Историю первой женщины-иртхана, сумевшей отразить атаку драконов на беззащитный город и умереть на руках у любимого, знает. Сложнее найти того, кто ее не знает. Точно так же как Шайну Анж, которая первая за долгие годы вытянула эту бесконечную арию. И ни одну ноту не сорвала. Пела она, правда, в другом городе... И это странно. Действительно оперой интересуется, что ли?

— А может, это вы в нее влюблены?

Я на всякий случай отвела руки за спину. Ну так, чтобы случайно никому излишне самоуверенному пощечину не вклепать и не остаться без пальцев. Или что он мне там обещал сломать?..

— Значит, не ошибаюсь.

Рядом с ним не спасали даже мои «любимые» шпильки. Вот как иртхану это удастся, а? Я вроде ни на рост не жаловалась, ни на самооценку, но рядом с ним меня словно в зыбучие пещерные топи затягивает. И ни тебе веточки, ни соломинки, чтобы уцепиться. Мы так и застыли друг напротив друга. Он смотрел на меня, словно сканировал. Может, подарить ему недавний медицинский снимок моих ребрышек? Пусть повесит в своем кабинете и любуется, а то по ощущениям примерно куда-то туда и заглядывает.

И все-таки сейчас я не чувствовала исходящего от него желания размазать меня по сцене. За легким прищуром и полуулыбкой скрывалось что-то новое. Что-то, что я пока объяснить не могла. Да и надо оно мне — объяснять это?

Из оцепенения вывел быстрый стук каблуков и голос Эвель:

— Местр Халлоран, благодарю за ожидание. Надеюсь... О!

Она вылетела из-за кулис и сейчас явно не знала, как незаметно запихнуть себя обратно.

— Благодарю за участие, эсса Обри. Вы ведь не станете возражать, если экскурсию продолжит Леона?

А? Я подавила желание стянуть ленточку с головы и подвязать челюсть. Кажется, пока я вчера тусила с Лэм, кто-то подменил этого типа. Хотя нет, вряд ли. Я его не просила звать меня по имени! Да если честно, я его вообще не просила меня как-либо звать.

— О... Разумеется, нет. Леона, начни с...

— Мы разберемся. Спасибо.

Не-а. Не подменили.

«Мы», местр Халлоран, великий и ушастый.

Кстати, уши у него нормальные. Хорошие такие уши. Красивые.

Виары и ларрки! О чем я вообще думаю?

А вот Эвель сдулась, сжалась и усохла еще больше, насколько позволял ее тощий объем, уменьшилась в размерах и кивнула. А этот вконец охамевший дракон протянул мне руку. Глаза его опасно сверкнули.

— Итак, Леона... С чего начнем?

ГЛАВА 4

— Гримерная, — сообщила я тоном голографического экскурсовода, шагая так быстро, что только благодаря непонятному мне волшебству ни разу не поскользнулась на каблуках. Те, кто попадался навстречу, откровенно косились в нашу сторону, и я как-то равнодушно отметила, что моей репутации конец. От слухов теперь не отмоешься. — Гримерная, гримерная. Общая гримерная. Заглядывать будем? Там, правда, девушки могут переодеваться. Но вас это вряд ли смутит, верно?

— Вы со всеми так себя ведете? — Халлоран прищурился.

— Только с теми, кто меня достает. «Лунные вихри», — указала на черно-белое фото, где мужчины удерживали танцовщиц, и впрямь изогнувшихся в их руках, как растущие луны. — В конце прошлого века две семейные пары танцевали при Ландстор-холле и гастролировали по всему миру. После ухода со сцены отказались продать права на название и танцевальные номера, которые ставили сами.

— Эгоистично с их стороны.

— Вы так считаете?

— Смысл искусства в том, чтобы нести прекрасное людям, разве не так?

— Даже если бы они их продали, не факт, что кто-то сумел бы повторить.

— Если бы композиторы запрещали играть свои мюзиклы, а режиссеры — свои постановки, большинство шедевров осталось бы только в памяти наших предков. Теперь же мы с вами можем наслаждаться ими в той же мере, что и любой человек пару сотен лет назад.

Издавается он, что ли? Украдкой бросила быстрый взгляд, но лицо Халлорана оставалось бесстрастным. Лампы в ажурных плафонах рассыпали неяркий свет, от чего его светло-серый пиджак казался металлическим, а темные волосы залитыми серебром. Да и сам он словно был существом из стали — двигался стремительно, быстро, останавливаясь разве что там, где замедляла шаг я, чтобы послушать меня, а потом снова устремлялся вперед. Видно, что привык брать от жизни все и ни перед чем не отступать. Похвальное качество в общем-то, если бы я не влетела в него в лобовую. В это самое качество и в его владельца.

— Там, — я указала в сторону закрытой двери, ведущей в соседнее крыло, — сидит наша администрация. Ничего интересного. А здесь...

Мы повернули за угол и оказались перед маленькой аркой, прикрытой портьерами. Настолько маленькой, что Халлорану пришлось пригнуться, чтобы пройти — правда, меня он пропустил вперед, поддерживая тяжелую ткань. В отличие от холодного света коридоров, здесь от простеньких настенных бра исходило тепло. Такое мягкое, солнечное освещение, как в старых фильмах показывают. Играющее на ковролине нежными красками и превращающее агрессивный красный в сочный коралловый. Просторный когда-то зал был завален сверху донизу.

— Сейчас здесь склад... всего.

Склад был действительно всего. Сюда сносили отжившие свое декорации, реквизит, старую мебель, сваленную горой, рамы от разбитых зеркал, портреты и репродукции, которым не нашлось места ни в залах для гостей, ни в коридорах. Здесь оказалась даже старинная люстра, щедро припорошенная пылью, с тысячами подвесок, которые жалобно зазвенели, когда Халлоран поддел одну из них пальцем. Блики света заиграли на них, отражаясь в его глазах, от чего создавалось странное чувство, словно на меня и впрямь смотрит дикий зверь. Неукротимый, опасный и непредсказуемый.

Отправив мысль ментальным пинком на задворки сознания, продолжила:

— Сердце Ландстор-холла. На этом самом месте сто восемьдесят один год назад было построено первое здание... ну, если сделать скидку на высоту.

Современный клуб — это стальной монолит, уходящий на сорок уровней вниз, внутри которых находятся парковки для гостей и лифты, а наверху это парящее над городом здание, венчает которое полупрозрачный цветок. Этот цветок расположен как раз над большим залом, каждый лепесток подвижен, и во время шоу они могут меняться местами, от чего создается ощущение, словно небо над тобой распадается на части и собирается заново. Иногда, в хорошую погоду, на летних представлениях, лепестки раскрываются, и гости и актеры оказываются под настоящим звездопадом.

— Оно сторело спустя десять лет после первого представления, во время ландсаррского налета.

Ключевые события историки называют по имени правящих династий, чтобы не путаться. Тогда в Мэйстоне правили Ландсарры, которых Совет двенадцати отстранил именно после того страшного случая. На их место поставили предка Халлорана, Керрана I, и с той поры город больше ни разу не подвергался нападениям. Что неудивительно, из поколения в поколение

благодаря бракам правящих семей кровь становится только сильнее. А его прапрапра... не будем уточнять, уже был достаточно силен, если не побоялся вступить в разоренный, полыхающий и объятый ужасом город, из которого бежали даже правители. И развернуть драконов обратно в их пустоши.

— Ру Прейс, тогдашний владелец Ландстор-холла, на развалинах устраивал бесплатные представления. Он выходил сам как конферансье, а певцы и танцовщицы выступали прямо под открытым небом. Ру платил им из своих сбережений.

Нам рассказывали это на углубленном курсе истории искусств, куда я записалась после выбора специализации. Впервые услышав эту историю, я плакала. Представляла, как вечерами те, кто восстанавливал город, опустошенные, потерявшие близких люди, тянутся к обгоревшим руинам кабаре, чтобы ненадолго забыться после тяжелой работы. И как над разоренным, ощерившимся гнилыми зубами городом садится красное солнце, разорванное пронзительной песней или завораживающими танцами.

— Эсстерд Прейс доживал последние годы, когда его сын взялся за возведение нового здания. Старик думал, что не дождетсЯ завершения строительства, но за несколько дней до смерти все-таки успел посмотреть на четырехэтажный клуб, в котором было целых два зала. И гораздо больше мест для гостей.

Я вскинула голову, не совсем понимая, почему голос принадлежит не мне.

— Вы задумались, и я решил продолжить.

А еще он решил подкрасться ко мне вплотную, и теперь его ирхтамство стояло непростительно близко. Холодный резкий аромат, смешанный с терпкой пряностью сигар. Исходящий от него жар — животный, волнующий — пламенной волной прокатился вдоль позвоночника. От макушки до кончиков пальцев ног, вызвав сумасшедшее желание потянуться к нему, коснуться кожи. Губами. Языком. Всем телом. Но прежде, чем я позволила этой мысли себя оглушить, Халлоран притянул меня к себе. Резко, рывком, как захлопываются лепестки хищного цветка, поймавшего жертву. Горячие руки скользнули по обнаженной спине, вызывая новый прилив жара, а губы смяли мои — жестко, яростно, властно.

До судорожного вздоха, отозвавшегося в груди сладким теплом, до напряженных сосков, которые ласкала прохладная ткань, хотелось почувствовать эти жесткие, горячие, подчиняющие губы. Запрокинуть голову,

развести бедра, позволяя ему делать все, что он хочет. Позволяя себе делать с ним все, что хочу я.

В себя пришла, когда меня толкнули к стене, сжимая запястья над головой. От запаха пыли, от хруста чего-то под каблуком, а может, от осознания абсурдности ситуации — глава правящей семьи собирается поиметь певичку в подсобке. Просто сюжет для дешевого порнофильма.

Чем я вообще думала, когда привела его сюда? Купилась на разговоры про искусство, как последняя дура! Да сдалось ему все это искусство со всеми трогательными историями, вместе взятыми. Просто он привык добиваться своего. Так или иначе.

Поцелуй оборвался вместе с дыханием.

— О Ландстор-холле вы тоже знаете все, не так ли?

Халлоран прищурился, но меня отпустил. Даже отступил на несколько шагов.

— Изучали на досуге? В перерывах между совещаниями?

— Привык знать, с чем или с кем имею дело.

— О, это я уже поняла. — Я поймала руки на подлете — не поправлять же прическу или платье, будет слишком мелодраматично. — И не скучно вам? Все обо всех знать.

— Это значительно упрощает жизнь. Особенно в нашем безумном мире.

— Вам непростительно давно не делали приятных сюрпризов.

— Под приятными сюрпризами вы понимаете то, что устроили в моем офисе? — Он усмехнулся.

Чувства, что я пережила, растянутая на стекле над Гельерским заливом, обрушились всей своей силой. Последний раз я так себя чувствовала, когда неожиданно отключили горячую воду. Успела как следует вспенить и смыть шампунь, а геля для душа на мне было прилично. С визгом выскочила из-под ледяных струй, разбрызгивая пенные капельки по плитке. Вот только тогда я завернулась в полотенце, а здесь даже полотенца не было. Драконы его деря, почему всякий раз рядом с ним я чувствую себя голой?!

— В таком случае желаю вам счастливой размеренной жизни без неожиданностей, — прошипела я. Меня мелко потряхивало. — Можете сдать билеты в кассу, концерт отменяется. А потом следуйте по указателям и вспоминайте все, что прочитали про Ландстор-холл, местр.

Шагнула в сторону арки, но пальцы иртехана сомкнулись на запястье наручниками.

— Не играй со мной, девочка, — низкий, угрожающий голос.

Помилуйте, от такого дракон под себя наделает, а я — это просто я. И можно я уже пойду?

— Не стану, — пообещала искренне. — А впрочем...

Последние его слова вызвали нездоровое веселье. Думает, что может мне указывать? Снова и снова тыкать носом в пол, как нашкодившего виара? Что ж, играть — так играть по-крупному!

— Вы знаете обо мне так много, а я о вас ничего. Несправедливо как-то.

Он приподнял бровь.

— И что же ты хочешь знать?

— Давайте по списку, чтобы все было справедливо. Ваши родители?

— Всю жизнь прожили в Мэйстоне. Отец правил сорок три года, — хмыкнул он. — Мать занималась благотворительностью, это известно всем.

— Да-да, знаю. — Я махнула рукой. — Ваш брат учится в Академии, и все такое. Но это правда известно всем. А что не известно? Ну, вы же раскопали историю моей матери с отчимом. Что-нибудь такое пикантное было? Я имею в виду — остренькое, с перчинкой, семейные тайны?

Глаза иртехана сверкнули.

— Нравится ходить по краю, Леона-Бриаль?

Да, это у меня экстремальное увлечение такое: «Разозли Халлорана» называется, век бы его не видеть!

— А вам? — спокойно встретила его взгляд.

— Не боишься упасть?

— Иногда полет стоит падения.

— И сломанной шеи?

— Почему вы так не любите женщин, вам подружка изменила?

Меня полоснуло его силой. Наотмашь.

Не успела вдохнуть, как снова оказалась прижатой к стене. Запястья он без труда удерживал одной рукой, второй резко задрал мою ногу. Юбка поползла вверх, открывая плотное кружево чулок и ремешок пояса. Взгляд иртехана не просто горел — он полыхал огнем, алый цвет стремительно заполнял радужку.

— Поговорим начистоту, Леона-Бриаль. Такие девочки, как ты, очень любят играть с огнем. И умело набивают себе цену.

Колено уперлось мне между ног, заставив дернуться. Но тело отозвалось на это совершенно иначе: горячая волна прокатилась от самого низа живота и до груди, заставляя все волоски встать дыбом. Взгляд иртехана обжигал, сердце трепыхалось где-то в районе горла. И так же, как горели его глаза, горела и моя кровь, отравленная сквозь кожу жесткими

прикосновениями. Прикосновениями, от которых мутился разум. Голова напоминала перевернутый стеклянный шар с опадающими внутри снежинками, и, когда Халлоран наклонился к моим губам, я со всей силы пнула его в бедро и оттолкнула.

— Отвали, драконище драное!

Не ожидавший такого отпора иртвахан пошатнулся и разжал руки. Я впечаталась в стену и поползла вниз, а он наткнулся на пирамиду из мебели. Раздался скрежет, лязг падающего ведра. Внутри оказалась какая-то дрянь бледно-желтого цвета, которая выплеснулась на пиджак и идеально прилизанные волосы Халлорана. Следом на пол брякнулось ведро. Покатилось, сверкая остатками содержимого и оставляя за собой скользкий след.

Я смотрела на все это долго.

Или мне так казалось. А потом перевела взгляд на иртвахана и отчаянно пожалела, что ведро упало не на меня.

По дороге домой я не выпускала из рук телефон и вглядывалась исключительно в свое отражение. Отражение смотрело на меня огромными глазами и явно задавалось вопросом, на кой ему достался такой непутевый оригинал. Но темный экран не спешил оживать, а динамик — орать голосом разъяренной Эвель, что теперь я могу петь исключительно в подземках. Думала, иртвахан меня убьет — на месте, взглядом. Но Халлоран рывком стащил пиджак и вылетел из подсобки, а я на подгибающихся ногах поплелась в примерку.

— Эй, дамочка! — недовольно напомнил о себе водитель.

Я встретила с ним глазами в зеркале заднего вида и прочла все, что он обо мне думает: укурилась.

— С вас сорок семь тэррингов.

Сегодня квартира встречала меня благословенной тишиной, но порадоваться ей я не успела. Стоило распахнуть дверь — в нос ударил запах дешевых сигарет и пошла, вопли и пальба из визора. Свет был выключен, но холл и гостиную озаряли вспышки света с экрана, мутная завеса становилась то светлее, то темнее. Кто-то оглушительно заверещал, что-то разбилось, и я поняла, что Танни снова смотрит ужастик. Не одна.

Не снимая пальто и сапожки, прошла в комнату. В гостиной обнаружили двое лохматых парней, у одного из которых в носу и ушах блестели металлические кольца, а другой выглядел как герой комиксов, с размалеванным черно-белой краской лицом и выразительно стоящими разноцветными волосами. Посреди этого безобразия сидела моя сестрица,

закинув ноги на колени одному, а голову на плечо другому. Все трое курили, на ковре валялась пустая бутылка и грязные бокалы.

— Э-гей! Мамочка пришла! — воскликнул один из парней и помахал мне рукой. — Сейчас будет горячо.

— Это Грэнс. — Сестра ткнула пальцем куда-то в сторону: так, что понять, кого именно мне представили, было невозможно. — А это Каррок.

— Я вам не мамочка. — Первым делом коснулась панели выключателя. Свет зажгла самый яркий, заставив всех троих зажмуриться. — Это раз.

Выключила визор и увидела Марра. Он сидел у лестницы: тихий, напряженный. Уши прижаты, а хвост с глухим шкрябаньем елозит по полу.

Злой.

— А два? — проблеял второй кретин.

— А два — вы немедленно поднимаете свои тощие прокуренные задницы с моего дивана и закрываете за собой дверь. С той стороны.

— Эй! — Сестренка вскочила, пьяно пошатнулась, но удержалась на ногах. — Это и моя квартира тоже!

— Но это не значит, что ты будешь таскать сюда всех подряд.

— Я че-то не понял, детка, ты нас сейчас выставляешь? — Тот, что с разноцветными волосами, поднялся.

И не просто поднялся, угрожающе двинулся на меня.

Марр спружинил, раскинув крылья, а в следующий миг придурок с размалеванным лицом уже летел на ковер под оглушительный визг Танны и вопль своего дружка, который мгновенно протрезвел. Виар взмыл в воздух, а потом снова бросился на валяющегося на полу парня. Я успела только увидеть когти: заостренные, как лезвия, удлиняющиеся на глазах. И раскрытую пасть с иглами зубов, в которой рождался крохотный шарик пламени.

— Стой!

Бросилась вперед, заслонила собой придурка, который выл, как подстреленный набл.

Понимала, что уже не успею увернуться, поэтому закрыла руками лицо и сжалась в комок, но боли не последовало. А вот ветерок, гоняющий выбившиеся пряди туда-сюда, показался очень и очень странным. Приоткрыла один глаз и обнаружила зависшего в сантиметрах от своего лица Марра. Он махал крыльями часто-часто — чтобы удержаться на лету, и смотрел на меня. Странно так смотрел, словно ждал, что я скажу дальше. Огня не было и в помине, когти втянулись. Я хлопала глазами, а виар внезапно взмыл под самый потолок и исчез на втором этаже.

— Хренасе! — выдал парень с кольцами в носу.

И тут меня затрясло.

Я вдруг осознала, что из-за этих дебилов Марр мог порвать на куски не только меня, но и Танни. Превратить любого из нас в огненные факелы.

— Пошли вон! — заорала я, хватая первого, кто попался мне под руку, а именно пытающегося подняться черно-белого.

Подтащила к двери, распахнула, вышвырнула к лифтам и не без удовольствия наблюдала, как трусит за ним его друг, оставляя на полу грязные ляпки со своих толстых десятисантиметровых подошв. С треском захлопнула дверь и протопала к окну, распахнув створку от пола до потолка, позволяя свежести ворваться в заполненную мерзким вонючим дымом комнату. Не сказать, что воздух на улице сильно чище, но, по крайней мере, эта дрянь стремительно выветривалась, позволяя дышать полной грудью без боязни выплюнуть собственные легкие.

— Ты чего творишь?! — заорала Танни, когда я схватила ее за руку и потащила на второй этаж.

Вообще-то сестра уже скоро перегонит меня по росту и по силе я ей не соперница, но в таком состоянии ее хватало только на то, чтобы еле переставлять ноги и ругаться словами, от которых уши грозили свернуться лепестками алакании трубчатой. Не дожидаясь, когда поток ругательств иссякнет, втокнула ее в комнату и нажала блокировку замка. С той стороны принялись дубасить кулаками и ногами. Судя по ударам, еще и с разбегу плечом. Ну да. Там, где есть сила, мозги уже не требуются.

— Открой! А ну открой немедленно!

— И не подумаю. До следующей недели никакой улицы.

— Но завтра начинаются выходные!

— Вот именно.

— Ларрка долбаная! — донеслось из-за двери.

— Ах да. Еще завтра утром уберешь квартиру и вычистишь тот отстойник, который вы здесь устроили. Позориться перед Мэлз я не собираюсь.

Мэлз — приходящая уборщица, которая содержит наш дом в чистоте и уюте. Приятная женщина, по-аронгарски говорит плохо, но для меня это не важно. У нее трое маленьких детей и муж, который работает на расчистке свалок от аккумуляторов. Днем Мэлз вычищает клетки в зоопарке, а вечерами ходит по квартирам. Их семья из Калхакрии, небольшого государства за океаном. Там постоянные налеты, поэтому и уровень жизни куда ниже, чем у нас в самом задрипанном нижнем районе.

— Ненавижу! — донеслось из спальни сестры.

В дверь что-то ударилось — судя по всему, ботинок. А я вздохнула, посмотрела превратившийся в кошмар домохозяйки холл и... пошла убираться. Ну не могу я оставить до утра эту грязь, да и успокоиться не помешает. Перед глазами до сих пор стояла оскаленная пасть Марра и когти, летящие в лицо. Случись им достигнуть цели, кожу бы располосовали до кости. Далеко не факт, что кости остались бы целы: у виаров основное оружие даже не зубы, а когти. Так природа распорядилась — сил, чтобы защититься огнем перед горными драконами, у них не хватает, зубами броню не взять. А вот перебить связки на лапах и крыльях когтями можно вполне.

Переделалась в домашнее, подвязала волосы и превратилась в нечто среднее между певицей из Ландстор-холла и Леоной Ладэ, какой я была до смерти мамы. Тогда еще только мечтала о том, что буду петь, но все мои мечты не шли дальше подпевания в ванной или на кухне, когда приходилось готовить ужин, загружать стиральную машину или разгружать посудомоечную.

Пару раз уронив тряпку мимо ведра, поняла, что мне нужно выпить.

А что выпить, если из спиртного у нас в доме только ягодная настойка трехгодичной давности? Мне нельзя крепкие напитки из-за голоса, а гости у меня бывают редко. Из-за Танни.

Как выяснилось, настойка превратилась в застывшую дрянь, которую я вылила в раковину. Включила чайник и уселась пережидать последствия стресса: руки мелко дрожали. Может, чай спасет. Или кофе. Или просто горячей водички хлебнуть?

— Чего дрожите? — мрачно поинтересовалась у побелевших пальцев. — Ничего же не случилось.

Ну да. Только Халлорану по моей милости на голову упало ведро, а Марр чуть не нашинковал меня на спагетти.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Шкряб. Шкряб.

Повернула голову и увидела Марра, виновато загибающего пушистыми лапами. Он смотрел мне в глаза и урчал, и я протянула ему руку. Одно движение — и мне уже тыкаются ладонью в нос, не переставая утробно урчать. Не выдержала, погладила, и шерсть над лобовыми чешуйками тут же раскрылась цветочком. Виары вообще долго злиться и обижаться не умеют, но если уж разозлились...

За все время, что Марр живет у нас, такое случилось впервые. А пьяный придурок вряд ли отдавал себе отчет, насколько виары чувствуют агрессию, и уж совершенно точно не знал, что «подчиняющий» ошейник на

нем только для вида, муляж. Ошейники, которые надевают на домашних питомцев, напрямую связаны с подавляющими волю кристаллами. Несмотря на то что кристаллы блокируют инстинкты, те иногда все равно прорываются, но при малейшей угрозе достаточно просто нажать кнопку, чтобы зверя не стало. Ужас, в общем.

Благо хоть действую я быстрее, чем думаю. Мальчишку виар бы порвал, а меня вот не тронул.

— Глупый ты, — сказала негромко, — надо уметь держать себя в... лапах.

— Урр-р-р, — ответили мне.

Внушительное пузико устроили на сиденье, лапки свесили по обе стороны от стула, хвост закинули на низенькую спинку. А голову куда? Ну, мне на колени, разумеется, куда же еще. Я продолжала чесать довольно урчащую животину, пока не щелкнул чайник. Только тогда вспомнила про уборку, которую затеяла. И да, виара еще на улицу вывести надо, пока уборки не добавилось.

— Гулять пойдем?

— Виу!

Дважды звать не пришлось, миг спустя когти бодро цокали уже в коридоре.

А мои каблукки — спустя несколько минут — тоже. Правда, гораздо менее бодро.

Танни сидела на одном конце дивана, я — на другом. Между нами стояла миска с вафельными снеками, куда мы по очереди запускали руки. На меня дулись, хотя по-хорошему дуться полагалось именно мне. Но не получалось, поэтому я пыталась сосредоточиться на шоу, где дальние родственники обретали друг друга после долгих лет разлуки. Понятно же, что все подставные актеры, но чтобы расслабиться и отвлечься — самое то. И не думать, что скоро меня уволят. Эвель так и не позвонила: видимо, решила высказать все в лицо.

Так, хватит об этом. Я захватила горсть вкусной вреднятины и принялась ею ожесточенно хрустеть. В шоу как раз выступали мужчина и женщина, нашедшие на улице маленького мальчика и воспитывавшие его до тех пор, пока не объявилась мамаша, заявившая на ребенка свои права. После суда мальчика вернули биологической матери, а им отказали в опекуновстве. Они были разлучены на годы, зато теперь встретились.

— Ску-ко-тень! — заявила сестра, закидывая ноги на подлокотник.

Первая заговорила — значит, хочет помириться.

— А мне нравится.

— Фигня. Только не говори, что ты во все это веришь.

— Не скажу. Но кому-то не помешает поумерить цинизм.

— Пф... — Танни ясно обозначила свою позицию на сей счет. — Мой родной папашка ускакал к первой попавшейся свободной бабе, сверкая задницей. Какой придурок приволочет себе оборвыша с улицы?

— Я взяла Марргента.

Из-за дивана донесся вздох, напоминающий человеческий. Виару было не до наших препирательств, просто очень сложно вынести полную миску вафельных шариков со вкусом бекона, ни один из которых до сих пор не перепал ему. А между тем миска стремительно пустела, и это был серьезный повод для печали.

— Ага. Только налоги за него ты не платишь.

Это правда. На детей налоги такие, что мало не покажется, — перенаселение сейчас страшное, особенно на нижних уровнях. Медицина тоже недешевая, аборт в социальную страховку не включены, не говоря уже о безработице. Вот и процветают повсюду подпольные, смертность от которых очень и очень высокая.

Кстати о налогах. Надо поискать визитки владельцев клубов, которые мне присылали. Надеюсь, я их не все выкинула. Кое-каких сбережений на первые месяцы хватит, а вот потом может начаться напруг, если не найти приличную работу. Ключевое слово «приличную». Но я найду. Ближе к Смене времен ожидается еще одно прослушивание в опере, попробую на него попасть.

— И вообще, Марр у нас не зарегистрирован, у него даже кристалла нет. Поэтому однажды ночью он нас сожрет.

Сестра сделала страшные глаза, дотянулась до пульта и щелкнула, переключая канал.

— Эй!

Выхватить пульт я успела, но на этом все и закончилось — потому что с экрана визора на меня воззрился Халлоран. Точнее, не на меня, а на возвышавшуюся над собравшимися на пресс-конференции светловолосую журналистку. Лицо ирлхана было жестким, в глазах сверкал металл: попадешь под такой прицел, легко не отделаешься. Поскольку залипла я намертво, Танни пришлось слушать вместе со мной его выступление по «Соларс Ван», главному каналу Мэйстона.

— Моя позиция по этому поводу была и останется однозначной. Браконьеры, производители рэгста и все, кто имеет к этому хотя бы малейшее отношение, заслуживают высшей меры.

— Совершенно с вами согласна.

Камера тут же перескочила на другого журналиста, вскинувшего руку.

— И все же. Уровень жизни многих сейчас оставляет желать лучшего. Могут ли рассчитывать на снисхождение те, кто вынужден всеми силами содержать свои семьи?

— И разрушать другие? — Халлоран привычно приподнял бровь, взгляд его стал еще более жестким.

— Какие меры предпринимаются для сокращения безработицы и снижения роста преступности на улицах Мэйстона?

— Только за последние годы было открыто несколько новых предприятий. Должности на автоматизированном безопасном производстве доступны для любого, кто хочет трудиться, не говоря уже о местах в сфере управления.

Властная сила, исходящая от него даже с экрана визора, заставляла ловить каждое слово.

— Но, чтобы занять управленческую должность, нужно учиться!

— По-вашему, это имеет значение?

— Разумеется, образование имеет значение.

— Значение имеет только то, хочет ли человек расти. Все прочее — отговорки.

Кадр сменился, и я поняла, что это была запись. На экране возникла телеведущая, расположившаяся за столом между двумя представительными мужчинами. Над ними висел огромный экран, по которому продолжалась пресс-конференция с Халлораном, только уже без звука.

— Две недели назад в Мэйстоне произошло разоблачение и захват крупной подпольной лаборатории по производству рэгста — синтетического наркотика на основе драконьей крови. — Ведущую отличали огромные карие глаза, которые из-за подводки казались еще больше. Стрижка у нее была «под мальчика», прошлый век, но ей удивительно шло. — Этот опасный бизнес процветает уже долгие годы: чем «старше» кровь, тем дороже наркотик. Сегодня у нас в гостях мейстер Вэлис Горальски — ученый-драконолог...

Седовласый подтянутый мужчина слева от нее поднял руку.

— И Джаден Билс, ведущий специалист фармацевтической компании...

— Ты что, правда будешь это слушать? — Сестра ткнула меня в бок.

Я раздраженно покосилась на нее:

— Тихо!

— ...оценить, насколько справедливо заявление мейстера Халлорана

касательно высших мер. Правда ли, что рэгст влияет на силу иртханов?

— Пока что его действие до конца не изучено, — тот, кого назвали ведущим специалистом, взглянул на экран, — но да, он влияет на магию, как и кровь, на основе которой создается наркотик.

— Как именно влияет?

На уроках истории нам рассказывали, что в древности шаманы Пустынных земель — земель, где появились первые иртханы, вливали себе кровь драконов. Этот ритуал считался священным: получая кровь зверя, перенимаешь его силу. Древние кланы иртханов делились на охотников и защитников. Защитники оберегали поселения от налетов, охотники добывали кровь: неразбавленная, она дарила не только пьянящую эйфорию, но и повышала силу иртхана, возводила даже середнячка на небывалую высоту. Вот только эффект от этого был жуткий — потеря рассудка и превращение в зверя. В переносном смысле, конечно.

— Вызывает кратковременный, но очень мощный прилив сил.

— По закону за употребление такого допинга полагается пожизненное заключение с конфискацией имущества. За производство и распространение, как и за браконьерство, — смертная казнь. Вы считаете это справедливым?

— Более чем, — отозвался фармацевт.

— Местр Горальски?

— Вполне, — тут же подтвердил драконолог. — Поймать взрослого дракона — задача не из легких, поэтому по большей части похищают оставленных без присмотра детенышей. Родителей выманивают, разжигая костры, в которые подбрасывают раннарскую траву.

Раннарская трава — сильнейший раздражитель для драконов. Чувствуя ее запах, они свирепеют и начинают метаться, срываются с мест и нападают на всех, кто окажется у них на пути.

— Иногда похищают даже яйца из гнезд: кровь нерожденного дракона тоже годится для производства. Даже если ненадолго позабыть о вреде, который наносится людям, это бесчеловечно.

Тем не менее браконьеры рисковали и продолжают рисковать жизнью в охоте на подростков: чем старше особь, тем выше качество и сильнее воздействие. А значит, и денег больше.

— Правда ли, что магия иртханов возникла благодаря драконам?

— Принято считать, — драконолог сцепил руки на столе, — что именно ритуалы вливания силы породили среди людей первых иртханов. Тех, кто способен укротить драконов. Некоторые до сих пор называют нас драконами, что, как мы знаем, не совсем верно.

Ну разумеется, у них от драконов только магия и инстинкты. Которые обострились благодаря сражениям со зверем: попробуй тут помедли, когда рядом зверюга, способная насквозь прошить кончиком хвоста или пригвоздить когтями к земле. Не говоря уже о потрясающей возможности превратиться в уголек или ледяную статую.

— Способен ли рэгст привести к необратимой физической трансформации?

Ученый невольно улыбнулся.

— Даже если бы такое было теоретически... повторюсь, теоретически возможно... Боюсь, нет, эсса.

— Вы отрицаете саму возможность оборота?

— Я из тех скептиков, кто считает легенды просто легендами.

Эти легенды уходили корнями далеко в древность. Согласно им первые иртханы могли оборачиваться драконами, чтобы сражаться на равных. Впоследствии они от этого отказались, потому что такое превращение полностью уничтожало личность. Было ли такое на самом деле, никто не знает.

— Почему же?

— Наша магия по-прежнему полна загадок, но мне достаточно сложно представить себе этот процесс. Здесь замешана колоссальная энергия — пожалуй, на ее высвобождение уйдет весь внутренний резерв высшего, не говоря уже о рядовом иртхане. Таким, как я, например. Это верная смерть.

Драконолог многозначительно приподнял брови.

— Сейчас нас ждет небольшой перерыв, а после...

— Слава небесам! — раздалось сбоку.

Я повернулась к Танни. Сестрица наклонилась между колен, делая вид, что ее сейчас стошнит прямо на ковер.

Передача прервалась, пустили рекламу.

«Друга-а-ая жизнь», — запела девушка, управляющая открытым флайсом. Она счастливо улыбалась, рядом устроился мужчина, тоже ослепительно сверкающий зубами. Новенькая иссиня-черная модель мчалась по загородной дороге, петлявшей между гор. Склоны покрывали бесчисленные деревья, от зелени рябило в глазах, а над летящей по магистрали парой раскинулось безбрежное синее небо.

Рекламой этой виртуальной реальности пестрели все щиты города, она была в аэропоездах и на всех телеканалах. Летела с экранов визоров и рассыпалась голографическим мерцанием на верхних уровнях. Какой-то умник придумал мир без драконов и магии и разбогател. В нем люди могут спокойно путешествовать между городами, устраивать пикники, а природа

там отличается от нашей: деревья не на учете, не только в парках и не под охраной ОПЗП, ^[5] из них даже делают мебель и книги. Впрочем, до него, кажется, кто-то написал похожий роман, который особого успеха не имел. Зато сейчас с автором ведутся переговоры об экранизации.

Звяк.

— Скотина летучая!

Я увидела только улепетывающего по лестнице Марргента и размахивающую миской Танни. Кажется, пока я смотрела на Халлорана и слушала историю его далеких предков, остатки вафельных шариков сожрал виар. А сестрица-то куда смотрела, спрашивается? На «другую жизнь», что ли? Этого еще только не хватало! На нее сейчас вся молодежь подсажена, да и не только молодежь.

— Леа... По поводу вчерашнего...

Угумс. Сейчас начнется.

— Я вчера... ну, перегнула.

— Именно.

— В общем, я... слушай, все же обошлось.

С извинениями у Танни всегда были проблемы.

— Обошлось. Не считая того, что я полночи драила гостиную и слушала твои пьяные ругательства.

Ругалась она и впрямь долго. Пока не вырубилась прямо в одежде. На сей раз в плед ее закутывала я.

— Еще раз выкинешь что-то подобное, из дома будешь ходить только в школу и обратно. Ясно?

Танни кивнула.

— Я могу с Марром всю неделю гулять. Хочешь?

— Как ты вообще додумалась их домой привести?

— Ну... — Она уселась на диван, стягивая волосы сразу тремя разноцветными полосатыми резинками в палец толщиной. Волосы разноцветные и резинки тоже, все должно быть гармонично. — Просто у нас в классе есть две ларрки...

Под моим взглядом она осеклась и поправилась:

— В общем, они элита. А все остальные вроде как мимо бегают. Я с ними поцапалась, они натравили на меня парней, а Грэнс и Каррок помогли им вломить...

— Парням, я надеюсь?

Сестра кивнула, я же прикрыла глаза и мысленно застонала. Судя по всему, ожидается очередной вызов в школу.

— Ну а потом я решила их отблагодарить, купила бутылку вина,

сигарет, и мы немного посидели.

— Кстати о сигаретах.

— О-ой...

Я хмыкнула. Судя по их состоянию, и бутылка вина была не одна. Но упоминать об этом не стала.

— Я больше не буду, — поспешно сказала Танни. — Правда. Леа... отдай мне ключи, а?

— Нет, — сказала я, поднимаясь, и, предупреждая возражения, добавила уже жестче: — Нет!

Все-таки не умею я быть строгой. Как подумаю, что Танни придется все выходные дома просидеть, сердце кровью обливается. Но иначе нельзя — если сядет на шею, потом ее оттуда не снимешь.

— А если надолго удержишься, кто с Марром гулять будет?

Я вздохнула. Вспомнила обтекаемого непонятно чем Халлорана и ответила:

— Не задержусь.

ГЛАВА 5

В Ландстор-холл приехала пораньше. Исключительно затем, чтобы успеть до выступления узнать, как скоро придется искать новую работу. Разумеется, Эвель не сможет выставить меня сразу — по крайней мере, я на это надеялась. Ей же нужно кого-то поставить на замену, а пока у нас все впритык. Впрочем, если Зетте сказать, что меня увольняют, она будет сутки напролет и без выходных петь до полного изнеможения. Такие мысли уверенности не прибавляли, равно как и мысли о том, куда идти дальше. Ландстор-холл, конечно, не опера, но элитный клуб. Из конкурентов у него только Мьюзик-Пейс, но туда соваться бессмысленно. После того как я отшила его владельца.

В административном крыле было тихо: в выходные здесь почти никого нет. Не считая Эвель Обри, разумеется, и ее бессменного секретаря — шустрого пробивного блондина по имени Лайл Харрис. Между собой мы называли его Смерч, потому что он умудрялся делать по нескольку дел одновременно и перемещаться по Мэйстону быстрее сверхскоростного флайса. Собственно, рядом с Эвель иначе не получается: у нее не бывает выходных и у него тоже. Не представляю, как в таком графике личная жизнь складывается. Хотя... кто бы говорил. Складывается она быстро, если не сказать — схлопывается.

— Бри! — Секретарь оторвался от монитора. — Привет! Ты ко мне или? — Он кивнул в сторону закрытой двери.

Лайл смотрел на меня, но пальцы его продолжали порхать над клавишами. В том, что касается скорости печати, он непревзойденный гений. По-моему, даже во сне способен выдавать по десять страниц в минуту.

— К Эвель. — Я присела на краешек стула. Надо же разведать обстановку перед тем, как сунуть голову в пасть дракону. — Она сегодня в настроении?

В этой приемной мне всегда становилось не по себе: темно-серые стены давили, сжимая пространство. Усугублялось это тем, что Эвель терпеть не могла открытых окон — считала, что деловую обстановку не должны разбавлять даже виды города. Спасали только кремовые жалюзи и светлые потолки, из-за них возвращалась способность дышать.

— Не в духе. С самого утра. — Лайл фыркнул и перестал печатать. Откинулся на спинку, кресло отъехало от стола. — Так что, если ты с

просьбой о выходном, лучше отложи до завтра.

М-да. Кажется, в ближайшее время мне светят одни только выходные, режим жесткой экономии и много телефонных звонков. Откладывать в общем-то дальше некуда, потому что дальше будет только хуже. Я все еще не теряла надежды, что удастся воззвать к женской солидарности, но после слов Лайла надежда сдулась, как пробитый шарик. И повисла на ниточке прежних сомнений.

— Спрашивай, — тем не менее вздохнула я.

— Ты уверена? — Голубые глаза превратились в узкие щелочки.

— Да.

— Ну удачи... — Секретарь потянулся было к телефону, но рука его застыла на полпути. — Кстати, а что там с Халлораном?

Начинается. Ладно, делаем физиономию монолитом и отвечаем со всем недоумением:

— А что там с Халлораном?

Лайл побарабанил пальцами по столу.

— Ну как же. Он два раза в Ландстор-холл навещался, а вчера ты с ним еще экскурсию проводила.

Вот зря говорят, что разведка знает все. Больше всего знают секретари, любая разведка по сравнению с ними удавится от чувства собственной неполноценности.

— Пришлось, потому что Эвель была занята.

— Угу-угу. — Лайл кивнул и сделал брови домиком.

— У меня выступление через час, а я еще даже до гримерной не дошла, — и, заметив, что он собирается сказать что-то еще, выразительно рыкнула: — Звони!

— Слушаюсь, эсса. — Секретарь фыркнул и снял трубку.

Пока из соседнего кабинета доносилось пиликанье, я постукивала по коленям. Сотни раз прокручивала в голове, как лучше построить разговор, но сейчас все варианты казались заранее проигрышными. Например: «Я не знала, что на него упадет ведро». Хотя была бы не против. Или: «Он убежал так быстро, что я не успела предложить ему почистить пиджак». Но желания особо не было. Так увлеклась мысленным диалогом, что, услышав голос Лайла, подпрыгнула на стуле.

— Проходи.

Кабинет был выполнен в черно-белых тонах. Полупрозрачные черные плафоны бра рассыпали за спиной Эвель приглушенный свет, но ее рыжие волосы все равно казались огненными. Она изучала документы и даже не подняла головы, когда я вошла. Фотографии с видами Мэйстона тоже

перетекали из черного в белое. Не сказать, что здесь дышалось проще, чем в приемной, но, когда за тобой закрывается дверь, отрезая путь к отступлению, сразу становится легче. Внутри меня все еще что-то подергивалось, но уже не так часто, как по дороге на работу. К худшему я уже готова, поэтому, если на меня не набросятся прямо через стол, остальное выдержу.

— Леона. — Судя по всему, набрасываться она не собиралась, уже хорошо. — Что ты хотела?

Я нахмурилась. Либо Эвель потрясающе владела собой, либо что-то пошло не так. Если уж она ко мне домой заявила, чтобы сообщить о предстоящих извинениях, то после вчерашнего вела себя странно. Даже не сказала с порога, что, если я хочу сохранить место, мне предстоит пожизненное сексуальное рабство у Халлорана.

Подозрительно.

— Я по поводу работы.

Начальница прикрыла ноутбук и пристально на меня посмотрела.

— Если ты о деньгах, мы с тобой уже все обсудили. Я не стану повышать гонорар, пока ты не подпишешь контракт хотя бы на год.

А?..

Мне не предложили сесть, но я поискала глазами место, куда можно пристроить пятую точку. Исключительно ради того, чтобы она не перевесила после очередной фразы Эвель. Этим чем-то оказался белоснежный стул, который я аккуратно подвинула к себе и осторожно на него опустилась.

— То есть вы по-прежнему готовы предложить мне контракт?

Теперь уже нахмурилась Эвель.

— Припоминаешь недавний разговор? Зря. Я заботилась не только о себе, но и о твоих интересах. Даже если опустить денежный вопрос, такая строчка в резюме способна сделать то, что твои менеджеры — когда они у тебя появятся — не смогут и за год.

Хорошо хоть села. Потому что, если бы сейчас люстра с абажуром, сотканым из сотен черных стеклянных капелек, рухнула вниз и наделась начальнице на голову по самые плечи, и то удивилась бы меньше. Не очень-то похоже, что вчера Халлоран сообщил Эвель о нашем небольшом... инциденте. Вспомнился пылающий яростью взгляд, от которого плавилась кровь. В той подсобке ир்தхан стоял в двух шагах от меня и мог сделать со мной все что угодно. А после случившегося — запросто за все отыграться, но он промолчал. Почему?

— Леона. — Взгляд начальницы стремительно холодел. — Вы что, так

и не договорились? Ты снова ему надерзила?

Разве что самую малость. Но вообще-то я тут ни при чем, просто у Халлорана возникло небольшое недопонимание с ведром.

Вот кто меня вообще тянул за язык и в этот кабинет?!

Брякнула первое, что пришло в голову:

— Договорились, разумеется. Я пришла, потому что... потому что хотела спросить, сможете ли вы освободить меня на два вечера — нужно будет как следует подготовиться к выступлению.

Фух, кажется, выкрутилась. Ничто не помешает Халлорану «отказаться» от сотрудничества со мной, оставаясь в блаженном неведении.

— Умница. — Голос Эвель смягчился, как подтаявший леденец. — Думаю, будет справедливо, если у тебя появятся выходные до и после выступления. Насчет свободных вечеров не переживай, наши менеджеры сумеют подстроить расписание и пиар-кампанию. Да и публика успеет по тебе соскучиться за время перерыва. Детка, я лично позвоню местру Халлорану и обо всем договорюсь.

Умница-детка поймала свою нижнюю челюсть на попытках оторваться от верхней и упасть на колени. Почему меня не оставляет ощущение, что надо мной в последнее время летает тучка-попадалово?

— Леона, — голос Эвель вернул в реальность, — если ты готова подписать контракт, я попрошу юридический отдел подготовить договор. Подумай об этом серьезно. У тебя что-то еще?

Да. Нет. Наверное.

Дабы не усугублять, по-быстрому смылась из кабинета.

— Как прошло? — Вопрос Лайла застал меня уже на пороге.

Вместо ответа вскинула руку с поднятым вверх большим пальцем. И направилась в гримерную.

Дрэйк парил в облаках и брал такие аккорды, что публика билась в экстазе, а у меня никак не получалось сосредоточиться на выступлении. Когда привычный мир оказывается на острие иглы, воспринимается все немного иначе. Даже привычный туман над столиками, ароматный дым дорогих сигар и всплески оваций. Ландстор-холл — не важно, выходные это или будни — был переполнен каждый день. Вот только, чтобы попасть сюда на уик-энд, бронировать столы или ложи приходилось за неделю. Я вглядывалась в темноту обрамленных шторами ниш, но безрезультатно. Если Халлоран и был здесь, заявлять о себе он не торопился. Равно как и заявлять на меня права.

Напряжение гудело в висках, копилось в груди. Впервые за все годы

выступлений мне не удавалось раствориться в пении без остатка. И причиной тому наглая драконья морда, то есть... самоуверенная физиономия ирлхана конечно же. Наверняка ведь что-то задумал, а сейчас молчит и тянет время, чтобы я как следует прониклась своим крайне ненадежным положением. Даже думать не хочу, что будет, когда ему позвонит Эвель. Похоже, выход у меня один: позвонить ему первой. Ну или написать.

Вопрос только в том, с чего начать объяснение.

«Добрый вечер. Я не хотела, чтобы на вас упало ведро».

И дальше:

«Простите за драконище драное. Не будете ли вы столь любезны сообщить моей начальнице, что только что передумали по поводу семейного праздника?»

При мысли о возможных ответах хотелось взяться за голову и заползти под сцену. Поэтому сегодня я искренне радовалась, когда мое выступление закончилось. Оказавшись в гримерной, вздохнула с облегчением. Достала телефон, открыла корпоративный сайт Халлорана и долго выразительно пялилась на стильную фотографию ирлхана, которую вывесили с подачи его пресс-секретарей. Корпоративную почту выучила наизусть и несколько раз даже приступала к письму, но на пятнадцатой попытке сдалась. Думаю, до завтра этот разговор потерпит.

Не готова я перед ним извиняться! Только не сегодня.

Да и не думаю, что Эвель в выходные будет звонить, так что время еще есть.

Собиралась быстро — хотелось поскорее очутиться дома. Как раз успела вызвать флайс и натягивала сапожки, когда в дверь постучали.

— Леона? — Клари отточенным жестом заправила за ухо белокурый локон. — Есть минутка?

— Что-то серьезное? — спросила, снимая пальто с вешалки. По последней моде, приталенное, длиной до середины икры. Цвета кистонского вина, с двумя большими пуговицами на поясе и кармашками. Перчатки в тон нашлись в том же магазине, в соседнем отделе, недавно я подумывала совершить туда набег, чтобы купить вторые, как раз под сапожки.

— Да нет, просто хотела поболтать. — Теперь Клари накручивала длинные белые бусы, блики от которых скользили по бледно-розовому атласному платью. — Слушай, говорят, что местр Халлоран...

Ну разумеется. Интересно, уже весь Ландстор-холл в курсе?

Ответить не успела: динамик разразился мелодией молодежной

группы, от которой гримерша поморщилась. Неудивительно, я поставила ее на Танни, чтобы слышать даже из другой комнаты. Есть у меня привычка забывать телефон и забывать про него.

— Ключи не отдам, — сказала, едва поднесла трубку к уху.

— Леа... Они Марра забрали.

Сердце ушло в пятки. Мою сестру достаточно сложно напугать, но сейчас голос ее дрожал. Не знаю я Танни, решила бы, что она плачет.

— Кто забрал? Куда?

— Эти идиоты... из ветеринарного надзора... сказали, что все случаи нападения виаров на людей проверяются... а у него нет ни регистрации, ни кристалла... Я не думала, что они его заберут... у них был ордер и...

Танни осеклась и всхлипнула.

— Куда они его забрали?! — Теперь я уже почти кричала.

Глубоко вдохнула и выдохнула. Истерика мне сейчас не нужна. Только трезвая голова и адрес, куда увезли Марра.

— На Центральную ветстанцию.

Я вылетела из гримерной, на ходу открывая карту и запоминая адрес. Помню только, как села во флайс, а потом как из него вышла. Центральная ветстанция располагалась в квадратном невысоком здании, напоминая о временах, когда многоэтажки еще не царапали небо. Она работала круглосуточно; когда я влетела внутрь, грузный, начинающий лысеть охранник недовольно оторвался от висевшего на стене визора, с которого неслась пальба и визг разгоняющихся флайсов. Перестрелка и погоня шли полным ходом.

— Дамочка, вы к кому?

— Мне нужно поговорить с вашим руководством. Или кто у вас тут сегодня за главного?

Мужчина ухмыльнулся и поднялся, облокотившись на пестревшую царапинами стойку. Холл здесь тоже был простенький, достаточно небольшой, выложенный плиткой в казенных серо-зеленых тонах. Сильно пахло дезинфицирующими растворами и лекарствами, а еще животными: на Центральную ветстанцию попадали найденные звери. Здесь же они и заканчивали свои дни, если их не забирали хозяева или в течение нескольких дней не находились новые. Забрёдавшие из пустошей, отбившиеся от стаи наблы, а еще виары, от которых отказались заводчики.

— Доктор Стейн сегодня дежурный, — хмыкнул он. — По какому вопросу?

— Забрать виара.

— Документы.

Я сунула ему карточку — молча, стараясь не кусать губы и не сорваться, потому что охранник делал все как в замедленной съемке, поглядывая в сторону визора. Отвела руки за спину, понимая, что, стоит сорваться, и зависнуть тут могу еще на полчаса, если меня вообще не развернут. До боли вцепилась ногтями в ладони, чтобы прийти в себя.

— Двенадцатый этаж, налево. — В руки сунули затертый пропуск, и я рванула к лифтам. — Номер двенадцать двадцать два.

Лифты здесь были старой модели: недостаточно скоростные, с массивными дверями, которые задвигались медленно и со скрежетом. Пока бежала по коридорам, слышала только биение сердца в ушах да собственное дыхание. Постучала и влетела в кабинет, где за столом сидел мужчина в белом халате. Увидев меня, он недовольно оторвался от созерцания чего-то на своем мониторе.

— Вас стучать не учили?

— Я стучала.

— Да ну?

Даже поднявшись, он оказался на голову ниже меня. Редкие жиденькие волосы были зачесаны назад, а глаза навывкате, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

— Что вы хотели?

— Забрать виара. Сегодня его увезли из квартиры без моего ведома...

— Так-так-так. — Мужчина сложил руки за спиной и приблизился ко мне вплотную.

Из окна его кабинета открывался чудесный вид на соседнюю стену.

— Эсса Ладэ, стало быть.

— Да. И я хочу забрать...

— Боюсь, это невозможно. — Он осклабился так довольно, словно я лично нагадила ему в туфли и сейчас он получил возможность ткнуть меня в это носом. — Ваше животное совершило нападение на человека — это раз. Оно не зарегистрировано — два. У него не стоит кристалл — три. На вашем месте я бы был благодарен парню и его матери, которые решили не заявлять в полицию. Потому что в противном случае...

— Я не нарушала закон, и вы не имеете права...

— Хотите поговорить о правах? Да, закона, запрещающего содержать виаров без кристалла, действительно нет, поэтому вы отделаетесь штрафом за отсутствие регистрации. На деле же вы держали дикое животное, подвергая опасности не только себя, но и младшую сестру. Таких, как вы, эсса Ладэ, нужно лишать опекунских прав.

— Он не дикий, он...

— Неужели? И вы можете предъявить мне паспорт животного и родословную? Бросьте, первым делом наши сотрудники попросили у вашей сестры документы на виара.

— Что мне нужно сделать, чтобы его вернуть?

Доктор сложил руки на груди.

— Виара вам не отдадут. Он напал на человека, он опасен.

Меня начинало трясти, пришлось сделать глубокий вдох. Воздух отказывался проходить в легкие, словно невидимая рука схватила за горло.

— Пожалуйста, доктор... — Я силилась вспомнить его имя и не могла. Беджа у него не было.

— Стейн, — подсказал он. В свете верхних ламп его узкое лицо блестело от пота.

— Доктор Стейн. Я знаю, что виновата, что должна была сделать регистрацию, но я заплачу любой штраф... двойной, тройной, сколько потребуется. Он ни в чем не виноват, он не тронул ни меня, ни того парня...

— Да что вы? Он сбил его с ног. У мальчика гематома, сотрясение мозга и серьезное нервное потрясение. Теперь из-за вашей халатности и попустительства ребенок проведет несколько дней в больнице. Благодарите небеса за то, что для вас все закончилось так просто.

— Пожалуйста, — сдавленно прошептала я. — Позвольте мне его забрать. Это больше не повторится, мы станем на учет и...

— Взрослым особям вживлять кристалл бесполезно, — равнодушно бросил тот, — у него уже сформировался гормональный фон и сознание. Он все равно останется неуравновешенной дикой тварью.

Сам ты неуравновешенная дикая тварь!

Я подавила желание вцепиться в этого тщедушного хмыря и трясти до тех пор, пока он не отдаст Марра. Это бессмысленно. Точно так же как бессмысленно ему объяснять, что виар ни за что не причинит вреда ни мне, ни Танни и что этот укурившийся подросток вполне мог сцепиться с кем-нибудь в подворотне, да просто навернуться спяну и приложиться головой. Скорее всего, так и произошло, но теперь это уже не имеет значения. Никто не будет разбираться, да и времени нет. Главное сейчас — вытащить Марра.

— Сколько? — прямо спросила я. — Назовите сумму.

Глаза доктора блеснули под линзами.

Он приблизился ко мне настолько, что я ощутила себя в загоне с наблами. Запах немытого тела смешивался с резким запахом туалетной воды, аромат был просто сногшибательный.

— Такие, как вы, эсса Ладэ, — презрительно процедил он, — считают, что могут купить все и всех. Думаете, если у вас водятся денежки, все двери для вас открыты?

В глазах его сверкала такая ненависть, что мне стало дурно — разве можно таких людей подпускать к животным?

— Думаете, помашете у меня перед носом карточкой, и все, проблема решена? Вашего виара усыпят, как только вернется специалист. Если желаете, можете на это посмотреть. А теперь убирайтесь из моего кабинета.

Наверное, в моих глазах что-то сверкнуло, потому что доктор попятился и заорал:

— Вон, я сказал! Пока я не пригласил охрану и вас не вышвырнули отсюда. Убирайтесь! Или я вызову полицию и этому делу дадут совсем другой ход!

Понимая, что еще чуть-чуть — и я сама вцеплюсь ему в горло, вылетела в коридор. Глянула вправо-влево, понимая, что идти некуда. Даже если бы я знала, где держат Марра, как мне вытащить его из клетки, а потом провести через пост охраны? Но я же не могу бросить его здесь! Оставить одного в этой холодной, пропахшей казенщиной тюрьме. С тех пор, как на моих руках впервые открыл глаза крохотный виарчик, которого я кормила из специальных пакетиков, мы с ним ни разу не разлучались. Я даже представлять не хотела, как его увезли и как он пришел в себя...

Как Танни могла его отдать? Как?!

Я бессмысленно металась между кабинетом Стейна и лифтами.

До тех пор, пока не споткнулась и не выронила сумку. Телефон проехался по полу и впечатался в стену, вспыхнул дисплей.

На котором по-прежнему высвечивалась почта Халлорана.

Пару минут я тупо смотрела на открытое окно, а потом подхватила мобильный.

Ледяные пальцы срывались и дрожали, но все-таки набрала текст и нажала «отправить». Я не знала, проверяет ли Халлоран вечерами корпоративную почту, и не знала, что буду делать, если «специалист» вернется через несколько минут. Знала только, что сделаю все, что пожелает ир்தхан, — если он ответит. Если поможет спасти Марра. Перед глазами стояла мордашка виара, лежащая у меня на коленях, и строчка, которую я только что отправила.

Скупая такая, коротенькая строчка.

«Пожалуйста, помоги. Леона».

На большее меня не хватило.

Я сползла прямо на холодную плитку, подтянула сумку к груди и зажала телефон между ладонями. Время утекало в бездонную пропасть, тишина звенела в ушах. Возможно, поэтому звук ответа показался оглушительно громким.

Я заставила себя взглянуть на дисплей: номер телефона и два слова.
«Жду звонка».

Струи хлестали по спине, приводя в себя. Я нарочно сделала воду похолоднее, чтобы взбодриться. Сквозь матовое стекло на песочном кафеле просвечивали узоры цветов: сочные рыжие изломы лепестков раскрывшихся чашечек. Ополоснула волосы напоследок и выключила душ. Мягкий густой ворс оранжевого ковра под ногами, свежесть полотенца. Все закончилось хорошо, мы дома: Марр в гостиной заедает потрясение неположенными ему вафельными шариками с беконом. Живой, здоровый и невредимый. Благодаря Халлорану.

Не прошло и нескольких минут после разговора с ир்தханом, как из кабинета высунулся багровый от ярости Стейн. Увидев меня, он стал блее собственного халата, но ни слова не сказал. Вместо меня досталось подоспевшим мужчинам в защитных огнеупорных костюмах: отдавая распоряжения, доктор орал, брызгал слюной, хотя со слухом у всех было в порядке. Меня провели в помещение, где содержали животных, отключили напряжение, которое подавали на дверцы вольера. Перед глазами до сих пор стояли длинные ряды ячеек, в одной из которых заперли Марра. Холод и угрюмые, надвигающиеся друг на друга голые стены, старинные кодовые замки. Сразу понятно, что Центральная городская ветеринарная станция не в приоритетах Мэйстона.

Отжала волосы, завернулась в халат и вышла на лестницу. Сестра спала, обхватив Марра руками — как будто боялась, что убежит, только за одно это я уже готова была простить ей все. Виар сопел так, что розовые пряди взлетали и опадали на щеку. Тихонько, на носочках спустилась вниз: миска опрокинулась на пол, крошки рассыпались на ковер. Подняла ее и приложила палец к губам, но Марр не пошевелился. Только заурчал и вытянул лапу, которую я осторожно погладила. Потом закутала сестренку в плед, погасила светильники и вернулась к себе.

Опомнилась, только когда подошла к зеркалу.

Зачем мне в спальне миска?

Впрочем, ладно. Отставив аппетитно пахнущую вредной едой посудину, взяла телефон и устроилась на кровати. Долго смотрела на номер Халлорана, дисплей уже успел несколько раз погаснуть и загорался вновь,

когда я бессмысленно водила по нему пальцем. Что ж, он все сказал правильно, моя сестра — трудный подросток, а сама я девочка из низов, которая всеми силами пытается доказать миру, что это не так. Но за то, что моя семья... сестренка и Марр — семья, которая мне дороже жизни, — уцелела, благодарить нужно его.

Случись что-то с виаром, не знаю, как скоро я смогла бы простить Танни.

И как скоро она смогла бы простить себя сама: когда мы вернулись, сестра бросилась к нам и обняла нас двоих разом. Бледная, с опухшими красными глазами в потеках туши. Она терпеть не могла показной нежности и сюсюканья, но от Марра ее отлепить так и не получилось. Что самое интересное, его от нее тоже. Мы поужинали вместе, и на сей раз ему много чего перепало со стола. А потом я отправилась в душ справляться с истерикой, к которой сегодня была близка как никогда.

«Спасибо».

Глупость какая-то. За такое не благодарят сообщениями, а звонить уже поздно — сейчас глубокая ночь. Может выйти очередная неловкость, особенно если он не один.

Мысль об этом почему-то неприятно кольнула. Но еще более кольнула следующая: да ладно, Леона, ты же просто ищешь отговорки, чтобы ему не звонить.

С чего бы мне искать себе отговорки?

Я листала сообщения туда-сюда, когда палец сорвался. На дисплее высветилось: «Простите, что назвала вас драконище драное» — за пару секунд до отправки.

Нет, нет, нет! Нет-нет-нет-нет... Дурацкий телефон!

И нечего мне тут вибрировать. С приглашением ответить на... видеозвонок от Халлорана.

Закусив губу, нажала «принять вызов».

— Эсса Ладэ, — глубокий сильный голос, — каждое ваше появление в моей жизни отмечено особым лоском.

Видеть его через значок телефонной камеры было непривычно. Но еще непривычнее смотрелись влажные после душа волосы. И глаза: темные, как предрассветная ночь. Только сейчас задумалась о том, как выгляжу сама — макияж смывает, волосы торчат в разные стороны из-под завалившегося набок тюрбана-полотенца. Ужас.

— Вообще-то я хотела сказать спасибо. — Ладони вспотели, поэтому я незаметно потеряла одну о халат.

— Напомнив о своем недавнем потрясающем комплименте?

— Я не это имела в виду.

Иртхан приподнял брови.

— Сообщение случайно отправилось. Я сегодня писала вам... пыталась придумать, с чего начать объяснение. И я правда хотела извиниться.

— О чем именно вы сожалеете?

— О том, что на вас упало ведро.

— То есть драконище драное остается в силе?

Ой... Кажется, кому-то пора спать.

— Простите, — пробормотала я. — Я правда не считаю, что вы драконище драное. В смысле вы то еще драконище, но совсем не драное.

После этой тирады мне захотелось побиться головой о тумбочку. Ну а что я сделаю, если он заставляет меня волноваться и нести какую-то чушь?

Как ни странно, уголки губ Халлорана дрогнули, словно он с трудом сдерживал смех. Впрочем, ненадолго: стоило самую капельку расслабиться и поверить, что смерч прошел стороной, как на меня уже смотрели иначе. От жесткого холодного взгляда кожу закололо иголочками, словно его власть простиралась даже на электронные устройства, передавалась по волнам и проводам. И эти волны раскаленной паутиной оплетали сознание, заставляя кровь полыхать.

— Завтра после выступления, — от рычащих, горловых интонаций я покрылась мурашками, — за вами придет флайс. Доброй ночи, эсса Ладэ.

Дисплей вспыхнул ярче и тут же погас.

Вот и поговорили. Действительно, зачем со мной говорить — завтра и извинюсь, и поблагодарю заодно, может, прямо во флайсе. Шикарные методы ухаживания, как ни крути! Если раньше было камнем по темечку и в укромную нишу под землей, то сейчас даже флайсы присылают.

Хотя кто говорит об ухаживаниях. Это что, Халлоран за какой-нибудь местрель будет ухаживать, цветочки дарить и по ресторанам выгуливать? Да и вообще, с какой радости меня интересует, кого он и куда выгуливает?

Он спас Марра? Спас. Я ему должна? Должна. Точка.

В ушах застучал пульс, но я только с силой пихнула телефон под подушку. Там, где на наволочку натекло с волос, она приобрела цвет синей стали. Отодвинувшись от мокрого пятна подальше, смотрела в окно. Змеящиеся ленты аэромагистралей напоминали огненные трещины на застывшей обугленной корке. Чуток поддень — из развороченного чрева брызнет раскаленный фонтан, поглощая все и вся. Только игла Лаувайс, залог безопасности Мэйстона, бесстрастно возвышалась над городом. Бесконечно далекая от всего, что творится у подножия, презрительно-

холодная. Огни скользили по ее стальным бокам, пытаюсь оживить и согреть, она же наотмашь хлестала их призрачными плетьюми отраженного света.

— Завтра после выступления, — протянула я медленно, понизив голос до хрипоты, повторяя интонации Халлорана, — за вами придет флайс. Да, местр Халлоран, конечно, местр Халлоран, уже бегу, местр Халлоран! Да пошел ты!

Мокрая подушка полетела в стену, за ней полетел телефон.

Я устроилась на другой, завернулась в одеяло и закрыла глаза.

Спать, спать, спать! И больше ни о чем не думать. По крайней мере, до завтра.

ГЛАВА 6

Букет аррензий благоухал так, что голова кружилась, полыхал всеми оттенками огня. Сразу видно, что тот, кто его заказал, помешан на оранжевом цвете, но у нас в Аронгаре рыжий — цвет пламени и страсти. Больше того, букет оставили на столике, прямо под зеркалом, а значит, кто-то раскошелится еще и за эту привилегию. Обычно цветы складывали на диванчик или на кушетку у дальней стены, под огромным панно во всю стену. Панно представляло собой произведение искусства: вид Мэйстона с одной из самых высоких точек города, сложенный из разноцветных кусочков стекла. Букет тоже был произведением искусства: в нем играли и бледно-оранжевые, как дымка разгорающегося пожара, и насыщенно-огненные, и бледно-желтые краски. Наверняка дорогуций — этот сорт цветов крайне редкий и капризный. Визитки, разумеется, не оказалось, но почему-то впервые за долгое время мне захотелось забрать цветы домой.

Я как раз изучала букет, когда ко мне снова заглянула гримерша. Обычно ни у кого из нас не было времени празднично шататься по Ландсторхоллу: видимо, Зетту она гримировала на скорость. Сегодня перед выступлением, превращая Леону Ладэ в Бриаль Бетрой, и так и сяк пыталась свернуть на тему Халлорана, но я изящно уходила в сторону. Судя по всему, намеков Клари не понимала.

— Оу, — сказала она, заметив роскошный букет.

Подошла и тронула полупрозрачную невесомую упаковку.

— Не знаешь от кого?

Та покачала головой, но взгляд ее, хитрый и любопытный, однозначно говорил, что она догадывается. Зря. Халлорану не до отправки цветов певице из Ландсторхолла. Но ничего, скоро мы всё узнаем — обычно поклонники, присылающие такие подарки, долго в тени не остаются.

— К тебе там приехали. Спрашивают, когда выйдешь.

Быстро-то все как. Впрочем, Халлоран все делает быстро.

— Никогда, — мрачно буркнула я.

Клари изучала себя в зеркале, сейчас ее губы под бледно-розовой помадой сложились ноликом.

— Так и передать?

— Я сама все передам. Где меня ждут?

— На стоянке. Место сорок пять «А».

— Замечательно!

Я принялась одеваться, стремительно, как смерч, заворачивающийся в вихри воздуха.

— Леона, слушай... Мы с тобой уже давно знакомы, но почти не общаемся. Может, посидим как-нибудь в баре, поболтаем?

Я удивленно приподняла брови. До сегодняшнего дня весь интерес Клари ко мне сводился к тому, чтобы я правильно развернулась, закрыла глаза, подняла глаза, не моргала и все прочее в том же духе. Вот что любопытство с людьми делает.

— Клар, ты же знаешь, что у меня почти нет свободного времени.

— У меня тоже. — Девушка подцепила локон и отпустила, от чего он кокетливой пружинкой выстрелил вверх. — Вот думаю, может, стоит это поправить? Через неделю вы с Зеттой поменяетесь, ты будешь петь по ночам... тогда уже совсем ничего не получится. Так вся молодость в работе и пройдет.

Ну... в общем-то она права. Да и, по сути, что я теряю? Лэм с Дрэйком скоро поженятся, у Вальнара новая девица, и я как-то не вписываюсь в их компанию. Подруга советовала придумать себе парня, так почему бы не познакомиться с кем-нибудь на самом деле. Возможно, если мне удастся серьезно увлечься, я смогу смотреть на бывшего с его пассией без желания удрать в пустоши.

— Почему бы и нет.

— Отлично! — Клари хлопнула в ладоши. — Я знаю отличный бар-клуб, неподалеку от Ландстор-холла. Можно и посидеть, и потанцевать, и...

Она многозначительно приподняла брови.

— Договорились. — Поскольку я уже минуты две стояла в одежде, жарко было невыносимо. Не хватало еще вспотеть. — Прости, мне пора бежать. Увидимся завтра.

Помедлила, но все-таки подхватила букет со столика, послала гримерше воздушный поцелуй и вышла.

Стоило дверям лифта разойтись, выпуская меня на закрытую стоянку, в глаза сразу бросился серебристо-стальной флайс. Новенький, обтекаемый, как пуля, сверкающий даже в холодном свете ламп. Рядом с ним замер представительный мужчина в темном костюме. Идеально ровная спина, сцепленные за спиной руки и морщинки в уголках глаз. Волевое, приятное лицо. Волосы зачесаны по моде, первая седина вплеталась в них едва заметными ниточками.

Место он занял в первом ряду, возле центральных лифтов — одно из самых дорогих, но выгодных, если кого-то встречаешь: далеко идти не

придется.

— Эсса Ладэ? Валентен Прист, я ваш водитель на сегодняшний вечер.

О как! Личного водителя у меня еще не было.

— Вы должны меня доставить на встречу, я правильно понимаю?

— Все верно, эсса.

Что ж, ладно. Устроилась на сиденье, наблюдая, как Валентен садится и подключает панель управления. Дверь медленно поехала вниз, отрезая нас от стоянки, а водитель плавно вывел машину к рукаву выхода из здания. Всего их здесь было шесть, так же как и входов, но, несмотря на довольно спокойное время, перед нами все равно втиснулся огромный черный флайс с тонированными стеклами. Ну да ладно, мне торопиться некуда. А вот водитель беспокойно поглядывал на желтый кружочек на панели и, стоило ему смениться на красный, поспешно приложил к панели талон на парковку.

Мы взмыли по темному тоннелю ввысь, вылетели на магистраль и понеслись над городом. Так и подмывало спросить, в каком отеле меня пожелал видеть местр Халлоран, но водитель мне искренне понравился, поэтому портить ему настроение не хотелось. Мы остановились на перекрестке у распределителя движения, сверху белоснежной лентой пронесся аэроэкспресс, а потом стало не до вопросов. Я поняла, что флайс поднимается наверх. Еще выше. По коридору — на верхний уровень. Здесь никогда не бывает пробок, потому здесь имеют право передвигаться далеко не все. Скажем проще, у большинства нет такой возможности. Налоги на пользование верхней дорогой составляют примерно столько, сколько я зарабатываю за полгода.

Заметив мой взгляд, Валентен улыбнулся. Широко, по-доброму.

— Нравится?

— Нравится? Это невероятно!

Флайс шел с умопомрачительной скоростью, под нами летело смазанное полотно города. Точнее, это мы летели над ним, над змейками аэропоездов и над аэромагистралями, над крошечными мостами и темными водами Гельеры. Все ближе и ближе... к чему? Позади остался центр, промелькнули и исчезли аккуратные ряды высотных спальных районов, осталась далеко в стороне промышленная зона. А впереди рассыпала огни главная достопримечательность Мэйстона — место, куда первым делом ведут всех туристов.

Драконий шип.

Свое название башня получила из-за скалы, которая раньше стояла на этом месте. Высокая и заостренная, как пика, когда-то она выделялась над

тянущейся вдалеке грядой гор. Сейчас творение природы заменяла высотка со смотровыми площадками. Лифты останавливались на всех этажах, по которым можно было просто свободно гулять. Билеты на разные уровни стоили по-разному — чем выше, тем дороже, разумеется, но даже со средних открывался невероятный вид на город. Это я знаю не со слов и не из прессы, потому что мы с Вальнаром бывали как раз на средних. На самом верху раскинул крылья огромный дракон, внутри которого находился элитный ресторан.

Драконий шип располагался на материке, и окружал его естественный парк, поддержание которого наверняка обходилось Мэйстону в кругленькую сумму. Помимо парка было кое-что еще: «огненный» водопад. Тонны воды обрушивались из раскрытой пасти дракона в огромный бассейн, где все это как-то собиралось, возвращалось наверх и обрушивалось снова, но из-за специальной подсветки казалось, что вместо воды низвергается раскаленная лава, грозящая спалить всех и вся. Разумеется, водопад работал не круглый год — сейчас, например, он был выключен.

— Только не говорите, что нам туда, — сказала я, когда наконец обрела дар речи.

Водитель пожал плечами.

— Нам туда?

Валентен кивнул.

Башня стремительно приближалась, и я поняла, что садиться будем на самом верху. Флайсы, заходящие на посадку с магистрали верхнего уровня, вряд ли станут спускаться вниз. Скорее всего, под них выделена специальная внешняя парковка. Чтобы с нее попасть на смотровые площадки, надо будет пройти по огибающему ресторан коридору и добраться до внутренних лифтов. Про этот ресторан в свое время рассказывали по визору: в нем потрясающая акустика, особенно в «драконьем» зале.

М-да. Вот это номер.

Но кто ж мог подумать...

А мы тем временем запросили разрешение на посадку. И да, я оказалась права — круглая площадка с разметкой располагалась рядом с рестораном, заставленная новенькими моделями флайсов: дорогущих, стильных, один другого краше. Сели мы мягко, и, как только коснулись поверхности — металлической, в лунном свете напоминающей растянутый полиэтилен, кружочек на автомате справа загорелся оранжевым. Валентен расплатился, получил талон, и дверца флайса пошла ввысь. Порыв ветра

хлестнул по лицу, вцепился в волосы, собираясь растрепать, а водитель шустро обежал машину и подал мне руку.

— Эсса Ладэ.

Я подобрала челюсть и вышла. И в этот миг отчетливо осознала, что пути назад уже нет: в самом сердце растопыренной многопалой ладони пешеходных дорожек стояла большая проблема. Моя самая большая проблема. Очень-очень большая проблема. Рэйнар Халлоран.

Иртехан направился к нам, и я подавила желание заползти обратно в салон. Он приближался, а сердце прыгало вверх-вниз, ладони вспотели. Подавив желание вытереть их прямо о пальто, как привыкла с детства, я быстро направилась к нему навстречу. Пусть не думает, что его показательно-широкие жесты способны выбить почву у меня из-под ног! И уж тем более...

Мысль оборвалась неожиданно, потому что каблук ушел в сторону, щиколотку дернуло болью, и я поняла, что падаю. Вскинула руки, замерла с пострадавшей ногой на весу. Уткнувшись взглядом подошедшему Халлорану куда-то в... э-э... ну, пусть будет в колени. Ладно хоть удалось равновесие удержать, спасибо регулярным бейсельским тренировкам, а то рухнула бы к его ногам в прямом смысле слова.

— Уверены, что не хотите стать балериной?

Низкий, бархатный голос.

— Очень смешно, — буркнула я, выпрямляясь. — Между прочим, мне было больно.

— А все потому, что вы не захотели дожидаться меня.

Ветер растрепал его волосы, избавив от надменной идеальной прилизанности. Еще вчера заметила, что они немногим длиннее, чем диктует мода. Но такие, как Халлоран, обычно задают моду, а не следуют ей.

— Прощу.

Он предложил мне руку.

— Вы просите? Невероятно.

Халлоран улыбнулся, а я за каким-то драным драконом все-таки положила руку на его локоть. Близость этого мужчины и его сила действовали на меня странно — хотелось не то с размаху сигануть за парковочные ограждения с воплем «прощай, молодая жизнь!», не то довериться ему и позволить себя вести. Не только по пешеходной дорожке. Честно говоря, в каком случае инстинкт самосохранения отказывал сильнее, я пока еще не решила.

Мы едва успели пройти несколько метров, когда за моей спиной

раздался голос водителя:

— Эсса Ладэ! Вы забыли букет!

Взять источающие головокружительный аромат цветы я не успела: их перехватил иртвахан.

— Вам нравятся аррензии?

— Да. — Я удивленно посмотрела на него.

И тут же вспомнила совет Лэм: может, придумывать себе парня не имеет смысла, но никто же не мешает придумать себе поклонника, в котором я заинтересована и которому решила дать шанс. А вдруг сработает?

— Это букет от человека, который мне очень дорог. Позвольте, я его заберу?

Мы, точнее, они — его светлейшество — потемнели лицом. Зашагали так быстро, что мне грозило снова подвернуть ногу и по инерции улететь аккурат в стеклянные двери, если Халлоран неожиданно остановится. Но он не остановился, больше того, свернул не к дверям, а в сторону ограждения. И как-то не вовремя вспомнилось, что я только что думала по поводу затяжного прыжка.

— Что вы делаете... — Договорить не успела, мы оказались вплотную к металлическим поручням мне по грудь. Ветер ударил в лицо, унося дыхание, а букет безжалостно швырнули вниз.

— Вы что творите?!

— Избавляюсь от ненужного веника.

— Кто вам сказал, что он мне не нужен?

— Букеты от дорогих людей не забывают в машинах. Смотрите.

Меня обхватили за плечи и прижали спиной к груди. Что самое ужасное, сейчас мне даже вырваться не хотелось. Весь Мэйстон раскинулся перед нами — разбросанные по черному заливу светящиеся пятна островов. Едва различимый пунктир мостов, огненные иглы высоток, вспарывающих ночь, и две луны, протянувшие над заливом холодные дорожки света. Таким я свой город не видела никогда раньше — огромным, мощным и яростным. Пронизанный светящимися сосудами аэромагистралей, он бурлил жизнью. И сердце ее билось на вершине Лаувайс, которая в противовес вчерашнему чувству сейчас казалась отчаянно живой.

Пальцы Халлорана скользнули по моей щеке, и это заставило очнуться. Я обернулась, взгляд задержался на его губах. Стоило вспомнить наш поцелуй в подсобке, как меня обдало жаром. Показалось, что иртвахан снова меня поцелует — горячо, властно, безумно желая сделать своей.

Вместо этого он предложил мне руку, и мы наконец-то направились к дверям.

— А теперь расскажите, как вы додумались держать дома виара, которому не поставили кристалл.

— Я нашла его совсем маленьким, — призналась нехотя, — в нижних дворах, у мусороприемника. У него тогда еще даже зубы не прорезались. Если бы я его оставила, он бы не выжил.

Да даже если бы выжил, оказался бы на дружелюбной ветстанции, а не найдя себе хозяина — кому нужен крохотный виар без родословной... Лучше об этом не думать.

— И он ни разу не пытался на вас напасть?

Передернула плечами.

— Я что, похожа на самоубийцу? Нет, он всегда меня слушался. Наверное, потому что я его выкормила. Виары умеют быть благодарными.

— Это правда. В отличие от людей.

— На что вы намекаете?

— Вы могли бы по меньшей мере не цедить слова.

Глубоко вздохнула.

— Я не цежу. У меня просто... когда я волнуюсь, я либо говорю коротко, либо начинаю нести всякую чушь.

— Я заметил.

Сказал, как льдину выплюнул.

— Это хорошо! — огрызнулась я. — Потому что я действительно искренне вам благодарна за то, что вы его спасли. Понимаете?

Не знаю, понял ли он, но понять что-либо по непроницаемому лицу Халлорана было невозможно. Вот же... небоскреб с глазами! Хоть бы моргнул.

— На здоровье.

О! Услышал. И на том спасибо.

— И еще... почему вы ничего не сказали Эвель?

Мысли о работе пришлись как-то некстати. И это он еще не знает, что я «пою на его семейном торжестве».

— А должен был?

На этом наш скупой диалог завершился: перед нами разошлись высокие стеклянные двери. В просторном светлом холле с возносящимися ввысь потолками Халлоран помог мне снять пальто. Когда его пальцы коснулись обнаженных плеч, словно током ударило. Я дернулась, но, к счастью, никто ничего не заметил, пальто переключало в гардероб, а метрдотель проводил нас в зал. До общего мы не дошли, нырнули в

просторную нишу, к столику, у которого уже стоял официант — видимо, тоже личный, на весь вечер. Подавив желание глупо хихикнуть, позволила ему отодвинуть себе стул. В следующий миг передо мной уже раскрыли меню и то же самое проделали для Халлорана.

— Не знаю, — сказала я, когда мы остались вдвоем.

— Гм.

Ну очень замечательная беседа!

— Кстати, ваша начальница мне звонила. — Халлоран как ни в чем не бывало листал меню.

Я же чуть не выронила свое.

— Через две недели в этом ресторане состоится юбилей моей матери. Сегодня экскурсию устроить не получится, но за два дня до назначенной даты ресторан закроют на подготовку. Тогда вы сможете оценить сцену, где будете петь.

А-а?..

Должно быть, вид у меня был чрезвычайно красноречивый, потому что иртхан бросил на меня взгляд исподлобья.

— В вечер нашего знакомства, эсса Ладэ, вы подали мне занятную идею. Считайте, что ваше выступление на юбилее — благодарность за услугу, которую я вам вчера оказал.

Поскольку молчание затянулось, он поднял голову.

— Вас устраивает такой вариант или хотите предложить что-то еще?

— Нет! — выпалила я. — Да! В смысле я ничего не хочу предлагать.

То есть меня все устраивает.

Халлоран усмехнулся.

— Вот и отлично. За ужином обсудим детали.

— Но почему я?..

— Я уже говорил, эсса Ладэ. У вас потрясающий голос, способный любого свести с ума.

Он вернулся к изучению меню, я же чувствовала себя как-то ну очень странно. Я бы даже сказала — чересчур. Чтобы немного прийти в себя, принялась разглядывать обстановку. Вопреки ожиданиям, здесь не было привычных панорамных окон во всю стену, ниша напоминала пещеру, в которой царил полумрак. Разрывали его лишь огоньки цилиндрических светильников, хаотично разбросанных по стенам, их пламя вилось в раскаленной спирали, облизывало стены, как настоящий огонь. Под ногами тоже был камень, а вот мебель — о чудо! — была деревянная. Настоящая деревянная мебель, дракон меня дерит! И шелковые скатерти, бурые, как застывшая кровь, с золотым узором.

— В общем зале то же самое, только места побольше, — сообщил Халлоран, лениво листая барную карту. — Какое предпочитаете вино?

— Вот это, красное, — брякнула наугад, потому что большинство названий мне были незнакомы.

Мы с Вальнаром, конечно, ходили в разные рестораны, в том числе и в весьма солидные, но в этот никогда. Да и все, кто пытался за мной ухаживать, предпочитали места поскромнее, поэтому на карту вин я смотрела, как нерадивый школьник на карту мира, и чувствовала себя третьей лишней. В смысле Халлоран идеально вписался: таким, как он, здесь самое место, а мне нет. Но, похоже, ему это в удовольствие.

— Оно не красное.

— Тогда любое... красное.

Я облокотилась на стол, что строжайше запрещалось всеми правилами хорошего тона. И по-детски потыкала пальцем в ножку стола, чтобы убедиться, что это дерево. И правда дерево. А вот в меню лишний раз даже вчитаться боялась, там на картинках были блюда из разряда «большая тарелка, две горошины и четыре икринки в лодочках яиц с капельками соуса посередине». И еще три капельки чего-то красного сбоку, над которыми протянулся кокетливый завиток, напоминающий белый шоколад.

— Это меню молекулярной кухни, — заметив мой взгляд, Халлоран указал на блюда, которые я просматривала, — настоящее произведение искусства.

— А здесь есть что-нибудь... менее искусное?

Должно быть, он просто наслаждение испытывал, когда ставил меня в неловкое положение.

— Дальше. — Иртхан остался невозмутим, но, когда перевернул страницы, коснулся пальцами моих.

Нарочно, разумеется!

Проскочившая искорка заставила отдернуть руку, за что я заработала очередной насмешливый взгляд и принялась усердно изучать «менее искусные» блюда. Да за стоимость одного такого ужина можно открыть новую кофейню где-нибудь в районе попроще! Но, по крайней мере, я знаю, как это есть!

— Думала, здесь тоже смотровая площадка.

— Смотровых площадок здесь более чем достаточно. А это оригинальная стилизация во чреве дракона.

— Удивительное чувство: есть, когда тебя самого сожрали.

Халлоран рассмеялся. Смех у него тоже был продирающий до мурашек: низкий, вибрирующий, заразительный. Я подумала, не ткнуть ли

себя вилкой в колено, потому что уголки губ начали предательски подрагивать. К счастью, к нам снова подошел официант, и я сделала вид, что рассматриваю грязно-серое дизайнерское панно, украшенное вкраплениями красочных клякс и протянувшихся от них в разные стороны нитей. Почувствовав на себе пристальный взгляд, отвлеклась от созерцания и столкнулась с его иррхамством глазами. При имеющемся освещении они отливали алым. Я понимала, что это всего лишь игра огней в радужке, но отделаться от странного чувства не могла.

Странного, пугающего и... волнующего.

— Почему вы решили стать певицей?

Вопрос оказался неожиданным. Хотя о чем он меня ни спроси — это все равно бы оказалось неожиданным.

— Мне с детства нравилось петь. К тому же вы правильно все сказали, я мечтала об опере.

— Я знаю, что вы о ней мечтали, но не знаю почему.

Он всего-то немного подался вперед, сцепив ладони на столе. А чувство было такое, словно стола между нами уже не было. И одежды тоже.

Вместо стакана с водой я схватилась за рожок нижнего светильника. Горячий!

— Ой!

Даже пискнуть не успела, когда мою руку взяли в свои. Погасив красный след, бледнеющий на глазах, пальцами. От едва уловимых прикосновений, обжигающих сильнее лампы, ладонь запульсировала. По телу прошла дрожь, а Халлоран меня уже отпустил, откинулся на спинку стула с таким видом, словно даже не касался моей руки в бессовестно короткой ласке.

— Я заболела оперой в средней школе. — Отодвинувшись на безопасное расстояние, украдкой потерла ладонь. — Петь я любила с детства, а к нам в школу пришла учительница, которая решила приобщить детишек к прекрасному. Таскала нас по галереям, выставкам и на разные экскурсии. И вот однажды в рамках какой-то там программы ей удалось раздобыть льготные билеты для школьников в Мэйстонскую оперу. На «Призрачный свет». Партию Мартины исполняла Лиза Барлоу, и я поняла, что хочу так же. Не потому что камеры и свет, а потому что в опере поешь душой и сердцем. Искреннее, чем где бы то ни было.

— Предпочитаете обнажать чужие чувства?

— И это мне говорит политик?

Он поднял руки.

— Засчитано. И что же вам больше всего понравилось в тот вечер?

Помимо голоса Лизы Барлоу?

— Платье Лизы Барлоу, разумеется. — Я снова потянулась за водой, но передумала. — По моде прошлого века, длинное, с кринолином. Оно было такое...

— С очень привлекательным декольте.

По ощущениям брови чуть с лица не выпрыгнули.

— Красное, ближе к алому. Цвет не меняется согласно либретто композитора. Вы тоже ходили на «Призрачный свет»?

— Когда мне было семнадцать, к нам, точнее, к отцу, приезжала делегация из Флангстона. Нужно было показать дочери местра Стоунвилла город, а заодно устроить ей культурно-развлекательную программу. И я решил, что опера сойдет.

— Ей понравилось?

— Нет, но из вежливости Ирга весь вечер отпускала комплименты певцам. Потом мне передали ее слова: «Если все воют так, как эта вульгарная дрянь и ее наблы, городу и театру давно пора вкладывать деньги во что-то более качественное».

— Как по мне, так это называется лицемерие.

Ой, я что, сказала это вслух?

— Лучше было встать и уйти?

— Да. Вы сильно расстроились?

— Нет, мне понравилось. Лиза Барлоу в те годы была еще совсем молодой.

Совсем молодой — это как раз моего возраста. Шайна, например, пела с двенадцати, а в восемнадцать уже получила партию Артомеллы.

— И помним про декольте, — фыркнула я.

— Вам идет улыбка, Леона.

— А?

Я поймала себя на том, что улыбаюсь — вот так, вопреки всякой логике сажу напротив ирхана и... веселюсь. А этот окончательно обнаглевший дракон едва приподнял уголки губ, отчего мое сердце решило устроить джумбийские танцы где-то под горлом. Негромкая музыка текла со сводов... или отовсюду. Чувство было такое, словно поет каждый камень: тихо, пронзительно-тонко.

— Ну а теперь о том, что вам не понравилось.

— Не понравилось?

— В вашей первой в жизни опере. — Он прищурился. — Скажете, что понравилось все, не поверю.

— Но мне и правда понравилось все. — Я пожала плечами. — Хотя

ладно, было кое-что... Перо.

— Перо?

— Ага. Передо мной сидела очень высокая женщина, и к ее ленте на волосах крепилось перо, закрывающее мне полсцены. Никто со мной меняться местами не захотел, поэтому я все время ерзала и вытягивала шею. Единственное, о чем думала весь антракт, как его незаметно вытащить и спрятать под кресло.

Он покачал головой.

— И что было, когда вы его вытащили?

— Почему вы так уверены в том, что я его вытащила?

Халлоран развел руками.

— Ну... меня выставили из оперы, а маме выставили счет за перо. Оно крепилось прочнее, чем я думала. И поломалось.

На сей раз мы смеялись вдвоем. Просто мне отчетливо вспомнилось лицо той дамы, когда она услышала «крак!» над ухом и обернулась.

— В общем, в следующий раз я вернулась в оперу, когда уже смогла сама заплатить за билет.

Костюм цвета горького шоколада сидел на нем как влитой: создавалось впечатление, что они неразделимы. То есть, если из костюма вынуть Халлорана, будет уже не то, а если с Халлорана снять костюм... Так, Леона, давай-ка вернемся в реальный мир.

— Вы там часто бываете?

— Не очень. Есть в этом что-то неестественное — смотреть на воплощение своей мечты из партера.

Весьма некстати появился официант. Пока на скатерти расцветали заказанные нами блюда, а вино играло в бокалах огненными бликами, мы смотрели друг другу в глаза. Как в поединке — кто первым отведет взгляд. Ладонь, к которой он прикасался, горела до сих пор. Словно от невинных поглаживаний в меня перетек жидкий огонь — вроде того, что сейчас плескался в светильниках. Хотелось провести по сильному запястью кончиками пальцев, рисуя браслет часов: медленно, соблазняя и соблазняясь. Снова почувствовать его силу, когда он перехватит мою руку. Ощутить жесткую, сбивающую с ног, как порыв ураганного ветра, власть. Задышаться в поцелуе, от которого мысли теряются как в самом изощренном лабиринте.

Поддаться этому наваждению — вот чего мне отчаянно хотелось сейчас.

Я поняла, что официант вышел, когда тень от тяжелых шторок скользнула по стене, ласково коснулась плеч движением воздуха.

— Если бы вы на нее не смотрели, у вас бы не было мечты.

— Вы сейчас о чем?

— О том, что иногда стоит отбросить страх, когда смотришь наверх. Чтобы иметь смелость туда взобраться.

— Пару дней назад вы пугали меня сломанной шеей.

— Пару дней назад вы уверяли, что полет стоит падения.

Этот разговор нравился все меньше. Исключительно потому, что Халлоран нравился мне все больше. А это ни к чему хорошему не приведет — я даже подумала, не взяться ли снова за светильник, чтобы здоровый смысл не затерялся окончательно в радужной пыли соблазнительной сказки. Он ир்தхан, глава правящей семьи, я певица из Ландстор-холла. Самое большее, что мне светит, — пожизненное клеймо его любовницы, даже если мы будем вместе всего два дня.

Но почему, драконы меня деря, так тянет проверить, стоит ли этот полет падения?

— Давайте сменим тему, — заметила я.

— И о чем же вы хотите поговорить? — Халлоран замер с салфеткой в руках: видимо, привык менять тему сам.

Я же судорожно пыталась вспомнить, в каком порядке пользуются этими ста тридцатью тремя приборами — от тарелок или к тарелкам. Сделала вид, что задумалась, покосилась на него — что возьмет первым. Ага, понятно, все-таки от. Кто вообще придумал класть самое нужное дальше от блюд?

— О предстоящем выступлении.

— Что именно вас интересует?

— Например, кто будет на приеме.

— Приглашены все правящие. Это традиция.

Совет двенадцати правит Аронгарой с того дня, как двенадцать мегаполисов объединились в государство под одним флагом. Двенадцать городов — двенадцать правящих семей, двенадцать высших. Законы принимаются совместно, раз в пять лет происходят выборы, которые в общем-то больше формальность. Место достается сильнейшему ир்தхану, способному удержать не только власть, но и город в безопасности. Решение принимают с учетом голосования населения, хотя, по сути, кто станет во главе города, решает Совет.

И мне предстоит петь перед высшими ир்தханами?

Супер.

— Еще знакомые матери, вся местная аристократия. Выдающиеся ученые и бизнесмены.

— Весело тут будет.

— Скучно. — Халлоран улыбнулся. — Все с заготовленными речами, никакой импровизации.

Я фыркнула.

— Кроме вашего выступления.

— То есть вы не... планировали ничего такого заранее?

— Нет, я пробираюсь нехоженными тропами по вашим следам.

Я поперхнулась и закашлялась. Замахала рукой, когда Халлоран приподнялся, и потянулась к воде.

— Надеюсь, именинница любит сюрпризы, — пробормотала себе под нос.

А еще надеюсь, что цвет моего лица не напоминает скатерть.

— Безумно.

Я подозрительно прищурилась, но дракони... ир்தхан смотрел без тени насмешки.

— Что она еще любит? Я имею в виду, какую музыку? Мне нужно подобрать репертуар...

— Об этом не переживайте. Просто пойте свои самые любимые песни.

Я удивленно посмотрела на него.

— То есть...

— То есть самые любимые. Которые вам нравятся больше всего.

Гм. Ну ладно. И он даже не попросит...

— Пришлите мне список.

Не попросит он, как же.

— А что насчет времени?

— Рассчитывайте часов на шесть. Как раз между поздравлениями, и... поздравлениями, и... поздравлениями.

Надо отдать должное, улыбаться Халлоран тоже умел. И не только так, словно собирался проглотить тебя одним рывком, а после долго и со вкусом переваривать. Нет, улыбка была вполне себе человеческой, настоящей. Жесткие черты лица преобразились — на миг даже показалось, что этот мужчина загадочный двойник Халлорана, которого подсунули на его место, когда я ненадолго отвлеклась на движение за портьерой.

— Я пришлю вам программу, Леона.

— Мне нужно познакомиться с ведущим.

— Не нужно. Я все решу сам.

— А пианист? С ним у вас все решить самому не получится.

— Почему? — Халлоран нахмурился.

— Потому что мне придется с ним репетировать. Нам в любом случае

нужно подстроиться друг под друга и... еще под это нужно будет выкроить время.

— Так пригласите своего знакомого. Дрэйк Беркинс, если не ошибаюсь.

Ответить не успела, потому что он пер, как дракон по пустоши. Разбегайся кто может.

— Играет отменно, вы уже сработались. Договоритесь с ним сами, с эссой Обри я переговорю лично. Днем перед выступлением к вам приедут визажист и парикмахер. Да, еще доставят платье и драгоценности.

Э... что?

— У меня достаточно своих нарядов для выступления.

На меня посмотрели так, словно я сказала несусветную глупость.

— Это не обсуждается.

Ну разумеется. Вот это уже больше похоже на то, что было в самом начале.

— Не бойтесь с размером промахнуться?

Иртхан приподнял брови.

Конечно, как я могла забыть. Он знает обо мне все. Но как же это раздражает!

— Слушаюсь, местр! — Не удержалась все-таки. — Что-то еще?

Халлоран улыбнулся снова. На сей раз той самой улыбкой «сожрал и забыл».

— Пока это все.

ГЛАВА 7

Ресторанный зал, в котором мне предстояло петь, мог вместить человек триста, а то и больше. Судя по масштабам намечавшегося торжества, «а то и больше» было гораздо более точной оценкой передрыги, в которую я влипла. Эвель уверяла, что выступление на таком празднике позволит моему портфолио скакнуть в рейтинге на головокружительную высоту, поэтому я бы не отказалась от парашютика. Вот только где его взять? Мне ясно дали понять, что придется петь перед правящими семьями и аристократией. Наверное, это неплохая репетиция перед оперой. Нет, правда.

С такими мыслями я попрощалась с Пристом, который привез меня домой, и позволила родному лифту себя сожрать, поднимая на этаж. Ужин с Халлораном ужином и закончился. Хотя вру. Закончился он тем, что меня проводили до машины. Флайс взмыл ввысь, а я все смотрела на стремительно уменьшающуюся точку, в которую превращался иртвахан. Потом мы набрали высоту, и подсветка ресторана уступила темноте и блеску аэромагистралей. Я поймала на себе быстрый взгляд водителя и шустро отлипла от стекла.

— Никак не могу привыкнуть к этой вашей... верхнему уровню, — сообщила с милой улыбкой.

— Разумеется, эсса.

Лифт выплюнул меня в холл перед квартирой, в настоящее. Я шагнула вперед и чуть было не влетела в Вальнара. Отпрянули мы с бывшим одновременно, за моей спиной лифт пополз вниз.

— Ты что здесь делаешь?

— Где ты была?

Хорошенькое начало. Особенно для наших безвременно почивших отношений. Я обошла его и направилась к двери.

— Леа! — Меня схватили за локоть, но я шустро стряхнула его руку. — Я ждал тебя два часа. На этой самой площадке. Твоя сестрица отказалась меня пускать.

Ну что я могу сказать? Умница.

— Леа, нам нужно поговорить.

Я старалась смотреть ему в переносицу: изображать тот самый равнодушно-отстраненный взгляд. Но то и дело цеплялась за широкие плечи и вздернутый подбородок, который принято называть квадратным. За

идеально уложенные волосы цвета слабо разбавленного кремом кофе. Отчаянно не хотелось встречаться с ним взглядом, потому что — мне так всегда казалось — по моим глазам близким понятно все и сразу. Это с другими я прикрываюсь надежно, рядом с самыми родными не могу. Словно что-то плавится внутри, падает какая-то заслонка, отделяющая Леону от Бриаль, и наружу вылезает все, что запрятано глубоко-глубоко.

Ключи в моей руке почти не дрожали. Равно как и голос.

— О чем?

— О нас. Пригласишь?

— Нет.

Вальнар глубоко вздохнул.

— Слушай... я вел себя как последний набл.

— Ты только сейчас это понял?

Отчаянно хотелось сбежать в квартиру и захлопнуть за собой дверь. Вместо этого я все-таки посмотрела ему в глаза — темные, как ночь. Когда-то мне безумно нравилось ловить в них свое отражение. Когда-то... Думаю так, словно это было целую вечность назад. А ведь прошло-то всего ничего со дня, как «мы» превратились в «я» и «он».

— У Лэм с Дрэйком. Просто увидел тебя и понял, что...

— Что?

— Что я больше не могу себе врать. Леа, ты нужна мне.

А как же та рыжая?

К счастью, я прикусила язык прежде, чем слова вырвались наружу.

— Такой, какая ты есть. Понимаешь?

Я мечтала об этой встрече, наверное, сотни раз. Представляла ее себе, ворочаясь в постели, когда не могла заснуть, во флайсе по дороге на работу или домой, на сеансах у Лэм... Да везде, куда позволяла добраться шустрим неугомонным воспоминаниям. Но я никогда не представляла ее так: перед дверью собственной квартиры и после того, что увидела несколько дней назад.

— Нет, — сказала я.

— Что — нет? — Теперь в его голосе слышалось раздражение.

Вальнар привык, чтобы все было по его, и, когда что-то шло не по сценарию, вспыхивал, как сухие ветки под дыханием дракона. Отчаянно хотелось поддаться, позволить себе эту маленькую слабость. Шагнуть ближе, обнять — и завтра все будет как раньше. Мы снова сможем собираться у Лэм с Дрэйком, я смогу сидеть, закинув ноги ему на колени, а он станет кормить меня ягодами. Можно в шутку цапнуть его за палец, визжать, когда он запустит в волосы свою пятерню, путая их. Праздник

Смены времен мы вчетвером отметим в каком-нибудь клубе, а на свадьбе будем танцевать первый танец вместе с молодоженами. Все это настолько ярко пронеслось перед глазами, что я с трудом удержала себя на месте.

Потому что отчетливо понимала: как прежде — уже не будет.

— Это ты прислал букет?

Кнопка вызова на лифте сменилась оранжевым. Не таким ярким, какими были цветы.

— Для тебя это что-то меняет? — Уголок его губ приподнялся.

Я вспомнила чувство, с которым смотрела на аррензии. Когда постоянно крутишься на сцене, к комплиментам начинаешь относиться как к чему-то приятному, но постоянному и неизменному. Вот только эти цветы хотелось поднести к лицу и вдохнуть аромат полной грудью, позволяя ему кружить голову.

— Предположим, что да.

— Да, это я их тебе прислал.

Теперь уже я спокойно выдержала его взгляд, хотя сама держалась на хлипеньком честном слове.

— Сдался тебе этот паршивый букет! Я же здесь. Неужели это для тебя ничего не значит?

Этот букет совершенно точно нельзя было назвать паршивым.

— Ты специально выбрал гедарины в цвет моих глаз? — улыбнулась. — Все как я люблю?

— Именно.

Наваждение спало, совсем как в детстве. Когда по визору прерывали красивую сказку и пускали рекламу про универсальное моющее средство или лечение зубов в новой клинике. Отчетливо вспомнилась сияющая улыбка рыжей куколки, растерянность Лэм. А ведь это могло сработать! Вальнар понял, что погорячился, притащил девицу к друзьям в надежде, что рано или поздно мне это передадут. Предположительно я должна была вспылать ревностью и понять, какое сокровище потеряла. Вот только добился он совсем другого. А еще сегодня в гримерной не было ни одного гедарина.

— Не думаю, что у нас с тобой что-то получится.

— И давно ты это поняла?

— У Лэм с Дрэйком, — ответила его же словами.

Глаза яростно сверкнули, он усмехнулся.

— Вот, значит, как, Леона? Две недели — и все, конец?

— Именно так.

— Что ж, дело твое. — Вальнар сунул руки в карманы, от чего его

стильный темно-синий плащ натянулся, облекая широкие плечи, как вторая кожа. — Но, если передумаешь, учти, что ждать тебя годы я не готов.

Как же это на него похоже.

— Да ты и две недели был не готов, — хмыкнула я. — Не знаю, что недавно упало тебе на голову, но это явно было что-то тяжелое.

Коротко пиликнул замок, я шагнула в квартиру, навсегда оставляя Вальнара в прошлом. Меня тут же окутал тонкий сладковатый аромат. Оглушительно чихая, в прихожую вылетел Марр, принялся тыкаться носом в ноги и старательно обтираться о колготки и платье всеми своими чешуйками. Колготкам мигом пришел конец, я же пыталась понять, откуда такой удивительный запах. Духи, что ли, разлили?

— Танни! — Сбросила сумку на тумбочку и принялась снимать обувь. — Что ты опять натворила?

— Ничего, — донесся из гостиной голос сестры. — Я тут цветочки нюхаю.

— Какие еще цветочки...

Ответ пришел раньше, чем я успела задать вопрос, поэтому вопрос получился и не вопрос, вовсе. Аррензии. Протопала в комнату и замерла: цветы были повсюду. Настоящее цветочное царство — в вазах, на столе, на лестнице, на подоконнике, в тазике, который Танни водрузила посреди комнаты.

Виар вылетел следом и снова оглушительно чихнул.

— Это еще что за... — вырвалось у меня.

— Понятия не имею. — Сестрица восседала на диване, листая электронный журнал. — Я дверь открыла, а они давай заносить. Кому-то очень понравилось, как ты поешь?

Угу. Очень. Кажется, загадочный даритель только что перестал быть загадочным. А еще он, видимо, решил меня доконать.

— Так что? — Танни листала журнал с такой скоростью, с какой даже гений скорочтения не способен воспринимать информацию. Она старательно делала вид, что ее совсем не волнует, кто сделал недельную выручку цветочному магазину. — Кто это? Твой загадочный поклонник?

Я наконец отмерла. Прошла в гостиную и потрогала яркие лепестки, чтобы убедиться, что они реальны. Виар чихнул еще раз и недовольно потопал наверх. В отличие от меня, ему аррензии не нравились совсем. Точнее, их волшебный аромат.

— Эй! — Сестре наскучило изображать равнодушие. — Так кто, Леа?

— Не знаю. — Я пожала плечами. Лучший способ избежать неловкого разговора — перевести тему. — Ты почему не впустила Вальнара? Он два

часа стоял в холле.

— Он так сказал? — фыркнула Танни. — Пятнадцать минут назад приперся. Придурок.

— Это не отменяет того, что ты оставила его торчать у лифта.

— Так ему и надо, наблу хроному.

— Танни!

— Да брось. Вы же расстались.

От неожиданности замерла и сложила руки на груди.

— Не припомню, чтобы я тебе об этом рассказывала.

— Да ладно. Ты ходишь мрачная, он притащился, не зная, что тебя нет дома... Вылупившийся пиар решит эту задачку, не сходя с места.

Я даже не нашлась что ответить, сестра же стянула резинку и достала из кармана комбинезона леденец.

— На самом деле ты молодец. Я бы такого придурка еще раньше послала.

— Не твоего это ума задачка.

— Ну-ну.

Танни сняла яркую обертку и сунула леденец в рот.

— Так фто? Раффкажешь?

— Нет.

Сестра пожалала плечами и с деланным безразличием отвернулась. Хотя в глазах ее мелькнула обида, делиться своими подозрениями с ней я была не готова. Да что там, я была не готова делиться этими подозрениями даже с Лэм. По крайней мере, пока.

Только когда поднялась к себе и плотно прикрыла дверь, выхватила телефон и быстро написала: «Местр Халлоран, это вы устроили из моей квартиры оранжерею?»

Ответ пришел сразу. Отличался он, как всегда, лаконичностью и глубоким философским смыслом.

«Доброй ночи, эсса Ладэ».

Восседая на подоконнике напротив Марра, я пыталась читать книгу. Пыталась, потому что одновременно играть с виаром и сосредоточиться на сюжете довольно сложно. Тот лениво ловил лапой мои пальцы. Когти не выпускал, но, когда ему удавалось шлепнуть меня лапой по щиколотке, все равно вздрагивала от неожиданности. А я все-таки добралась до романа, по которому вот-вот снимут фильм.

Это была трилогия с очень необычным миром: в нем люди не прятались в больших городах, предпочитали жить в многочисленных

мелких поселениях, между которыми можно было свободно путешествовать. Социальные различия в основном сводились к титулам, сумме на банковском счете и умению вести бизнес. Героиня — простая девушка, на которую положил глаз сильный мира того. В общем-то достаточно живенько описывалось, как у них развивался роман, основным препятствием к которому оказалось его нежелание признавать, что он ее любит.

Читать было легко, интересно, но странно.

Драконов у них в мире не было, а значит, чистота крови не имела ни малейшего значения. Это у иртеханов-аристократов и в правящих семьях браки заключаются только с иртеханессами, причем сильными. Особенно актуально это стало сейчас, когда приходится держать под контролем целый город, а значит, кровь нельзя разбавлять. Чем сильнее и древнее род невесты, тем сильнее будут наследники. Тем спокойнее будет всем: и простым людям, и Совету, тем дольше будет править династия.

Успела прочесть половину первой книги, когда лишилась носка.

— Марр! А ну отдай немедленно! Стой!

Виар с приглушенным визгом — из пасти свисал краешек обреченного носка — бросился к двери, а я спрыгнула с подоконника и погналась за ним. Поскольку бегал он быстрее, вместо кончика хвоста я поймала воздух. Спикировав с лестницы прямо в центр гостиной, в царство аррензий, он с торжествующим видом вздернул морду и принялся активно жевать. Спустя миг носок исчез, а Марр смачно икнул. Через ноздри у него вырвались струйки дыма.

После чего виар плюхнулся на пузо и притворился спящим.

Я потеряла щеку, скептически созерцая оранжевые бархатные шапочки: некоторые уже начали увядать. Красота аррензий крайне недолговечна, живые цветут три-четыре дня, а срезанные и того меньше. Поэтому самое крайнее завтра в квартире не останется никаких напоминаний о том, что Халлоран сошел с ума и решил завалить мой дом цветами. А еще о том, что вышвырнул собственный подарок с небывалой высоты.

Потому что я сказала, что букет от другого мужчины.

— Не притворяйся! — строго сказала я, опускаясь на корточки рядом с виаром. — Я знаю, что ты не спишь, а ты знаешь, что сожрал мой носок.

Ответа не последовало: чешуйчатая животина даже не пошевелилась.

— Эй!

Приподняла лапу и отпустила ее, она смачно шлепнулась вниз. Тогда я дотянулась до ближайшей аррензии — перед увяданием эти цветы благоухали еще сильнее — и сунула ее под огромный темно-красный нос.

Виар взвился на все четыре лапы, обиженно чихнул и укоризненно посмотрел на меня.

— Ты же знаешь, что одежду есть нельзя, — сказала грозно.

В огромных оранжевых глазах однозначно читался ответ: «Есть можно все, что помещается в пасть». А иногда даже то, что не помещается, если быстро-быстро жевать.

Довести воспитательные работы до конца мне не позволил телефон. Мелодия Тинни взорвала тишину, пришлось бежать наверх. К счастью, долго искать не пришлось, мобильный надрывался на туалетном столике, катаясь по нему, как герой с героиней на горнолыжном курорте. Придумают же такое! У нас пара минут в снежных горах — и все, напорешься на белого дракона или его витую и превратишься в льдинку. Что в общем-то хорошо, потому что в отличие от пустынных они не впрыскивают в тебя медленно разлагающий яд, а просто жрут вместе с корочкой льда. Эдакие драконьи снеки, только без соли.

— Слушаю! — успела в самый последний момент.

— Леа... — Голос Тинни был крайне угрюмым. — С тобой, наверное, сейчас директриса хочет поговорить. Но они сами виноваты...

Договорить сестра не успела: телефон высветил второй вызов.

М-да.

— Я с тобой вечером поговорю! — рыкнула и переключилась на другой разговор.

— Слушаю, — ответила на автопилоте.

— Эсса Ладэ, добрый день. Это Мильмена Броджек.

Точно директриса.

— Добрый день, эссерда Броджек.

— Мне бы очень хотелось с вами переговорить о поведении вашей сестры. По возможности, завтра. Когда вам будет удобно подъехать?

Можно подумать, у меня есть выбор.

— Если... — бросила взгляд на часы. — Примерно в это же время вас устроит?

— Устроит. — В голосе директрисы позвякивал металл. — Надолго я вас не задержу, но будьте готовы к тому, что разговор выйдет не очень приятный.

— Надеюсь, она ничего серьезного не натворила?

— Завтра, эсса Ладэ. У меня сейчас обед, а после урок, всего доброго.

— И вам.

Обожаю таких людей! Все дерьмово, завтра я потыкаю вас носом в кучку, доброго дня.

В дверь поскреблись: провинившийся пожиратель носков пришел мириться, но впустить его я не успела.

Письмо от «местр Халлоран Драконище-не-драное».

«Эсса Ладэ, я все еще жду от вас репертуар выступления на юбилее».

Шустрый какой!

«Местр Халлоран, при всем уважении, еще и суток не прошло».

«Прошло уже больше двенадцати часов, за это время вполне можно было определиться».

«Вообще-то в творчестве дела так не делаются».

«Вы правы, дела так не делаются. Завтра до конца дня рассчитываю получить список песен, которые вы собираетесь исполнять».

Нет, а не обнаглели ли вы?

«Вы хотите, чтобы я вам накидала всего подряд? Я могу. Хотя вообще-то я собиралась подготовить программу с учетом вкусов вашей матери, которые сейчас старательно изучаю».

Ну ладно, предположим, до вкусов я еще не добралась. Но собиралась же! Даже вон страничку в Сети открыла, правда, потом наткнулась на статью о романе (местра Халлоран, кстати, назвала его образчиком дурного тона...) и немного выпала из жизни. Вот сейчас книгу дочитаю и вернусь к изучению.

Телефон снова пиликнул.

«Если меня что-то не устроит, я скорректирую. Сколько времени потребуется на составление репертуара?»

«До конца недели вас устроит?»

После этого воцарилась тишина. То ли Халлоран прикидывал, чем я собираюсь заниматься столько времени, то ли лишился дара речи... то есть вообще остолбенел. Как раз в это время виар прорвался в комнату и принялся тереться о мои ноги.

— Видишь? — Я показала ему голую ступню и пошевелила пальцами. Чтобы проникся.

Он опустил голову и виновато вздохнул. Еще раз. И еще. А потом принялся нарезать вокруг меня круги. Прикрытые шерстью чешуйки щекотали, запуская по коже волну мурашек. Пришлось устроиться на кровати, подогнув под себя ноги и одернув клетчатую рубашку-платье, которая едва прикрывала бедра.

А ведь этого монстра еще придется регистрировать. Сделать это нужно в ближайшие дни, чтобы не возникло очередных неприятностей. Но как обойти установку кристалла? Будем надеяться, что меня не обяжут это сделать — Стейн вроде как говорил, что ставить его взрослому виару

бессмысленно. Но я почитала в Сети и выяснила, что кристаллы ставят в любом возрасте и они так или иначе подавляют волю, превращая животное в вялое и ленивое существо, которое только и может, что покорно лезть на ручки, подлизываться и просить еду. Что-то мне подсказывало, что теперь доктор сделает все, чтобы усложнить мне жизнь. Если не сказать «изгадить». Потому что: а) у меня «водятся денежки»; б) я считаю вправе совать ему под нос кредитки; и в) потому что ему пришлось меня отпустить.

«До конца недели, и ни часом позже».

Я посмотрела на запрыгнувшего рядом виара и почесала его за ухом. Он тут же плюхнул морду мне на колени и снова икнул, выпуская дымок.

— А вот нечего жрать что ни попадя.

Закусив губу, смотрела на дисплей, потом все-таки написала: «Местр Халлоран, у меня к вам еще одна просьба».

Я прямо-таки видела, как зеленые льдинки увеличиваются в размерах, а потом скрываются между створками век, как глаза разъяренного дракона. И как иртехан медленно, но слогам, произносит: «Какая незамутненная наглость». Не знаю, что он там произнес или подумал, потому что телефон завибрировал, предлагая принять очередной видеозвонок. На сей раз Халлоран был при полном параде: деловой костюм и сосредоточенное, жесткое лицо. Он и правда прищурился, после чего мне отчаянно захотелось застегнуть две верхние пуговички на платье.

Подтянула телефон поближе, мало ли.

— Что у вас еще случилось?

— В общем-то ничего. Просто в ближайшие дни мне нужно зарегистрировать Марра, а доктор на Центральной ветстанции меня невзлюбил. Могли бы вы... сделать так, чтобы меня не заставили поставить ему кристалл? Не хочу превращать его в марионетку.

Какое-то время он молчал, и я уже начала думать, что меня решили послать подальше. Потому что лицо его напоминало табло на матче по гратхэнду между мэйстонской и флангстонской сборными в прошлом сезоне: неизменно одинаковый счет и ничего не понятно до последней минуты.

— Не переживайте по этому поводу.

Это понимать как «да, я вам помогу» или «не переживайте, теперь ваш виар будет пускать только слюни умиления и уж никак не когти»?

Спросить не успела, его иртехамство тут же перешли к делу:

— Вы уже переговорили с Дрэйком Беркинсом?

— Я с ним увижусь вечером.

— Вас не учили пользоваться телефоном и почтой?

Должно быть, так он и разговаривает со своими секретарями. То-то они у него такие... тихие и покорные. А еще очень-очень шустрые.

— Перестаньте мной командовать!

— Некоторым жизненно необходимо, чтобы ими командовали. Вам тоже, судя по вашей расторопности.

Ах так?

— Если будете продолжать давить, у меня случится нервное потрясение и я не смогу петь, — заявила я. — Знаете, я играла в мюзикле в школе, а учительница не нашла другого времени, чтобы сообщить мне, что завтра я должна сдать тест по математике или мне вклеят минус. Так я во время мюзикла все слова перепутала.

— До выступления еще две недели.

— Не думаю, что с вашей стороны это был последний раз! Я пришлю список, когда его составлю. И с Дрэйком поговорю сегодня. Только не надо мне постоянно об этом напоминать, да еще и в таком тоне.

— Гм.

Показалось или он хочет придушить меня бантиком? То есть лентой для волос, которая вот-вот съедет мне на лицо.

— Увидимся в конце недели, Леона?

Тряхнула головой, пытаюсь сбросить наваждение. Слишком интимно, откровенно и безжалостно звучало мое имя. Когда его произносил он.

— Вы сейчас меня приглашаете... или ставите перед фактом?

— Приглашаю, эсса Ладэ. Решать вам.

Перед глазами полыхнула искра-букет, вспыхнувшая и погасшая за ограждением. В считанные секунды. Одна часть меня отчаянно сопротивлялась этому идиотскому шагу, другая, напротив, подзуживала: давай посмотрим, как далеко ты сможешь зайти, Леона. По крайней мере, мне бы хотелось верить именно в это. А не в то, что я просто хочу снова увидеть иртехана и испытать это странное пьянящее чувство, как за секунду перед падением. Когда кружится голова, а ты стоишь над огненной пропастью и смотришь на высокое небо, раскинувшееся над тобой и полыхающим ущельем. За миг до того, как сделать последний шаг и сгореть, не чувствуя боли. Потому что его огонь не успеет обжечь, он просто испепелит — сразу и дотла.

— Пришлете за мной флайс?

Наверное, я сошла с ума.

— Вечер перед выходными?

— Идет.

— Замечательно. Удачной недели, эсса Ладэ.

— И вам чудесной недели, местр Халлоран.

Отложила телефон и прижала руки к горячему лицу. Чувство было такое, словно я и впрямь стояла над обрывом, а ведь всего-то поговорила с ним по видеосвязи.

— Я точно сошла с ума, — доверительно сообщила Марру.

Но виар только взмуркнул и вытянул хвост стрелочкой. На сей раз он и правда спал.

Школа Танни представляла собой здание переходной эпохи. В нем было всего тридцать этажей, и располагалось оно квадратом, замкнувшим в себе школьный двор со спортивной площадкой, беговыми дорожками и зоной отдыха. В целом неплохой вариант, который мы могли себе позволить. Основной плюс — расположение, всего в двух остановках аэроэкспресса от дома, на другом конце нашего острова. Система обучения здесь была смешанная: бюджет и платные классы. На бюджет ломались все, поэтому и учились здесь дети из семей с самым разным достатком. Из-за чего иногда возникали недопонимания. Вот как сейчас.

— Ваша сестра стала зачинщицей ссоры между учащимися с платного отделения и бюджетного. — Эссерда Броджек погладила закрытый ноутбук столь бережно, словно он был спящим виаром. — Молодые люди, которые учатся на отлично и входят в школьную команду по гартхэнду, вынуждены были пропустить несколько занятий и тренировок из-за трудных подростков.

Эта печальная история была мне уже известна.

— Насколько я поняла, эти молодые люди угрожали моей сестре.

— Эти молодые люди, возможно, могли выступить в защиту своих одноклассниц, которые...

— То есть для вас это нормально? — Я сложила руки на груди. — Что парни угрожают девушкам?

— Эсса Ладэ! — Директриса повысила голос. — Ваша сестра тоже трудный подросток, и вы не можете этого не понимать. Отношения в молодежной среде достаточно серьезная тема психологии, ей посвящено целых два курса в высшем учебном заведении. Так что не вам меня учить.

Я покосилась на Танни: трудный подросток в данный момент растягивал между пальцами разноцветную резинку, а между челюстями — жевательную, делая вид, что ее это совершенно не касается.

— Танни Ладэ! Немедленно выньте изо рта жвачку!

От громкой команды даже я вздрогнула и приободрилась, хотя,

признаться, меня жутко клонило в сон. Потому что всю ночь читала вторую книгу. Оторваться не могла.

— Надеюсь, вы примете соответствующие меры по этому поводу. И еще...

В этот момент резинка для волос сорвалась с Танниных пальцев и улетела в сторону портрета-голограммы отца-основателя школы. Преодолев прозрачный барьер изображения, впечаталась в подкладку, там и застряла. Теперь отец-основатель выглядел так, словно ему во лбу проделали радужное отверстие, через которое любой желающий мог заглянуть в образовавшийся зрачок. Директриса поймала мой взгляд, и я поспешно вернулась к созерцанию темно-зеленых жалюзи за ее спиной. Как вытащить резинку из отца-основателя, я пока не придумала. Но, может быть...

— Вчера она подралась с одним из своих друзей. Между тем как мальчик недавно вышел из больницы...

Я медленно повернулась к сестре, но Танни только независимо пожалала плечами. Лицо ее приобрело то упрямое выражение, которое возникало всякий раз, когда она собиралась защищаться до последнего. Я называла это «последняя оборона»: даже броня из суперпрочного сплава не шла ни в какое сравнение с кроткой девичьей силой.

— Этот молодой человек опять оказался в больнице, потому что она поставила ему подножку, взяла за волосы и несколько раз ударила лбом о стену.

— Танни, — прошипела я, — ничего не хочешь сказать?

— Этот набл пожаловался на Марра! — Она вскочила, сверкнув глазами. Принялась теребить волосы, что означало только одно: сейчас дадут первый залп и это никому не понравится. — Хотя сам треснул голову в своем сортире, когда не мог проблеваться. Ну вот я ему и показала, что бывает, когда случается настоящее сотрясение мозга.

— Танни!

— Танни Ладэ, немедленно сядьте! — Ноздри директрисы раздувались.

— Да ладно! Вы все равно запишете меня в виноватые, что бы ни случилось. Даже если бы меня возили лицом по полу эти ваши элитные ларрки, вы бы отвернулись и не заметили! Потому что такие, как мы, для вас отбросы общества, а им вы готовы задницу лизать! Им и их родне! И вам по большому счету положить на Грэнса, вас так раскозявило, потому что я могу постоять за себя перед этой доморощенной элитной кодлой!

Глядя, как лицо Мильмены Броджек стремительно багровеет, я

попыталась схватить Танни за руку, но та вырвалась и вылетела из кабинета. Дверь хлопнула так, что у меня зазвенело в ушах, я же начала потихоньку продвигаться в сторону портрета отца-основателя. Так, на всякий случай. Директриса тоже поднялась — с по-прежнему раздутыми ноздрями, бровями, сведенными над тонкой переносицей, и поджатыми губами. Ее сухие тонкие руки напоминали птичьи лапки, а ногти-стилеты — когти.

— Вы сами прекрасно видите, эсса Ладэ. Девочка неуправляема.

— Она... У нее сейчас очень сложный период. Но я делаю все, чтобы...

— Недостаточно делаете, эсса Ладэ. Хотите мое мнение? Вы взвалили на себя непосильную ношу. Сколько вам лет? Двадцать три? Танни пятнадцать. Неудивительно, что она не признает вашего авторитета. Вы для нее скорее подруга, нежели чем старшая сестра.

Нет, я не хочу вашего мнения. Да, я знаю, что все примерно так и обстоит. Но Танни меня любит, а я люблю ее. И я верю, что у нас все получится. Просто нужно преодолеть этот переходный возраст, а еще ее боль по поводу того, что отец сбежал к другой женщине. Не так просто это сделать.

— Я сделаю все, чтобы такое больше не повторилось, эссерда Броджек. Поверьте.

— Насколько я знаю, отец девочки неоднократно пытался с ней пообщаться. Но отказывается с вашей легкой руки.

— Неправда! — Я обернулась и посмотрела в блеклые водянистые глаза с шарами зрачков, раздутыми так, словно вот-вот лопнут. — Я была бы очень рада, если бы Танни с отцом нашли общий язык, но...

— Но ей проще жить с вами. Проще, потому что у вас нет времени заниматься сестрой и что-то ей запрещать. Насколько я понимаю, девочка круглосуточно предоставлена сама себе, пока вы... поете.

Последнее она произнесла так, словно я была представительницей самой древней профессии, призвание к которой в себе открыла, едва сказала первое слово. Возможно, дело было в макияже, а может быть, в платье с достаточно глубоким декольте или в дорогом пальто, на которое с восхищением смотрела секретарь эссерды Броджек, вешая его на плечики.

Я уже почти добралась до отца-основателя, застывшего на равнодушной серо-голубой стене. Сейчас мне отчаянно захотелось вытащить резинку прямо на глазах директрисы, а после впечатать ей в лоб. Но это никак не вязалось с тем, что я собиралась говорить Танни по дороге домой: нельзя все время решать проблемы по принципу «лоб — стена» или

«лоб — рука». Нельзя! Даже если очень хочется. Даже если некоторые ведут себя как последние ларрки.

— Я встречаю Танни из школы, — сказала спокойно, — если ее не задерживают после уроков или не назначают дополнительных занятий. Мы обедаем вместе, а вечерами я всегда дома и мы с ней...

— Вы ей не подруга, эсса Ладэ. — Голос директрисы по-прежнему сочился язвительностью. — Вы взяли на себя воспитание ребенка, едва минув порог совершеннолетия. Танни — девочка с уже состоявшимся характером, который сейчас нужно старательно корректировать. Поведение подростков не поддается никакому описанию, когда они чувствуют слабинку. Насколько я знаю, вы оплатили ей факультатив по рисованию.

— Танни нравится рисовать.

— Вот именно! И вы даете ей все, что ей нравится. Вместо того чтобы оплатить углубленное изучение математического курса, потому что ее успеваемость оставляет желать лучшего.

— Ох, всегда любила гратхэнд!

Директриса глянула в окно, и я быстро вытащила из отца-основателя резинку. Зажала ее в кулаке и сделала вид, что увлечена игрой. Ребята в разноцветной форме на размеченном восьмиугольном поле замерли, ожидая команды. Руки их чуть подрагивали на рулях хтайсов — воздухоходов с подставками для ног и простой системой управления. Восемь сеток для забрасывания мяча, две ведущие команды, остальные шесть подзащитные. Три на три. Пропустить мяч в свою сетку означало потерять очки, пропустить мяч в сетки подзащитных — значит, проиграть. В общем, достаточно весело и развивает командный дух.

— В нашей школе лучшая сборная! — не без гордости сказала эссерда Броджек.

По электронному табло пробежала золотистая змейка, и ребята сорвались с места к вождеденному мячу. Двигаться нужно было строго внутри разметки, не выходя за нее, что осложняло задачу. У кого-то край хтайса вышел за белую линию, и судья тут же указал ему в сторону. Парень снизил скорость и сдвинулся за черту.

— Это заметно, — сказала я, понимая, что нащупала слабое место. — Какой потрясающий антарскорт!

Директриса просияла. Правда, тут же снова поджала губы.

— Я знаю, что вы стараетесь, эсса Ладэ. Но вынуждена сообщить, что Танни на неделю отстранена от занятий без сохранения средств на платных факультативах. Это первое. И второе... если что-то подобное повторится, я вынуждена буду поднять вопрос о том, как вы справляетесь со своими

опекунскими обязанностями. Родной отец Танни, эсстерд Барт, сейчас женат и счастлив в браке. Как мне кажется, двое взрослых людей — лучшая семья для такого ребенка, как Танни. Заметьте, я говорю «лучшая», потому что искренне забочусь о ее будущем.

— Ну разумеется.

Осталось только выяснить, как Танни относится к появлению в жизни отца другой женщины и будет ли их брак по-прежнему счастливым, если в него вписать Танни.

— Рада, что мы друг друга поняли, эсса Ладэ. Всего доброго.

— И вам доброго дня.

Тонкие губы на узеньком лице растянулись в подобие улыбки.

Я обогнула шкаф с архивными дисками, стол и направилась к двери — мимо диванчика, на котором мы с Танни сидели как подсудимые. Только сейчас заметила, что сестрица прилепила жевательную резинку в укромный уголок валика-подлокотника: там, где тот сворачивался ракушкой и нависал над боковиной. Наклонилась, сделала вид, что поправляю юбку, и отлепила жвачку, зажимая в свободной руке.

Сестра обнаружилась в приемной: сидела напротив секретаря, глубоко погрузив руки в карманы безразмерных джинсов.

— Где вещи? — спросила строго.

— В шкафчике, — буркнула Танни.

— Собирайся.

Она фыркнула, оттолкнулась ногами, от чего стул проехал назад. И, не вынимая рук, вышла. Я же распахнула шкаф: мое пальто вызывающе висело на вешалке между темно-коричневым утепленным плащом и бледно-голубой курткой. Интересно, что принадлежит эсстерде Броджек? Конечно, предположить можно, но мало ли.

— Красивая куртка! — воскликнула, обращаясь к секретарю.

Девушка приподняла голову и улыбнулась.

— Спасибо!

— Цвет потрясающий. Мне кажется, она вам очень идет.

Та просияла.

— Я ее купила на распродаже. Всего за...

— Мальтия! Я была бы вам благодарна за отчеты по старшим классам, пока у меня еще есть время их просмотреть. Вам платят деньги не за обсуждение распродаж. — Директриса выглянула лишь на минуту, окатив нас недовольным взглядом, одним на двоих. Искушение старательно размазать по плащу жвачку стало непреодолимым, поэтому я быстренько взяла свои вещи и сдвинула дверцы.

— Простите, что отвлекла, — прошептала негромко.
Секретарь только рукой махнула, утонув в мониторе.
Я же подхватила сумку и поспешила на выход.

ГЛАВА 8

Лэм рассматривала меня, как трехглавого дракона. Трехглавых драконов, конечно, не бывает, но это не мешало ей так смотреть. Подруга возила ключами от флайса по столешнице с характерным шуршащим звуком, с каким виар выбирается из яйца. Когда-то я смотрела передачу, как это происходит: сначала вот такое шуршание, а потом коготок цепляет скорлупу, и та трескается. Судя по тому, что Марр водил ушами, он с моей ассоциацией был полностью согласен.

— Так, значит, лапонька, ты для него поешь.

Перед ней остывал нетронутый кофе в белоснежной чашечке. Внутри черного ободка невесомой пенкой расплывался кремовый цветочек, себе я сделала снежинку: моя кофемашина и не на такие чудеса способна.

— Для его матери.

— Ну да, ну да. И как ее зовут?

— Аргастель Лиция Халлоран.

На самом деле это все, что я успела узнать о местре Халлоран. Ночью дочитывала третью книгу и ревела, когда думала, что главные герои расстанутся.

— Надо же. Подготовилась.

— Лэм!

Подруга прискакала ко мне через день после обстоятельного разговора с Дрэйком. Она уверяла, что сегодня по графику работает во вторую смену, но что-то мне подсказывало, что Лэмерти Долливан взяла выходной. В крайнем случае с кем-то поменялась. Любопытство всегда было ее слабой стороной.

— Когда Дрэйк завалился домой с такой новостью, я решила, что он прикалывается. Но потом подумала — какого? Да и не стала бы ты ему про Халлорана рассказывать. — Подруга постучала пальчиками по столешнице. — Поэтому решила лично все разузнать у тебя. Та сумма, которую он мне озвучил — я имею в виду за выступление, — в ней с количеством ноликов все правильно?

— Лэм! — Я рассмеялась.

— Что — Лэм? Я, может, уже просчитываю, получится ли у нас в Зингсприде отдохнуть, на побережье.

Зингснрид — один из немногих городов мира, где держат водное побережье открытым. Собственно, это самый популярный курорт

Аронгары, куда ломятся все желающие поваляться на песочке и обзавестись благородным или не очень загаром. Там установлен специальный купол, не позволяющий активным солнечным лучам творить с кожей всякие пакости, а воды очищены от опасных обитателей, в том числе от морских драконов и хайян. Вот у них как раз бывает по три головы. А иногда даже по шесть.

— Ладно, ладно. Ну а теперь рассказывай.

Да, недолго я продержалась со своим секретом.

Но рассказать хотелось, если уж быть честной. С Танни таким не поделишься, пусть она и продолжала на меня дуться. Не знаю, за что больше — за нераскрытую тайну букетов или за то, что я все-таки посадила ее под домашний арест до конца недели. Просто мне не улыбалось однажды вернуться домой, открыть ноутбук и получить уведомление из социальной службы опеки, что я должна прийти тогда-то и туда-то для разбирательства. Серьезности положения Танни, видимо, не понимала. По крайней мере, стоило мне ей об этом напомнить, как она клялась, что все будет замечательно. Но время проходило, опасность забывалась, и мы возвращались к тому, от чего ушли. Посмотрим, как сработают суровые воспитательные меры. Если по-другому не получается.

— В общем, он... спас Марра.

— Да ты что?

Я рассказала подруге обо всем, ничего не утаивая и не скрывая. В том числе и об оранжерее, которую обнаружила дома после делового ужина с ир்தханом. Лэм слушала, не перебивая, а в конце залпом опрокинула в себя кофе и даже не поморщилась.

— Тебе бы настойку какую завести.

Подруга дотянулась до вазочки с фигурным печеньем и отправила одно в рот.

— Они у меня долго не живут. В смысле я про них забываю.

— Надо бы почаще приезжать к тебе в гости.

— Я только «за»!

Лэм старательно жевала.

— Ну скажи уже что-нибудь! — не выдержала я и отодвинула вазочку подальше, когда та потянулась за добавкой.

— Ну ты и влипла, подруга.

Можно подумать, я сама этого не знаю.

— Кажется, он намерен взять тебя измором. Ужин, цветы, наряды... теперь вот свидание... на которое ты к тому же хочешь пойти.

— Никакое это не свидание. Нам нужно обсудить репертуар.

Лэм скептически хмыкнула.

— Сделать это по телефону нельзя?

— Если бы было можно, он бы меня не пригласил.

— Самообман на слабенький плюстик. Ну очень слабенький, у него вертикальная палочка, того и гляди, отвалится.

Не знаю насчет самообмана, но последнюю увядшую аррензию я с трудом заставила себя отправить в мусороприемник. Жалко было до ужаса.

— Тебе нужен парень, — изрекла подруга.

— Мне кажется или мы это уже проходили?

— Нет, тебе нужен настоящий парень. Невымысленный.

Вспомнилась Клари с ее предложением вместе сходить в клуб. Наверное, все это не лишено смысла.

— И еще, лапонька. Не вздумай позволить себе влюбиться.

— Я что, со скалы рухнула?

Лэм пожала плечами.

— Со скалы или не со скалы, но они умеют красиво ухаживать. Вспомни хотя бы эту свою... — Она уставилась на портрет, вспоминая имя. — Шайну. Что девочка получила за роман с ир்தханом? Провокационные статейки в прессе и разбитое сердце.

— У них не было романа, — хмыкнула я.

— Да ну?

— Гердехар Аррингсхан опроверг эти слухи.

На самом деле там все было спорно. Они несколько раз вместе появлялись в ресторанах, а один раз папарацци застал флайс Аррингсхана у запасных дверей Зингспридской оперы.

— По-твоему, он должен был сказать: я сплю с оперной дивой?

— Его репутации это ничем не грозило.

Связи с людьми у ир்தханов сводятся к коротеньким интрижкам, но не считаются чем-то из ряда вон выходящим.

— Шайна тоже все отрицала.

— Ну еще бы. — Лэм хмыкнула. — Шутка ли, связь с высшим. Представляешь, во что превратилась бы ее жизнь? Только успевай от журналистов отбиваться, да и общество правящих такому бы вряд ли обрадовалось. Одно дело — мимолетная связь, совсем другое — многолетний роман. Аррингсхан это прекрасно понимал, поэтому и прекратил все до того, как стало бы слишком поздно. Хочешь мое мнение? Этот высший — надежда Аронгары. Немудрено, что он негласно возглавляет Совет, и, случись лазерному лучу угодить в его флайс, я бы рыдала.

Династия Аррингсханов ненамного старше династии Халлоранов. Они тоже правят из поколения в поколение, Гердехар — один из сильнейших иртеханов современности. Ладно, будем честны, сильнейший, вот только на нем династия и прервется. Несколько лет назад его жена и сыновья погибли во время покушения. По какой-то причине служба безопасности поменяла порядок следования машин в кортеже, поэтому взорвали другой флайс. Тогда, чтобы раскрыть заговор, перетряхнули все Аронгару. Виновником выступил фанатик, считавший, что иртеханы засиделись у власти, что им давно пора открыто делиться тайнами своей магии с обществом. Разумеется, один человек не способен проверить операцию такого уровня, но большего никто не узнал.

А Гердехар отказался от повторного брака, потому что любил свою жену.

После гибели семьи он заявил в прессе: «В моей жизни было достаточно любви, но теперь для нее не осталось места».

И это еще одна причина, по которой его связь с Шайной Анж выдумка. Так любят лишь однажды. Иртехан любил жену, а с Шайной его связывала только любовь к музыке. «Я откровенно восхищаюсь талантом эссы Анж, — говорил он в интервью. — Ее голос — достояние Аронгары».

Спорить с Лэм не хотелось, поэтому я решила переключиться на то, от чего мы ушли. То есть на парня.

— Думаешь, стоит с кем-то познакомиться?

— Не думаю. — Подруга снова принялась шуршать ключами. — Уверена. Это вытряхнет из твоей прелестной головы всю романтическую дурь про Халлорана.

— Нет там никакой романтической дурь! — возмутилась я. — Я ему благодарна за спасение Марра, и только.

— Ну да, конечно. И на свидание с ним ты согласилась только из-за спасения Марра? — Лэм наклонила голову.

— Лэ-эм! — прорычала я. — Сколько раз тебе повторять? Это не свидание, а деловая встреча!

— Ну-ну. — Подруга покачала головой. — Кстати... как ты смотришь на то, чтобы на выходных собраться вместе с Дрэйком и обсудить все по поводу...

Она подмигнула.

— О!

Я успела слегка забыть о том, что согласилась взять на себя ответственную роль распорядительницы.

— Я как раз узнала, какие бумажки для этого нужны. Ничего

сложного, просто заявление подадим заранее. Если вдруг документ зависнет где-нибудь, у нас в запасе останется неделька-другая.

В Аронгаре брачную церемонию может провести любой, при наличии специального разрешения, разумеется. Лэм с Дрэйком захотели, чтобы это была я, и я не могу их подвести. Все должно быть по высшему разряду: и роспись, и сам праздник. И все будет по высшему разряду!

— Вот и прекрасно. — Лэм посмотрела на мою чашку, в которой снежинка уже превратилась в бесформенное пятно. — Лапонька, подумай над моими словами. Сходи в клуб, развейся, построй глазки симпатичным мужикам. А когда споешь для местры Халлоран, занеси телефон правящего в черный список. И забудь все как страшный сон.

— Угу, — сказала лапонька, потянувшись к остывшему кофе...

И с ужасом осознала, что этот сон ей совсем не хочется забывать.

Аргастель Лиция Трэммери появилась на свет шестьдесят лет назад. Она вела собственный бизнес — самый известный аронгарский журнал для женщин, занималась благотворительностью, регулярно перечисляя солидные суммы в несколько фондов, и курировала реабилитационный центр для женщин, подвергшихся насилию. Увлекалась искусством, но не жаловала современную литературу с «новомодными фантастическими тенденциями» и довольно резко высказывалась по поводу проекта «Другая жизнь». Считала, что забивание головы иллюзорными мирами и декорациями совершенно ни к чему, что современникам гораздо нужнее реализм, а не погружение в несуществующие миры.

Принадлежавшая к одному из самых знатных родов Мэйстона, она с детства знала, что ей предстоит брак с отцом Халлорана. Династические союзы ир்தханов ни для кого не секрет, хотя мне даже сейчас сложно было представить, каково это. Ходить в школу и знать, что твой будущий муж уже учится в Академии, или увидеть какого-нибудь симпатичного мальчика-однокурсника и понять, что тебе с ним ничего не светит. Ну как ничего... можно закрутить роман, если тот не ревнивый. Разумеется, всему есть предел, и законный супруг или супруга всегда в приоритете. С любовником никогда не появишься на официальном приеме и у него никогда не останешься ночевать. Да и статус любовника или любовницы тоже не каждый выдержит: «вторые роли» охочие до сенсаций журналисты преследовали с удвоенным рвением, а злые языки во все времена злые.

Невольно вернулась мыслями к разговору о Шайне.

Случись ей и впрямь закрутить роман с Аррингсханом, что бы она выбрала — спокойную жизнь или любовь?

Дверь приоткрылась.

— Леа, можно я приглашу Имери?

Подруга детства Танни мне нравилась, поэтому я радовалась, что они продолжают дружить. Даже несмотря на то что после нашего переезда стали видеться гораздо реже, особенно когда повзрослели и разошлись по разным школам. Но сейчас я была не намерена делать послабления.

— Нет. Иди занимайся.

— У меня вот-вот мозги стухнут от математики.

Я даже не оторвалась от изучения раскрытых страниц.

— От математики они воспрянут духом. В конце концов.

Танни продолжала топтаться за спиной.

— Слушай...

Обернулась.

— Я уже слышала все десять раз. Не хочу, чтобы потом мне сообщили, что тебя отчисляют на неуспеваемость. Вечером проверю, что ты сделала за день. И лучше бы тебе все сделать, потому что иначе всю следующую неделю тоже будешь ходить только в школу. А то и весь месяц.

— Ненавижу! — прошипела сестрица.

— На здоровье.

Пусть уж лучше сейчас ненавидит меня, чем потом будет сдавать внеочередные экзамены перед аттестационной комиссией.

Дверь хлопнула так, словно у флайса разорвалась подушка безопасности, я даже вздрогнула и подскочила. Перевела взгляд на мамин портрет, который стоял на столе рядом с ноутбуком. Черные волосы, узкое лицо, на котором выделяются большие усталые глаза. В отличие от сестры, я совсем на нее не похожа — ни внешне, ни характером. Она была очень доброй и мягкой, но всегда знала, как поступить, если Танни начинала буяннить.

Ладно, пора возвращаться к изучению истории юбилярши и составлению списка. Понятное дело, что Халлоран свою родительницу знает лучше, но мне хотелось сделать вечер местры незабываемым. Песни подбирала с учетом того, что, как мне казалось, может понравиться ей. Ну а что касается «петь то, что любишь», так я все люблю. Невозможно спеть песню, если ты по-настоящему ею не прониклась и не прочувствовала ее.

«...с супругом и сыновьями Рэйнарором и Энтаром, наследниками династии Халлоранов...» С фотографии приличной степени давности на меня смотрел мальчишка с узнаваемым тяжелым взглядом. Даже улыбка на камеру была прохладной, в противовес ему совсем маленький младший

брат широко улыбался. Они были как белое и черное, как день и ночь. В глазах Энтара искрился смех, а вот выражение лица Рэйнара больше подошло бы взрослому. Сосредоточенный, не по годам серьезный, он стоял справа от отца. Аргастель выглядела совсем молодой, тогда как лицо ее мужа уже отметили морщины у глаз и суровые тяжелые складки у рта. На этом снимке Листерн Халлоран был совсем седым, но резкие черты лица и властность чувствовались даже сквозь время. Что ни говори, а Рэйнар очень похож на отца.

«...местра Халлоран заявляет о возможном династическом браке своего старшего сына...» На этих словах стоило закрыть браузер и дальше не смотреть. Но, если бы мы все и сразу делали то, что стоило, планета слетела бы с оси и устроила межзвездные танцы. Чтобы немного разбавить череду унылых правильных поступков. «Ирргалия Стоунвилл — дочь Бергмана Стоунвилла, возглавляющего и оберегающего Флангстон. Со слов местры Халлоран, ей бы очень хотелось, чтобы негласная договоренность между их семьями переросла в нечто большее. Она не стесняется об этом говорить, потому что местрель Стоунвилл — девушка, несомненно, высоких моральных качеств и безупречной репутации. Помимо прочего, род местра Стоунвилла восходит к сильной линии крови, поэтому...»

...Она идеальная претендентка для Халлорана.

Яркая рыжеволосая красотка. Вот везет мне на рыжих в последнее время! С тонкой бледной кожей, до которой дотрагиваться страшно. Не то рассыплется пылью, не то пойдет суровыми синяками. И цвет глаз, приглушенно-сиреневый, как зингуарские медарины, считается самым редким в Аронгаре. Пухлые чувственные губы изогнулись в улыбке, иртеханесса смотрела на меня... или на всех, кому вздумалось прочитать эту статью, гордо вскинув голову. Не оставляя ни малейшего сомнения — она будет править миром. Ну ладно, городом. Рука об руку с будущим мужем, и не суть важно, кто это будет.

Я не удержалась и ткнула пальцем в монитор, от чего нос местрель Стоунвилл ненадолго стал похож на пяточок. Просто очень захотелось, а если очень хочется, то можно.

«Напомним, что сам местр Халлоран комментировать эту информацию отказался». Дочитать не успела: по квартире разнесся мелодичный звонок. Кого там еще принесло? В последнее время моя жизнь вообще напоминала службу поддержки провайдера, у которого спутник сошел с орбиты. Никакого покоя!

Пришлось захлопнуть ноутбук и спускаться. Марр вспорхнул со ступенек и принялся кружить по гостиной. Я указала ему на пол, и он тут

же спикировал вниз.

— Сиди смирно, чудище! Завтра поедем заносить тебя в большую ветеринарную базу Мэйстона.

Виар дернул хвостом — очевидно, в такт моему дернувшемуся глазу. Мысль о том, что придется встретиться со Стейном или кем-то, мало-мальски похожим на него, воодушевления не вызывала.

— Давай на кухню.

Марр скрылся с глаз, а я распахнула дверь. На пороге стояла женщина, чьи выбеленные до неестественного цвета волосы сосульками свисали на потрепанную и выдавшую виды куртку. Губы, накрашенные ярко-красной помадой, полыхали, как верхушка Лаувайс в ночи, а подводка не отваливалась с век пластами только по какой-то нелепой случайности. Зато с ногтей лак слезал вполне успешно — длинных, с загнутыми краями, желтоватых от сигарет. Сложив руки на груди, она смотрела на меня.

— Ты, что ли, Леона?

Голос у нее был не то простуженный, не то прокуренный. Но дело было даже не в голосе, мне не понравился тон — развязный и хамоватый.

— Допустим.

— Я мать Грэнса Бахтиша. Твоя чокнутая сестрица на него набросилась. После того как ваша тварь едва его не загрызла.

А, так вот кому мы с Марром обязаны «веселой» ночкой на ветстанции. Теперь уже руки на груди сложила я.

— Что вам нужно?

— А ты как думаешь? Неплохо бы моральную компенсацию выписать за все, что нам пришлось пережить по вашей милости.

Ладно, попробуем по-хорошему.

— Я прошу прощения за поступок Танни, — сказала спокойно. — Что касается виара, вы прекрасно знаете, что он тут ни при чем.

— Засунь свое прощение сама знаешь куда. Она ему морду разбила в кровь. Не дашь денег, я сына быстро научу, что полиции говорить нужно.

Понятно, по-хорошему не получится.

— Ты че, думаешь, если живешь в богатеньком районе, все просто так прокатит, да? Гони деньги, ларрка.

Женщина шагнула было в квартиру, но я резко прикрыла дверь — так, что она чудом в нее не вписалась. На всякий пожарный поставила ногу на порог, чтобы предотвратить вторую попытку. Один раз дашь денег, потом не отвяжешься. Оно мне надо?

Мать Грэнса раскрыла свой размалеванный рот, но я не позволила продолжить.

— Обойдешься, — сказала холодно.

Когда мы жили в нижних районах, не раз становилась свидетельницей стычек отчима и матери с соседями. С такими людьми получается говорить только на их языке, а смелые они до тех пор, пока не поймут, что ловить тут нечего.

— Твой сын на пару со своим дружкой спаивали мою сестру. Сразу понятно зачем? Так что? Пойдем в полицию вместе?

Мутноватый взгляд еще больше затуманила злоба. Она так резко повернулась на каблуках, что едва удержалась на ногах. Меня обдало резким запахом дешевых духов, смутно заглушающих амбре перегара. Наманикюренный палец царапнул панель вызова лифта, а я захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной и посмотрела наверх, в сторону комнаты Танни.

Возможно, в чем-то Мильмена Броджек все-таки права.

Надо попробовать устроить сестре встречу с отцом. Пора им налаживать отношения.

Серебристо-стальное платье я купила для своего первого выступления в Ландстор-холле. Тогда мне пришлось выложить за него сумму, которую я себе ну никак не могла позволить. Но первое же выступление показало, что иногда стоит позволить себе чуточку больше, чем можешь, чтобы подняться на следующую ступеньку. В этом платье я была и на всех афишах: оно идеально вписывалось в образ Бриаль Бетрой. Единственное его украшение — блестящие бретели и такие же ремешки, крест-накрест цепляющиеся за откровенный вырез на спине. Дополняли образ заколка с красно-фиолетовыми камнями, массивные браслеты и висячие серьги. Вчера я обновила цвет волос и осталась довольна как никогда. Но сейчас мне казалось, что надо было захватить из дома единственный деловой костюм для собеседований и переодеться. Строгий пиджак, юбка-карандаш чуть выше колена и темная блузка с воротничком-стойкой идеально подходили для деловой встречи. Но никак не это провокационное платье!

Мы летели высоко над городом, на этот раз в сторону Лаувайс, что подтверждало мои мысли об исключительно деловом характере нашей встречи. Немногочисленные флайсы мелькали с такой скоростью, что рассмотреть их не представлялось возможным. На парковку снова заходили сверху: эта была прикрыта полупрозрачным куполом, который разошелся, стоило Валентену Присту начать снижаться. Выше располагался только полыхающий огнем шпиль и литая башня, в которой скрывалась защита Мэйстона.

Охраны на этаже было еще больше, чем внизу. Мне сразу вручили пропуск и даже проводили к лифтам. Двери только закрылись и тут же распахнулись снова, выпуская меня в уже знакомый коридор — именно сюда я ретировалась в прошлый раз. Постояла немного в рядах плотно сжатых стальных ртов, посчитала: их оказалось шестнадцать, восемь с одной стороны, восемь с другой. В такой час все панели горели оранжевым, рабочий день давно закончился. Видимо, у всех, кроме Халлорана и его секретарей. Вдохнула и направилась в сторону приемной.

Но секретарей там тоже не оказалось. Верхний свет был приглушен, положение спасали только боковые лампы. Застыли черными провалами в серебристых рамах новехонькие мониторы, рядом с ними мирно покоились капли-гарнитуры для экстренной связи, стулья аккуратно прижались спинками к столам. Дверь в кабинет иртыхана была слегка приоткрыта, из него в приемную втекала полоска белого света.

Я постучала и вошла: Халлоран сидел за столом и, заметив меня, поднялся. Шагнул навстречу:

— Позвольте.

Тут только я вспомнила, что даже не расстегнула пальто.

На стене висел новехонький визор. А статуэтку в виде дерева повернули другим боком. Пальцы сорвались с нижней пуговицы, но, к счастью, она была последней. Ладони иртыхана мягко легли на плечи, и я выскользнула из пальто, как запеченная птичка из смазанной маслом фольги.

— Волнуетесь. — Он небрежно перекинул мое пальто через спинку ближайшего стула.

— С чего вы взяли? Вовсе нет.

— Я не спрашивал. — Иртыхан указал на мое отражение в том самом стекле.

В отражении на бледном лице фоном отпечатались огни ночного Мэйстона и иглы высоток. Смотрелось сюрреалистично, особенно если учесть, что над небоскребами, над каскадом льющихся вниз окон, «зависли» мои широко распахнутые глаза и аккуратно уложенная прядь волос, стекающая со лба на висок.

Халлоран отодвинул ближайший стул.

— Располагайтесь. Я получил список...

Задержала дыхание. Если сейчас скажет, что мне нужно все переделывать, пусть сам все и переделывает!

— Мне все понравилось.

Иртыхан обошел меня и устроился в своем кресле. Поблескивающая в

холодном свете печатка казалась раскаленной добела, а дракон на ней напротив потемнел, словно под слоем сажи.

— Вы все-таки изучили интересы моей матери.

— Хотела, чтобы ей тоже понравилось. При всем уважении, праздник ее, а не ваш.

Халлоран откинулся на спинку кресла, посмотрел на меня, наклонив голову.

— Как считаете, такой сюрприз придется матери по вкусу?

— Местра Халлоран ценит искусство, но довольно прохладно относится ко всякого рода новомодным течениям. Поэтому я включила в выступление ретро как основу и добавила несколько современных песен, которые тоже могут ей понравиться.

— Я говорил о вашем выступлении в целом.

— Исходя из того, что мне удалось узнать, ваша мама сторонница довольно-таки консервативных идей. Поэтому мне достаточно сложно предугадать ее реакцию.

— С чего вдруг такой вывод?

Когда он щурился — слегка, то становился похожим на ленивого дракона. Очень довольного ленивого дракона.

— Взять хотя бы ее отзыв о романе «Мир без тебя».

— И что же не так с отзывом?

— Она говорит, что сама идея — мир без пустошей и земель, заселенных драконами, утопична. Что людям не стоит жить иллюзиями и что любовь между представителями разных сословий хороша для сказок или бульварных романов.

— А вы как считаете?

— Считаю, что люди должны позволять себе мечтать. Потому что все начинается с мечты.

Халлоран развернул ко мне ноутбук.

— Что ж. Вы подготовили для меня список. А я подготовил для вас контракт. Изучите и подпишите.

Он снял с подставки электронную ручку и подтолкнул ко мне. На экране был раскрыт договор. Контракт на выступление, страниц этак на десять мелким шрифтом, который я устала читать уже странице на пятой. А может быть, просто почувствовала на себе его пристальный взгляд, от которого мурашки по коже маршировали строями — влево-вправо, сверху вниз и наискосок. Подняла голову и столкнулась с его взглядом в упор: полыхающим, как костры пожариц во время схватки разъяренных драконов.

— У меня что-то не так с лицом?

— С вашим лицом все замечательно, эсса Ладэ. Более чем.

— Тогда не могли бы вы... на меня не смотреть? Я чувствую себя как замороженный крем под лазерным лучом.

Иртехан приподнял брови.

— И куда же вы прикажете мне смотреть?

— Куда угодно. В окно, например.

Мне удалось кое-как дочитать договор до конца. И то потому лишь, что он поднялся и отошел, сцепив руки за спиной. Под холодным искусственным светом его тонкого покроя костюм напоминал стальное литье. Я изредка бросала взгляд на разворот сильных плеч и широкую, идеально прямую спину, но Халлоран стоял неподвижно. Словно врос в пол или увидел за окном нечто очень интересное. Я даже решила приглядеться — может, там драконы разлетались? — и вздрогнула: он по-прежнему смотрел на меня. Только теперь сквозь отражение, как в тот день, когда вжимал меня в это стекло.

Ощущение нахлынуло столь неотвратимо, что я замерла. На миг показалось, что все еще стою у окна, а сильные пальцы сжимают запястья: не то лаская, не то терзая легкой болью, когда кожа начинает гореть.

Быстро отвернулась и уткнулась в договор.

Вчитывалась в пункты до тех пор, пока не увидела в приложении сумму.

— Это еще что такое? — спросила хмуро.

Халлоран подошел и оперся о стол — едва касаясь кончиками пальцев края. Но мне почему-то подумалось, что он с легкостью может его оттолкнуть: так, что тот улетит на другой конец кабинета.

— Любая работа должна оплачиваться, эсса Ладэ.

— Вы всем платите такие гонорары за один вечер?

— Только тем, кто этого достоин.

— Вы спасли Марра. Дважды. Думаете, я возьму деньги?

— Вам пора расставаться с образом мыслей девочки из низов.

У-ух, как же меня бесит это определение! Особенно из уст того, кому никогда не приходилось думать, что будет, если в следующем месяце заработок окажется меньше на несколько тысяч. На что купить подарки к празднику и что я могу себе позволить, а что нет. Но это не значит, что я не умею быть благодарной просто так, по-человечески, а не за средства, которые поступят на мой банковский счет.

— У меня для вас новость: я и есть девочка из низов! — вскочила, оттолкнув от себя ноутбук. — Я родилась и росла на нижних уровнях.

Бегала со сбитыми коленками, драила квартиру и готовила ужин, когда мать с отчимом вкалывали, чтобы содержать нас с сестрой. Я не леди драконьих кровей и уж тем более не Ирргалия Стоунвилл, которая кривит нос, слушая Лизу Барлоу, потому что у нее недостаточно хорошо поставлен голос!

— Так вы изучали и мою жизнь тоже?

Халлоран улыбнулся. Неожиданно тепло.

— Я... это получилось случайно.

— Сядьте, Леона. Сядьте и подпишите. Ваш голос стоит гораздо дороже, чем уверяет Эвель Обри. Это просто маленький комплимент за то, что вы согласились поработать на меня.

Ничего себе маленький. Как там Лэм выражалась про количество ноликов?

— Нет, — сказала я и решительно отложила ручку.

Иртхан нахмурился. Взгляд его заледенел, иней по стенам не побежал только потому, что системы отопления и вентиляции здесь работали на отлично. Как, впрочем, и всё в корпорации Халлорана, которая состояла, как идеально отлаженный механизм, исключительно из блестящих винтиков, шестеренок, прочных проводов и стальных каркасов, где каждый выполнял свои обязанности на высочайшем уровне. Но сдаваться я не собиралась.

— Вы всегда такая упрямая?

— Да.

— Значит, не подпишете?

— Нет.

— Ладно.

Ладно? Как-то подозрительно быстро он согласился.

— И вы даже не будете настаивать?

— Попрошу переделать договор и вышлю вам. Подпишете дома.

Я пристально посмотрела на него, но иртхан и глазом не моргнул. Оперся о спинку моего стула, чтобы выключить ноутбук. Сильные пальцы скользнули по сенсорной панели, рукав коснулся обнаженного плеча, и по телу прошла дрожь. Усилием воли заставила себя отвести взгляд от его рук.

Экран ноутбука погас.

— Хотите есть?

— Пожалуй. Только я бы предпочла молекулярной кухне бургер из «Гритлэйн». Жутко хочется какой-нибудь дря... чего-то попроще.

Халлоран рассмеялся.

— Пойдемте, Леона.

— Куда?

— В ближайшую «Гритлэйн», конечно. Думаю, я могу себе это позволить.

Он помог мне надеть пальто, подхватил свое и открыл передо мной дверь.

— Вы что, серьезно? — спросила я, заглядывая в невозмутимое лицо.

— Разумеется.

— То есть вот так... мы сейчас сядем в общем зале «Гритлэйн» и будем жевать бургеры?

— Боюсь, что отдельные кабинки у них не предусмотрены. Но мы можем поступить иначе и взять еду на вынос.

Ощущение нереальности происходящего усиливалось с каждой минутой. Когда мы поднимались на лифте и он стоял рядом, сцепив руки за спиной. Когда мы вышли в холл и охрана, замершая у стен в коридоре, вытянулась по струнке — хотя куда уж больше.

Валентен читал, но, заметив нас, тут же поднялся.

На стоянке осталось всего два флайса, направилась было к знакомому, но меня удержали.

— Эсстерд Прист, на сегодня вы свободны.

Э-э... то есть как?

— Не будем заставлять Валентена терзаться запахом фастфуда.

Стильный красный флайс под ярким освещением купола переливался насыщенно-ярким цветом, но стоило нам взмыть в темноту, стал почти черным.

— У «Гритлэйн» нет верхних парковок, — заметила я.

— Значит, придется спуститься пониже.

Я так и не поверила до конца, что Халлоран собирается кормить меня, а главное, себя бургерами. Казалось, что сейчас он свернет к какому-нибудь дорогому ресторану, но нет. Стоило нам пролететь над огромным Мэйстонским парком, который сейчас напоминал крохотное пятнышко, испещренное огненными струйками нижних магистралей, как ир்தхан вывел машину к спусковому коридору и начал быстро снижаться. А потом я увидела привычную с детских лет вывеску, которая стала неотъемлемым символом Аронгары. Фирменные цвета — желтый, синий и оранжевый, внутри мягкие диванчики для компаний побольше и барные стойки с высокими стульями для тех, кто забежал перекусить в одиночестве.

— Да чтоб тебя! — воскликнула я, когда мы изящно вписались в хвост автоочереди.

Сбоку возвышалась громада моста, извивалась лента центральной аэромагистрали, справа пронесся белоснежный экспресс, в котором

большая часть мест пустовала. Похоже, один из последних — после полуночи отправляется всего несколько поездов, в отличие от круглосуточной подземки.

— Что ж, — Халлоран коснулся панели управления, переключил скорость и повернулся ко мне, — нам придется подождать.

Я смотрела на него, пытаюсь собрать мысли в кучу. Сказать кому, что у меня была деловая встреча с правящим в «Гритлэйн», — не поверят. Впрочем, я бы и сама покрутила пальцем у виска, если бы мне кто такое рассказал.

— Вы серьезно хотите бургер?

— Ну должен же я наконец узнать, как изменился их вкус за последние пятнадцать лет.

— Невероятно. — Я рассмеялась.

— Не можете представить меня сидящим в этом зале?

— Да, — призналась честно.

— А вы попытайтесь. Мы прогуливали уроки...

— Вы прогуливали?

— Да, в частной школе тоже случаются такие неприятности.

— Ужас, — сказала я.

— Что именно?

— Я никогда не училась в частной школе и никогда не прогуливала.

— Ни разу? — Халлоран усмехнулся.

— У меня было очень сильно развито чувство ответственности. А еще я дружила с теми, кто не прогуливал.

— То есть с занудами?

Я вскинула брови.

— Вы разве не должны соответствовать идеалу морального облика и подавать всем пример?

— А разве я не соответствую? — Он в точности повторил мой жест. — Но на вопрос вы так и не ответили.

— Ладно, — улыбнулась, с трудом сдерживая смех. — Целых два раза. Меня уговорили девчонки из параллельной группы, и это был... своеобразный бунт. Хулиганство. В средней школе. Подозреваю, что многие тоже считали меня занудой. Я все время занималась, если не общими предметами, то вокалом и языками. Уже тогда думала об опере, а карьера в опере — это турне.

Мы немного приблизились к цели. Я уже видела окошечко заказа и даже могла рассмотреть привычное меню на сенсорной панели. Ярче всего горела упаковка запеченной картошки — оранжевая, с синим логотипом.

— На самом деле я много учился. — Халлоран поднял руки, встречая мой вопросительный взгляд. — Ходил в клетчатом костюме, говорил умные вещи с умным видом, а тот случай стал чуть ли не единственным. В нашей школе вообще было очень сложно прогуливать, потому что недопуски ставили нещадно, а отрабатывать их приходилось во время коротких каникул. Особенно нервный у нас был преподаватель по магической основе.

— Думаю, с него тоже спрашивали о-го-го, — заметила я. — Представляете, если бы кто-то из вас напортачил с магией?

Халлоран рассмеялся.

— Да, мы такое творили, что лучше не вспоминать.

— А где вы тренировались?

— Сначала в виртуальной реальности, потом на полигонах с подрастающими драконами. А потом в пустошах.

Мм... в пустошах?!

— То есть вот там? — Я наугад ткнула себе за спину. Примерно в сторону границы города, где заканчивалось действие защитного поля Лаувайс.

— Это было уже в Академии. Выпускной экзамен сдавали в Драконьем круге. Я и еще несколько человек.

Мне как-то резко поплохело. Драконьим кругом называли запечатанное между гор кольцо пустоши. Выводило к нему ущелье, запертое в скалах. Пещер в тех краях немерено, а следовательно, и драконов. Сунуться туда было чистейшей воды самоубийством, но... кого угодно оберегать город тоже не изберут. Насколько же он силен?

Мы как раз добрались до заказа, и Халлоран опустил окно.

— Что вам взять, эсса Ладэ?

— Гритбургер и замороженный крем.

— Кофе?

— Не стоит. Иногда мне кажется, что в «Гритлэйн» его делают из опилок с ароматизатором.

— Вам не кажется. В крем что-то добавить?

— Литтоновый джем.

Мы переместились к следующему окну, где получили оплаченный заказ, и иртвахан мягко вывел флайс в толчею центральной аэромагистрали. До ближайшего подъемного коридора лететь было прилично, поэтому я сидела с пакетами на коленях и подставкой, из которой торчали стаканчики с замороженными кремом.

— Ваша очередь рассказывать о своих школьных буднях, эсса Ладэ.

— В моих школьных буднях не было ничего интересного. Меня не отвозили в драконьи пустоши, поэтому мы сейчас с вами и разговариваем.

Халлоран улыбнулся.

— Так уж и ничего?

— Увы.

В детстве я была самым обычным ребенком — хулиганила по мелочам, засматривалась на кукол и электронные игры, подростком могла потратить все карманные деньги на музыкальные сборники или видеозаписи Зингспридской оперы с Шайной Анж. Но потом мама заболела, и мне стало не до чего, кроме заботы о ней и Танни. Едва хватало времени, чтобы заниматься вокалом, успеваемость по общим предметам полетела наблуд под хвост, а потом пришлось бросить занятия музыкой, потому что все деньги уходили на лекарства. Я устроилась на свою первую работу — консультантом в магазин, потом меня назначили администратором отдела. Впоследствии именно это помогло мне оформить опеку над Танни. Но те дни, когда отчим нас бросил и я осталась одна с маленькой сестрой, когда бегала по инстанциям, убеждая, что способна о ней позаботиться, отложились в памяти очень хорошо. Не уверена, что об этом стоит рассказывать.

— А как же мюзикл?

— Мюзикл?

— Вы говорили, что перепутали все слова в школьном мюзикле, потому что учительница заговорила про тест по математике.

— Хорошая у вас память, — фыркнула я. — Это был школьный мюзикл про иртеханессу, которую заколдовала злая сестра.

Сказка старая, известная всем, основывается на легендах о возможности оборота.

— Сестры полюбили одного и того же мужчину, и старшая превратила младшую в драконницу. Потом появился доблестный иртехан, спас свою суженую, все остались счастливы. Ну, кроме старшей сестры, разумеется.

— Вы были старшей?

Я заглянула в пакет.

— Можно бросить в вас бургером?

— Нет. Но я же угадал.

— У нее была очень интересная роль. И пела она в разы больше, чем младшая. Такие... коварные песенки.

— А что же делала младшая?

— В основном плакала и страдала.

— Да, это точно не про вас.

— Ладно, — сказала я и закрыла пакет. — Не буду кидать в вас бургером. А... куда мы сейчас?

За разговором даже не заметила, что мы набрали высоту и сейчас мчались в сторону материка. Наш город расположен в огромном заливе, полумесяцем. Скрывая многочисленные острова от штормов и сильных волн, полумесяц сужается на выходе в открытый океан. Мы же как раз удалялись от него в сторону гор, перетекающих в пустоши.

Халлоран улыбнулся так загадочно, что мне стало не по себе.

— Эй! — сказала я. — Или вы сейчас скажете, куда мы летим, или я выйду.

— На такой высоте?

Желание бросить в него бургер вернулось.

— Смотрите. — Ир்தхан провел рукой по панели управления, и на лобовом стекле загорелась карта. Оранжевый огонек нашего флайса двигался по верхней магистрали и стремительно приближался к границе города. — Хочу показать вам Мэйстон с Драконьих земель.

ГЛАВА 9

Наш флайс пристроился на высоком холме, в нескольких километрах от последней башни. Расположенная на самой вершине со сползающими между деревьев пристройками, от Мэйстона она отделялась тонкой ниткой речушки. Собственно, от старинной башни в ней не было ровным счетом ничего: классическая высотка с нижними этажами, отведенными под технические нужды и парковки для сотрудников. Тонкий сигнальный луч пронзал небо, аккуратно рядом с большой луной. Наверху располагались смотровые, из которых велось наблюдение за окрестностями вплоть до самого Драконьего круга, через камеры и вживую. Случись что-то серьезное — сразу подадут сигнал в Лаувайс. В былые времена такие башни строили из камня, во время налетов просто били в колокол. Кто успел разбежаться — молодец, особенно дозорные. Эта же была снабжена защитным полем, которое можно было активировать в любой момент и продержаться до появления иртеханов. Поэтому сотрудникам ничего не грозило.

Я впервые смотрела на город со стороны драконов. По венам магистралей струились бесконечные транспортные потоки, высотки впивались в небо, но отсюда все это выглядело как картинка на экране визора. Мэйстон — неспящий мегаполис, величественный и суровый конгломерат островов, — казался далеким миражом... Отсюда, где ветер непривычно шумел в облетевших деревьях, раскачивая их крючковатые руки, где прозрачный воздух звенел прохладой, напоенный живительной силой хвои. Возможно, именно этим вдохновлялся создатель виртуальной реальности «Другая жизнь». В пустоши создавалось чувство, что весь мир принадлежит тебе. Только тебе, а вся жизнь расстилается перед тобой бескрайней чередой возможностей.

Халлоран стоял в стороне, привычно сцепив руки за спиной. Обманчиво-расслабленная поза, взгляд устремлен туда, где зубцы гор вспарывают небо. Где песок давно превратился в стекло под огненным дыханием. Туда, где нет ни единого деревца, только голые скалы.

— Какие они? — спросила я, подходя ближе.

Даже смотреть на обитель драконов было тревожно. Не знаю, как у других, но у меня волосы шевелились по всему телу — при мысли, что сейчас за горами мелькнет покрытая чешуей спина и длинный хвост. А в следующий миг над нами зависнет зверь, чья тень способна закрыть

средних размеров остров. Говорят, что драконам не стоит смотреть в глаза, они способны загипнотизировать жертву. Хотя по мне, если ты повстречал дракона, смотреть или не смотреть в глаза — дело уже десятое. Главное, медленно отступать в сторону. И не запутаться в отяжелевших штанах.

— Мощные. Быстрые. Красивые.

— Красивые?

Вот уж не ожидала таких слов от иртхана. Да и не казались мне драконы никогда красивыми, по крайней мере, из учебников и передач у них — огромные когтистые лапы, кожистый панцирь, гребни над головой, а глаза... глаза как огненные омуты, в которых полыхает отражение твоего приговора. И вертикальный зрачок, сужающийся в тонкую нить, когда зверь спокоен, или раскрывающийся во всю радужку, когда разъярен.

— Очень. Королевские звери.

— Вы говорите так, словно любите их.

— Их нельзя не любить.

— Но вы защищаете от них людей. Они одним вздохом способны спалить целый район.

Иртхан прищурился. На миг даже показалось, что в его глазах тоже вертикальный зрачок.

— Иногда у меня чувство, что я защищаю их от людей.

— Скажете тоже! — Я рассмеялась, но он даже не улыбнулся.

— Ни один зверь не нападает без причины. Хотите убедиться?

— Что? — Я уставилась на него в надежде, что это просто меня посещают странные мысли в этот странный вечер. — Нет. Нет-нет-нет, нет! Нет!

— Боитесь, эсса Ладэ? Верится с трудом.

— Боюсь? Да! Я боюсь. Он размером с вашу Лаувайс и дышит огнем. Это... это как если бы у Лаувайс были когти и зубы в средненький меч длиной. И если бы она изрыгала пламя...

— Но в пасть Лаувайс вы не побоялись запрыгнуть. — Халлоран приподнял брови.

— У меня сестра дома одна!

— И?

— И виар!

— Вот видите, виара вы держите, а это суть тот же дракон. Только маленький.

— Вы с ума сошли?

Или мы оба?

Халлоран не двигался с места, просто смотрел мне в глаза. Кровь по

венам побежала побыстрее, словно меня подбросило в воздух на небывалую высоту. Без страховки, без крыши и без дна под ногами. Сердце ускоряло ритм, как джумбийские барабаны перед эффектным финалом, ладони вспотели, а по позвоночнику пробежал холодок. Холодок, от которого по телу растекалось будоражащее покалывание: адреналин. Адреналин пульсировал в каждой клеточке тела, заставляя всерьез думать о том, что...

— Пойдемте. — Он протянул руку.

Я покачала головой, но ноги уже сами несли меня к флайсу.

— Нет.

— Вы сейчас с кем разговариваете?

— С собственным разумом. Хотя, кажется, он от меня съехал.

Флайс взмыл ввысь и плавно сорвался вперед. Устремляясь к череде гор.

— У вас на что был сдан выпускной экзамен, напомните? — С губ сорвался смешок.

— Думаете, я бы стал рисковать вашей жизнью?

— Ну...

— А своей?

Вот это уже был более весомый аргумент.

Мы пролетели над горами — так низко, что казалось, зубцы сейчас процарапают дно, а потом взору открылась картина, от которой захватило дух. Бескрайние земли, черные как ночь. Голые бока скал, не прикрытые даже лохмотьями некогда сожженных деревьев, бесстыдно ласкал лунный свет. От этого они казались отполированными, словно камень, пролежавший в воде долгое время, — красноватые от большой луны и призрачно-белые под светом малой. Ущелье, долина, ущелье, все дальше от Мэйстона, все ближе... к чему?

Флайс пошел вниз, в тень скал, а в следующий миг от острого излома хребта отвалилась огромная часть и стремительно взмыла ввысь. Я не завизжала только потому, что во мне кончился воздух. Во мне вообще все разом кончилось: слова, дыхание, даже мысли. Размах крыльев существа заслонил небо, горы и весь мир. Зато теперь отлично можно было рассмотреть его — огромного, мощного хищника. Прекрасного, как пустоши, которые открылись мне сегодня. Роговой гребень, узорчатый и острый, действительно напоминал корону. Мощный чешуйчатый лоб, нависающий над горящими глазами, вытянутая морда и нос, как у Марра. Только большой.

Инстинкты вопили выйти прямо через окно флайса и бежать как

можно дальше. Но словно во сне шагнула в поднявшуюся дверь, ступила на хрустящее под ногами стекло и угольную крошку. Замерла, глядя на кружащего над нами дракона, чье дыхание со свистом вырывалось из огромных ноздрей, раскаляя воздух. Биение огромного сердца застучало в ушах, словно кто-то вздумал колотить в джумбийский барабан перед усилителем. Биение сердца, подстраивающееся под мой ритм. А в следующий миг зверь опустил голову и заглянул, казалось, в... меня. После чего издал оглушительный рык, который взорвался в груди, рикошетом заметался между скал и раскатами эха побежал по ущельям. Дракон взмыл ввысь, к небесам, и скрылся за высоким хребтом.

Только после этого я отмерла и поняла, что Халлоран смотрит на меня точно так же.

Правда, мне сейчас было не до взглядов. Руки задрожали — мелко так, я быстренько добежала до флайса и принялась искать пакетик из «Гритлэйн», куда мы сложили упаковки от бургеров.

— Леона, дыши.

Я хотела сказать, что пусть сам дышит, если ему так надо, и что меня сейчас стошнит, но в этот миг он меня поцеловал. Так резко, сильно и глубоко, что остатки дыхания выбило из груди. И я рванулась к нему, отвечая. Пальцы путались в его волосах, волосах цвета песка на вулканическом побережье, внутри взвился огненный вихрь. Жар распространялся по телу, как пламя под порывом ураганного ветра. Хотелось ощутить тяжесть рук на своих плечах, рук, которые уверенно стягивают бретели платья, прикосновения к чувствительной, словно оголенный нерв, коже. И не было в этот миг ничего, кроме сумасшедшего желания принадлежать ему без остатка, забывая обо всем. Губы горели, да что там — горела я вся. Даже через пальто он умудрялся обжигать, казалось, что под его пальцами тлеет ткань.

Короткая вспышка боли от укуса и скольжение языка по губам.

То ли вдох, то ли стон.

Ледяной воздух ожег легкие, а потом обожгли пальцы, коснувшиеся болезненно-припухших губ. От этого прикосновения меня разве что дугой не выгнуло, я вздрогнула и замерла в его руках. Несколько коротких мгновений мы смотрели друг на друга, в его глазах полыхало отражение моего пламени. Несколько секунд в голове царила блаженная пустота. Лучше бы она там царила и дальше: рубашка Халлорана оказалась выдернута из брюк, пояс моего пальто валялся в угольно-черной пыли под ногами. Да и само оно грозило вот-вот к нему присоединиться, держалось на сгибах локтей.

Иртхан неожиданно резко вздернул его за воротник, возвращая на плечи. Уголки его губ подрагивали, крылья носа хищно приподнялись. Осознание только что случившегося потянуло по коже сквозняком, гораздо сильнее, чем холод ночной пустоши. Особенно когда огонь в глазах Халлорана погас и они потемнели, как бутылочное стекло в баре. А потом из-за гор донесся оглушительный рев, заставивший содрогнуться, следом — второй, более высокий.

Не успела даже ахнуть, как снова увидела драконов. Теперь их было двое: почти сливаясь воедино, на фоне черного неба они напоминали пламенный вихрь. Хвосты стелились лентами, вспарывая воздух, мелькали огромные когтистые лапы и оскаленные морды. Казалось, что вот-вот острые как бритва зубы одного или другого достигнут цели и брызнет дымящаяся кровь. От жутковатого, но красивого зрелища замерла столбом. Воздух вокруг них сгустился и дрожал, раскаленный от дыхания и температуры их тел. Успела только различить, что у второго зверя более простой гребень, а еще — чешуйчато-кожистая грива, поднявшаяся на шее в знак крайнего возбуждения. Драконица! Более изящная, верткая, она уступала самцу в размерах и была обречена на поражение.

— Остановите это! — крикнула я. — Вы же можете!

Халлоран хмыкнул, но не двинулся с места.

— Пожалуйста! Он же сейчас ее на части порвет!

— Это ухаживания.

— Уха... что?

— Брачные игры, — терпеливо пояснил иртхан.

По ощущениям лицо приобрело цвет чешуи беснующихся хищников. И правда, стремительные и опасные, они не спешили расправляться друг с другом. Зубы драконицы легко сомкнулись на его хвосте, а в следующий миг самец осторожно прикусил ее загривок и поволок вниз. К счастью, по другую сторону гряды гор. Все у этих драконов не как у людей!

Хотя если верить драконоведению, отношения в парах как раз приближены к человеческим. У них нет сезонов ухаживаний, как в животном мире, все происходит спонтанно. А еще они выбирают себе пару один раз и на всю жизнь.

— Очень за них рада.

В лунном свете взметнулись сверкающие частички: Халлоран невозмутимо наклонился за свернувшимся пещерной змеей поясом и вернул на место. Вздрогнула, когда его руки легли на бедра, выхватила пояс и затащила так, что теперь только чудом могла вдохнуть. Следом еще и воротник запахла поглубже, на всякий случай. А вот когда он успел

заправить рубашку, возвращаясь к привычному страсчувствосилонепроницаемому месту, — большой вопрос. Видимо, пока я на драконов глазела.

— Увидеть драконью пару, эсса Ладэ, — к счастью и долголетию. Обычно они людям не показываются.

Если повезет, даже к долголетию без заикания.

Быстро нырнула в приоткрытую дверь флайса. Сердце до сих пор колотилось о ребра, просилось на выход и вообще всячески намекало на то, что пора бы мне вести спокойную жизнь. А не шляться непонятно где с иртеханами, не смотреть в драконьи глаза, каждый из которых размером с половину меня, и уж тем более не целоваться так, что забываешь о том, кто ты и где ты.

— Возвращаемся? — Низкий глубокий голос скользнул по разгоряченной коже пугающей лаской.

Вместо ответа кивнула. Как-то больше не находилось слов.

Флайс мягко поднялся в воздух и устремился к смотровым башням и Мэйстону.

— Как вам первая встреча с драконом?

Я покосилась на лежавший рядом пакетик «Гритлэйн» с ярким логотипом и крохотной надписью: «Защитим окружающую среду вместе».

— Меня не стошнило. Как думаете, это достижение?

— Более чем.

Тональность его голоса менялась, как цвет чешуи переливчатых ящеров. Теперь он звучал жестко, словно это не Халлоран только что меня целовал как последнюю женщину в Аронгаре.

— А если бы он решил меня сожрать?

— Я бы ему этого не позволил.

— Он, вообще, мог меня сожрать?

— Теоретически да. Но вы для него все равно что порция картошки из детского набора.

Украдкой покосилась на иртехана: невозмутимый и непробиваемый. Холодный, как раскинувшаяся над пустошью ночь, как будто ничего и не было. Собственное дыхание понемногу становилось ровным, кровь больше не напоминала огненную реку, способную расплавить сосуды, но в воспоминаниях я все еще дрожала в его руках. Дрожала от... обыкновенного поцелуя. Нет, необыкновенного! Ничего обыкновенного в нем не было и быть не могло! Я еще ни с кем не целовалась до дрожащих коленей и потери пульса. И уж точно ни с кем не целовалась так, что вот-вот начну вопить от наслаждения и выгибаться, словно он безумно долго

сводил меня с ума исступленно-сладкими ласками. По виду иртыхана же вообще не скажешь, что его это хоть как-то задело.

С тем же успехом можно было того дракона поцеловать — в нем и то больше огонька.

— Больше не считаете драконов ужасными?

Покачала головой.

— Они удивительные.

— Запомните это чувство, эсса Ладэ. Когда-нибудь вы снова сможете управлять флайсом.

Он сменил тему слишком резко, чтобы я успела изящно обогнуть опасный поворот. Перед глазами потемнело: я словно вновь выворачивала руль, чтобы избежать столкновения. Резко, но недостаточно быстро. Словно снова чувствовала сильный удар в лицо, металлический привкус крови. Крики с заднего сиденья и сдавленный хрип совсем рядом — в тот вечер я взялась развезти девчонок из отдела косметики по домам. Скрежет сминаемого металла, падение, долгое и короткое, когда желудок подкатывает к горлу. И, кажется, отрывается вместе с жизнью от тела.

Повезло, что шли мы по самой нижней магистрали. А еще, что под нами взорвалась подушка безопасности, только поэтому не превратились в сплошное кровавое месиво. Водитель грузового флайса не успел затормозить, когда сменился сигнал. Он работал на корпорацию «Мэйстон-телепорт», которая выплатила нам крупную компенсацию и оплатила лечение. В том числе мою пластику: нос собирали по частям, восстанавливали форму рта. На распоротом виске не осталось даже упоминаний о шраме, но из-за рваной раны, зацепившей уголок века, пришлось немного изменить разрез глаз. В наше время пластика делается быстро, вот только избавиться от панического страха перед водительским местом никакая суперсовременная медицина не способна.

Ледяная змейка пережитого скользнула по спине.

— Прекратите препарировать мою жизнь! — прошипела я. — Вам бы понравилось, если бы кто-то копался в вашем прошлом и вываливал его на свет, как кучу грязного белья?

— В моем прошлом постоянно копаются, эсса Ладэ. В настоящем тоже, а некоторые особо увлеченные умудряются даже прогнозировать будущее. Привыкайте, если всерьез намерены покорять оперу.

— Это другое дело! — Я сжала кулаки. — Еще раз сунете нос в мою жизнь, я с вами больше никогда не заговорю.

— Не давайте обещаний, которые не сможете сдержать. — Его голос напоминал прикосновение лазерного луча к металлу.

Мы как раз миновали границу города, возвращаясь под защиту Лаувайс.

— Я отвезу вас домой.

— Высадите меня здесь!

— Пойдете пешком?

— Полечу!

Халлоран хмыкнул, но даже не подумал сбавить скорость. Я же откинулась на спинку сиденья, вцепившись в сумочку. Слишком велико было искушение нахлобучить иртехану на голову пакет из «Гритлэйн» вместе со всем, что там осталось. Стоило флайсу зависнуть над парковкой у нашего дома, с силой ударила в кнопку, открывающую дверь. Вылетела, не оборачиваясь и не оглядываясь, добежала до лифта и, только оказавшись внутри, с силой замолотила кулаками по равнодушным металлическим стенам, выпуская напряжение и по-прежнему пульсирующий в венах адреналин.

Права была Лэм, мне нужно держаться от Халлорана подальше. Не просто подальше, как можно дальше. От его глаз. От его рук. От его запаха. От того, что он творит со мной одной мыслью о близости. От того, что он творит с моей жизнью просто потому, что может себе это позволить.

Остановила лифт перед этажом и уткнулась лбом в холодное зеркало.

Можно сколько угодно себе лгать, но разум упорно подсказывал, что это было свидание. И мне очень жаль, что оно закончилось.

Мне очень жаль, что оно закончилось именно так.

Дыхание дракона вырывалось огненным шквалом. Реки пламени текли по земле, трещали сухие ветки колючек, камни и песок. Раскинув кожистые крылья, в размах которых можно было уместить аэроэкспресс, зверь наклонился ко мне. Я не пыталась бежать, неотрывно смотрела в глаза, вопреки всем законам природы зеленые. Зеленые, как хвоя, и такие же чистые. Хвост бился о землю, вспарывая стекло, скользил ко мне огненной змеей и оборачивался вокруг тела. Одежда плавилась и клочками сползала на землю, оставляя за собой огненный след.

Дракон открывал пасть, но сквозь рычание до меня доносились слова:

— Ты споешь для меня, Ле-о-на.

Мое имя глухими раскатами вырывалось из груди, этот жесткий приказ заставлял биться в опоясывающих меня кольцах. Но освободиться я не могла, и чешуя скользила по чувствительной коже, сменяясь прикосновением рук — таких же грубых и сильных. Пальцы Халлорана касались меня везде, вызывая во мне дрожь, мои волосы стелились по

земле и полыхали, не сгорая. Сиденье флайса, заведенные над головой руки. Губы иртехана оставляли на моем теле ожоги, касания языка причиняли боль: сладкую, изнурительную, сводящую с ума. И не было во мне ни единой клеточки, не единой частицы, которая не хотела бы прервать эту пытку. Которая согласилась бы ее прервать.

Пальцы с силой сжимали мои волосы, заставляя запрокинуть голову.

— Кричи для меня, девочка, — говорил он. — Не хочешь петь — значит, будешь кричать.

И я кричала, срывая горло как никогда в жизни. Забывая о том, что мне нужно петь, забывая обо всем, выгибаясь под ним драконицей. Сливалась воедино, сходила с ума от наслаждения, накатывающего волна за волной, снова и снова. Содрогалась под его ошеломительной властью, а над нами кружили драконы, замыкая в огненном кольце.

И дышала полной грудью, комкая и без того сбитые простыни...

Простыни?

— Дерьмо!

Не лучшее слово, чтобы начать утро, знаю. Но ничего другого мне на ум не пришло. Я села на кровати и отвела налипшие на лоб прядки. Облизала пересохшие губы: пить хотелось невероятно. Под прохладной тканью майки отчетливо выступали напряженные соски. Внутри все сладко подрагивало от пережитого, шов пижамных шортиков впивался в болезненно-чувствительную плоть. Тело горело до сих пор, словно я и впрямь отдавалась ему в той пустоши. Да что там — ночью я почти ему отдавалась под порхающими влюбленными драконами.

Так и представляю себе знакомую мелодию из визора и звучный голос ведущего по горячим сводкам:

«Экстренный выпуск. Как нам только что стало известно, мейстер Халлоран не вернулся из пустоши, потому что спасал Мэйстон от внезапной угрозы налета. Кто спасал Мэйстон вместе с ним, сейчас выясняется».

А еще во сне у меня почему-то были светлые волосы. Мой настоящий цвет.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Поднялась и подошла к окну, тусклый свет из которого уже давно расползлся по комнате. День обещал быть пасмурным, туман без зазрения совести пожирал высотки и аэромагистрали, небо и землю. В молочном мареве город казался призрачным и зыбким. Постояла немного, успокаиваясь, и направилась в ванную. Лучшее средство от всех ненужных мыслей — контрастный душ. Помогает взбодриться и настроиться на

новый день.

После получасового распевания отрывков из сегодняшнего репертуара и бодрящей водички почувствовала себя гораздо лучше. Спустилась, потрепала по голове путающегося под ногами Марра и направилась на кухню. Сейчас быстренько поем, погуляю с виаром и буду собираться в торговый центр. Надо успеть пробежаться по магазинам до встречи с Дрэйком и Лэм. А то месяц уже как не выберусь за обновками.

— Привет, — буркнула Танни, жуящая тост.

По выходным она тоже спала долго — привычка отсыпаться, когда нет занятий в школе. Зато музыку можно слушать полночи или болтать с Имери по видеосвязи. По возвращении я краем уха слышала их голоса. Заглянула пожелать доброй ночи, но Танни даже меня не заметила — сидела за столом перед ноутбуком и что-то оживленно доказывала подруге. Ссориться по поводу нарушенного запрета не было сил, поэтому просто прикрыла дверь и пошла к себе. Понятно же, что они каждый вечер болтают, когда я ухожу на работу.

— Привет.

— Ты вчера поздно вернулась. — Любопытный взгляд.

— Пришлось немного задержаться.

Шуршание кофемашины, бульканье, бодрящий аромат.

Я забрала чашку и устроилась рядом с сестрой.

— С тем, кто прислал тебе цветы?

Кофе чуть не выпрыгнул обратно. Я сделала еще глоток и только потом ответила:

— Не важно.

— Ну-ну. — Танни хмыкнула. — С кем это таким загадочным ты закрутила роман, что о нем даже спрашивать нельзя.

— Ни с кем я роман не закрутила. Ясно?

— Ясно. — Сестра пожала плечами и сунула в рот леденец.

Перед ней стояла чашка чая, которой можно было напоить несколько человек. Огромная, с изображением аррензий, и мне немедленно захотелось что-нибудь разбить.

— Ты нормально поесть не можешь?

— Я как офыфно ем.

— Вот именно что как обычно.

— Чего это ты такая нервная?

— Хочешь еще неделю дома сидеть?

— Все, молчу.

Танни вытащила леденец и с минуту рассматривала его на свету, как

ювелир драгоценный камень. Примерно так же его рассматривал переминающийся с лапы на лапу виар, но сестра не замечала его мучений. Шмякнула конфету на блюдечко и принялась за яичницу. Мне совсем не хотелось есть, но я все-таки вытащила из пакета хлеб, отправила в тостер и под мелодичный звон выпрыгнувших хрустяшек потянулась за джемом. Литтоновым, разумеется. В сердцах намазала густым слоем и откусила. Чудо что не с пальцем.

— Я хочу, чтобы ты встретилась с отцом.

Сестра замерла и ощутимо напряглась. Когда она так смотрела, я всегда вспоминала маму: у нее тоже были темно-фиолетовые глаза, для рагранцев такое в порядке вещей. И когда мама сердилась, выглядела она в точности так же.

— И не подумаю.

— Тан, вам пора серьезно поговорить.

— О чем это?

— О том, что случилось несколько лет назад.

— Я не хочу об этом говорить. Тем более с этим наблом.

— Ты говоришь о своем отце! — Я невольно повысила голос.

— Отцы не бегут, теряя штаны, к другим бабам.

— Когда ты уже перестанешь цепляться за свои обиды?

— Когда ты поймешь, что мне он на хрен не сдался.

Танни оттолкнулась от стола и спрыгнула так резко, что чуть не наступила на хвост Марру. К счастью, он успел отскочить, но про конфету не забыл. Сестра пулей вылетела из кухни, а виар поставил лапы на ее стул и повел мордой в сторону леденца. Атака умильного взора продолжалась ровно до тех пор, пока он не запрыгнул на место Танни и не потянулся мордой к палочке. Я выставила ладонь, и Марр ткнулся в нее обжигаящим мокрым носом.

— Обойдешься, — сказала строго.

— Виу.

— Нет.

Посмотрела на остатки яичницы и вздохнула. Кто бы мне подсказал, как устроить встречу Танни с отцом. По-хорошему, видно, не получится. Но скоро у нее день рождения, и можно попробовать пригласить отчима на семейные посиделки. Перед праздником с друзьями сестра будет в хорошем расположении духа, это уже плюс. Открытым остался только вопрос, хочет ли он этого так же, как полгода назад. Прошлая их встреча с Танни и четвертая по счету попытка помириться не задалась от слова совсем. По-моему, они поругались еще сильнее, чем до этого. После чего

эссерд Барт нам больше не звонил.

Надо бы позвонить самой.

Клац!

Зазевавшись, я упустила момент, когда Марр сожрал остатки завтрака Танни. Едва успела перехватить блюдо с леденцом, и зубы виара вместо палочки схватили пустоту. Меня долго буравили блестящими как после проливного дождя фарами, обиженно пофыркивая и выпуская из носа струйки дыма. Не дождавшись сочувствия, Марр спрыгнул, отошел в угол и там свернулся клубочком, тяжело вздыхая.

Дракон, только маленький.

А большой... тоже был великолепен. Стоило вспомнить этот чешуйчатый роговой гребень, горящие глаза и рвущийся из груди рев, как сердце начинало биться чаще. Прекрасный гордый хищник, чья мощь чувствовалась даже на расстоянии.

Халлоран прав, ими нельзя не восхищаться.

Вот только в воспоминаниях под тяжелым взглядом иртехана все внутри переворачивалось. Обжигающие прикосновения и холодные глаза, дикий будоражащий контраст. Недолгое падение вместе с покоренным флайсом под грузом его слов. Я не готова была делиться этим ни с кем, но он не спрашивал. Листал мое прошлое, как ежедневную сводку от своего секретаря.

Думаете, что знаете обо мне все, мestr Халлоран? Обо мне и моих страхах?

Мечтайте.

Я. Не. Боюсь.

Минута поиска — и на дисплее высветился номер ближайшей флайсошколы.

— Добрый день, я бы хотела восстановить навык вождения. Да, права у меня есть. Бессрочные. Нет, мне удобнее первая половина дня, желательно в районе обеда. О... замечательно, мне подойдет. Буду. — Продиктовала девушке, с которой разговаривала, номер телефона. — Леона Ладэ. Спасибо.

Вот и все. Шмякнула телефон на столешницу и подмигнула Шайне.

— «Когда-нибудь вы снова сможете управлять флайсом». — Чтобы изобразить Халлорана, пришлось напрячься, но получилось вполне достоверно. — «Запомните это чувство, эсса Ладэ». Раньше, чем вы думаете, мestr. Потому что вы вообще ничего обо мне не знаете.

Иртехана здесь не было, поэтому язык я показала кофемашине.

И с чистой совестью пошла собираться.

ГЛАВА 10

Обещанный выходной и репетиция с Дрэйком подкрались как-то незаметно. Так же как и вечер перед выступлением. Есть у меня такая особенность — не думать о предстоящем до последнего, но, когда это самое последнее наступает, у меня холодеют руки, ноги, иногда даже уши. В последний раз я себя так чувствовала перед выпускным в ВВШ,^[6] а еще перед прослушиванием в опере. Только мысли об опере и спасали, помогали смириться с тем, что я буду петь перед правящими семьями. Да фиг с ними, с правящими, я буду петь перед ним. И на этот раз его лицо не скроет полумрак ложи.

— Бри, у меня такое чувство, что ты слишком много думаешь.

Я очнулась от голоса Дрэйка над ухом. Мы с ним летели в ресторан, где завтра предстояло выступить: он собирался сыграть пробу на рояле, я — спеть несколько куплетов, почувствовать акустику. Ну и посмотреть на сцену заодно, чтобы проникнуться еще больше.

— С чего ты взял?

— А что я последнее говорил?

Попыталась вспомнить и не смогла. Водитель позвонил, мы спускались из студии и шутили на тему завтрашнего выступления. Потом сели во флайс, и на этом моя память решительно отказалась сотрудничать. Просто все поездки с Валентеном заканчивались встречами с Халлораном, вот мысли и увели меня подальше от певческой карьеры. К вечеру, когда мы виделись в последний раз. К стремительному полету над пустошами к драконам и поцелую, от которого даже в воспоминаниях становилось умопомрачительно жарко. К счастью, сны откровенного содержания больше не повторялись, и это внушало надежду.

— Вот-вот, — хмыкнул Дрэйк, пока я старательно напрягала извилины и тщетно взывала к памяти. — Волнуешься, что ли?

— С чего бы, — фыркнула я.

— Ну не знаю. Может, потому что я сам готов обделаться.

Я покосилась на пианиста, но Дрэйк оставался невозмутим. Равно как и Валентен, хотя на губах водителя мелькнула тень улыбки.

— Не выражайся. — Я шутливо ткнула друга локтем в бок.

— Да какой там. Я на неделе встречался с их безопасником, вот рядом с ним на самом деле можно в штаны наложить.

— С безопасником?

— Ну да. — Дрэйк удивленно на меня посмотрел. — С начальником службы безопасности. Он, видите ли, пожелал со мной побеседовать лично. Тебя разве не приглашали для частного разговора? Думал, сознаюсь во всем, что делал, чего не делал, о чем не думал и о существовании чего до встречи с ним даже не подозревал.

Что ответить, не знала. Для частного беседы меня приглашали, но не к начальнику службы безопасности. С того вечера в пустошах мы с Халлораном едва перекинулись парой слов. Он действительно прислал мне договор безвозмездного оказания услуг, со скупой строчкой: «Подпишите, эсса Ладэ». А вчера сообщил, когда за нами придет флайс. Все. Наверное, оно и к лучшему, потому что за это время я уже остыла и готова общаться с ним совершенно спокойно.

— Ферн Норгхар действительно внушает... уважение, — заметил Валентен.

Ферн? Начальник службы безопасности северянин?

— Но лично мне сложно представить на его месте кого-то другого. Он профессионал.

— Не сомневаюсь, — проворчал Дрэйк, и на сей раз они с водителем не скрывали улыбок.

Остаток пути до Драконьего шипа мы трое болтали как старые знакомые. Валентен рассказал, что у него недавно родились внучки-двойняшки и дочь вне себя от радости. Говорили о его жене, с которой они вместе уже больше тридцати лет. Дрэйк рассказал о предстоящей свадьбе и о том, что мне предстоит быть распорядительницей. Когда он говорил о Лэм, глаза его сверкали и столько в них было гордости и любви («моя женщина, только моя!»), что я невольно начинала улыбаться.

За разговором почти забыла, куда мы летим, так что, когда флайс медленно пошел на снижение, вздрогнула. Парковка выглядела пустой: всего несколько машин, среди которых заметила флайс Халлорана. Сердце ухнуло куда-то в пятки, словно я уже оказалась под прицелом его зеленых глаз, а потом заколотилось с удвоенной силой. Стоило немалых усилий расслабленно улыбаться, когда Дрэйк подал мне руку.

У входа нас встречал сотрудник службы безопасности: молодой мужчина в костюме. Впервые в жизни видела такого угрюмого типа! Уголки губ опущены книзу, чуть выше меня ростом. Сосредоточенный, а взглядом только игрушки в автомате цапать, точно не промахнется.

— Эсса Ладэ, эстерд Беркинс. Пойдемте.

Вслед за ним мы сразу прошли в главный зал. Дрэйк присвистнул, я же просто замерла. Одно дело видеть в Сети, совсем другое — в жизни.

Огромное помещение с высокими сводами обтекало нас со всех сторон, замыкая в своем чреве столики, накрытые скатертями. Большая часть зала напоминала нишу, в которой мы ужинали с Халлораном: каменные стены и отблески огней врезанных в стены светильников. От этого возникало чувство, что ты в подземной пещере, единственно возможный выход из которой — панорамные окна, откуда открывался вид на Гельеру и пустоши. По рамам струился камень, словно прорастая в металл и запечатывая в себе стекло. Уголок небес и земли, вырванный из давящей силы камня, был великолепен.

— Сцена. — Наш сопровождающий указал налево. — Эссерд Беркинс, проверьте инструмент, пока настройщик на месте. Эсса Ладэ, вам тоже стоит проверить звучание. Все уже готово.

И тут я увидела Рэйнара. Он стоял у одного из многочисленных запасных выходов, ближе к окнам. Рядом со светловолосым мужчиной, который ничем не уступал ему в росте. Говорил с ним, но внимательно смотрел на меня. Так, словно вечность не видел, а не неделю назад распрощался. Хотя мы даже не прощались. Взгляд его скользил по коже легкой невесомой лаской, чтобы защелкнуться на шее стальным ошейником. Резко стало нечем дышать, словно в зале перекрыли кислород и наглухо запечатали все двери.

— Нам типа надо подойти поздороваться? — подал голос Дрэйк. — Я парень простой, не силен в этикетах.

Как раз в этот миг Халлоран отвернулся, и я глубоко вздохнула. Минуту назад хотелось убежать, хотя ноги приросли к полу. А сейчас словно невидимая сила подталкивала в спину, навстречу к нему. Ну уж нет, нет, нет и нет.

— Не думаю. Пойдем лучше делом займемся.

Сцена представляла собой полукруг: за спиной алые кулисы, над головой — навес со светильниками в тон драпировке. Невысокие ступеньки подняли нас с Дрэйком на возвышение, и он тут же устроился за роялем. Открыл крышку и пробежался пальцами по клавишам — всегда удивлялась, как это ему удается. Кажется, что он даже их не коснулся, а инструмент уже откликается музыкой. Вот и сейчас ресторан зазвучал после первых же аккордов: так, что я с трудом удержалась от того, чтобы не запеть. А Дрэйк уже кивнул нашему хмурому спутнику:

— Нужен настройщик.

Мужчина испарился как по волшебству.

Вообще, несмотря на подготовку, суеты здесь не чувствовалось: все делали быстро, слаженно и на удивление тихо. Негромкие голоса — когда

сотрудники службы безопасности отдавали команду, чтобы передвинуть тот или иной стол, или проверяли запасные выходы. Позвякивание приборов, звон бокалов, четкие действия оформителей, на столах поверх белых скатертей уже появились алые с золотом полосы. Когда ненадолго включили верхний свет, над залом поплыл алый флер. Нет-нет да и возникало чувство нереальности. Пока настройщик занимался роялем, я изучала микрофон. Стоя на сцене, смотрела в зал, на столик юбилярши и ее сыновей. Он располагался прямо напротив сцены, остальные выстроились в несколько рядов полукругом: так, чтобы не закрывать друг другу обзор и дорогу к запасным выходам. Случись что, пути отступления готовы.

Опомнись заставили несколько сильных аккордов и голос Дрэйка:

— Теперь другое дело! Попробуй что-нибудь напеть, птичка.

— Сам ты птичка, — рыкнула я.

Дрэйк только ухмыльнулся.

В горле неожиданно пересохло. Халлорана не было видно, но в ушах до сих пор звучали его слова: «У вас потрясающий голос, способный любого свести с ума». Самый сильный комплимент, который только можно себе представить. К счастью, он даже не догадывался о том, как хочется мне свести с ума его. Точно так же как он поступил со мной в пустошах. Заставить утратить контроль, сбросить свою маску и отдаться чувствам.

Но с тем же успехом можно попытаться заставить чувствовать вон тот плафон.

Я обняла микрофонную стойку, как если бы это могло помочь. Она даже холодной не показалась под моими пальцами. Но Дрэйк вопросительно смотрел на меня, и я кивнула:

— Давай номер три. С четвертого.

— Поехали!

Он взял пару аккордов, чтобы поймать мотив, а потом я запела:

Ты мой грех, ты мое дыханье,
Сердца стук и небесный крик...
Ты второе мое сознание,
Ты настолько в меня проник...

Я предполагала, как оно может звучать, но даже не догадывалась, что настолько сильно. Акустика здесь и впрямь была потрясающая. Казалось, вместе со мной поет каждый камень и каждое стеклышко, каждый светильник. Поет и льется, как музыка из-под пальцев Дрэйка. Я

замолчала, а голос еще звучал. Пусть на безумно краткий миг, но все же... это было странное чувство, словно вместо меня поют стены. Не эхо, нет, нечто тонкое и едва уловимое, как флер растаявшего сна, рвущееся из груди.

Халлоран снова смотрел на меня. Я его не видела, но чувствовала, как огонь рекой разливается по венам. Озираться не стала, не до того сейчас. Да и вообще, стоило выбрать для проверки что-нибудь менее провокационное.

— Шестая, — сказала тихо. — Со второго.

— Начали.

Город, бьющийся в сердце моем,
Город, сплавленный из островов,
Ты не спишь ни ночью, ни днем,
Ты давно ко всему готов.

Иглы-стрелы вонзая в луны,
Ты глядишь на всех свысока.
Такой живой и такой безумный
Подставляешь лицо сквознякам...

Мне бы вот сейчас сквозняк не помешал, но, несмотря на прохладу систем очищения воздуха, жарко было, как на костре. Выключила микрофон и подошла к Дрэйку.

— Хватит, пожалуй, — сказала заговорщицким шепотом. — Хочу как следует выспаться перед завтрашней встряской.

— Забей, Бри. После этого выступления за тобой из оперы сами бегать будут. И не только из оперы.

— Угу.

— Да я серьезно. — Дрэйк осторожно прикрыл крышку.

Снова включили верхний свет, из-за чего рояль казался обтянутым темно-красным, посеребренным атласом. Я даже дотронулась до него, но под пальцами ощутила живое тепло дерева. Деревя...

— Ты играл когда-нибудь на таком раньше?

— Шутишь, что ли. — Дрэйк вскинул брови. — Да я деревянные инструменты только в фантастических фильмах и видел.

— Эсса Ладэ.

Незнакомый стальной голос вонзился мне между лопаток и прошел

насквозь, как лазерный луч. Обернулась, чтобы встретить такой же взгляд: холодные, как океанический лед, глаза и белые, как снега Ферверна, волосы. Пару минут назад я бы не отказалась от веера, сейчас же мои внутренности медленно покрывались инеем. Если встречавший смотрел на нас изучающе, то здесь я почувствовала себя пришпиленным к стене выставочным образцом. Аккуратно, чтобы шкурку не испортить. И взгляд этот выглядел примерно так: «Сканирование. Распознавание. Изучение. Объект сдох. Какая жалость».

Не надо было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, кто стоял передо мной.

— Бергард Норгхар, — коротко представилась эта глыба льда. — Поднимемся на смотровую площадку. Я хочу побеседовать с вами наедине.

Вот теперь я заозиралась, но Халлорана нигде не было видно. Зато на глаза попался Дрэйк, который выразительно приподнял брови и прошептал одними губами:

— Удачи.

— Дождешься?

— Куда я денусь! Хочу еще разок прокатиться по городу на такой высоте.

Улыбнулась и снова повернулась к Норгхару.

— Я вся в вашем распоряжении.

Мы прошли до конца зала, поднялись по лестнице на второй этаж и оказались у огромной стеклянной стены, за которой открывался вид на раскрытую пасть и Гельеру. Угол здания срезал парковку и краешек Мэйстона. В более теплую погоду можно было бы выйти на улицу, но сейчас мне этого предлагать не стали. Норгхар кивнул в сторону зоны отдыха. Царство приглушенного света, журнальных столиков и кожаной мебели.

— Хотите кофе, эсса Ладэ?

— Нет, спасибо. Я не пью кофе по вечерам.

— Тогда просто поговорим.

Мы устроились на ближайшем диванчике, и я не могла отделаться от чувства, что во мне сейчас просверлят дыру. Исключительно ради того, чтобы заглянуть внутрь и посмотреть, как я там устроена и нет ли в моей голове коварных планов по поводу завтрашнего. Странная детская обида отступила так же быстро, как и пришла. В конце концов, я просто певичка из Ландстор-холла. И делать для меня исключение никто не обязан.

— Расскажите о своем детстве.

— Что именно?

— Все. Начните с первых осознанных воспоминаний.

— Я родилась в Рагране, но первые детские воспоминания связаны с Мэйстоном. Помню небольшую квартирку, в которой мы жили с мамой до ее встречи с отчимом. Еще детскую площадку в садике. На ней работали только круговые качели, все остальное пришло в негодность, поэтому дети дрались, чтобы на них попасть.

— Что вам больше всего запомнилось?

— Момент, когда мама приходила, чтобы меня забрать.

— Почему она решила переехать?

— Из-за голода, который начался в стране после разрушительного налета.

— Не совсем так, эсса Ладэ. Основной поток эмигрантов возник спустя два года после смены власти. Эрмина Ладэ перебралась в Аронгару сразу после того, как сменился режим.

— Это говорит только о том, что мама решила не дожидаться, пока станет совсем плохо.

— Это она вам так говорила?

— Да, она говорила именно так.

Короткое раздражение, как вспышка: ведь наверняка именно он собирал на меня информацию.

— Зачем вы спрашиваете, если все знаете сами?

— Всего я знать не могу.

— Но очень хочется?

Норгхар хмыкнул.

— Напомню, это мне нужны ваши ответы, эсса Ладэ.

И я еще Халлорана называла непробиваемым. В начальника службы безопасности можно в упор врезаться на флайсе, и ничего не будет. Начальнику, флайс придется чинить. Новую волну поднимающегося изнутри раздражения я поспешно разбила о здравую мысль: работа у него такая. Я вот пою, а он к людям пристаёт. На предмет заговоров.

— Какое отношение это имеет к завтрашнему выступлению?

— В моем деле имеет отношение все. Иногда самые невинные вопросы и самые невинные ответы способны рассказать о многом.

Кажется, теперь я поняла, о чем говорил Дрэйк. Под таким взглядом действительно можно сознаться во всем, что делал и чего не делал: ощущение ввинчивающихся в сознание ледяных игл только усилилось.

В наше время существуют технологии, позволяющие проникнуть в разум любого человека и заставить выложить всю правду, вот только эти технологии противозаконны. Разработку, которую успешно проталкивал

ученый-иртхан... из Ферверна, кстати... мировое сообщество принять отказалось. Аппарат считывал короткую память и провоцировал на откровенность, но причинял дикую боль, а еще существовала вероятность серьезного повреждения рассудка. Изобретение не спасли ни деньги, ни связи иртхана, ни его оружейная корпорация с мировым именем. Ни тем более его странные доводы, что опасных преступников не стоит щадить. Вот только сейчас я почувствовала себя как под лучами того аппарата. Разве что голова не взорвалась болью и не захотелось скакать на одной ноге, вращаясь вокруг собственной оси. Хотя... Интересно, что бы Норгхар на такое сказал.

— Может, попробовать?

— О, ну в таком случае я с удовольствием расскажу вам что-нибудь еще.

— Разумеется. Вы согласились выступить на юбилее местры Халлоран на безвозмездной основе. Почему?

— Вот скотина.

Я выпрямилась и спокойно посмотрела ему в глаза, хотя отчаянно хотелось зажмуриться. Чувство было такое, что его лед втекает в меня и спустя пару минут я просто моргнуть не смогу. Да что там, по радужке побежит морозный узор.

— Это моя благодарность местру Халлорану.

— За что?

— Он спас моего друга.

— Вашего виара.

— Марр мой друг, — чувствуя, как внутри все переворачивается, глубоко вдохнула.

— Тем не менее до этого у вас имел место серьезный конфликт интересов.

— О, теперь буду знать, как это называется.

— Марр — мой друг, — упрямо повторила я. — И спасение его жизни стоит того, чтобы забыть любой... конфликт интересов.

— Неужели?

— Ферн Норгхар.

Неестественно спокойный голос Халлорана ворвался в наш милый разговор и заставил вздрогнуть. Только сейчас поняла, что сижу, обхватив себя руками, словно упала голой попой в сугроб. И чувствовала я себя примерно так же. На миг показалось, что с его появлением стало еще холоднее, пришлось прилагать усилия, чтобы зубами не застучать.

— Вы мне нужны внизу. Срочно.

Иртвахан наградила мя жестким взглядом и шагнул в арку.
— Удачного выступления, эсса Ладэ. — Норгхар поднялся.
Простите, не могу поблагодарить. Зубы свело.

Я смотрела в спину начальнику службы безопасности, пока он не скрылся из вида. Потом поднялась и тоже направилась к лестнице. Надеюсь, завтра начнется и закончится быстро. И все. Никаких больше иртваханов.

— Очешуешь платье! — выдала Танни.

К счастью, визажист на пару со стилистом еще собирали вещи в спальне, так что краснеть мне не пришлось. Марр сидел в центре комнаты, задрал голову, всем своим видом выражая схожие с сестрой чувства.

— И вообще очешуешь, — подытожила сестра.

— Еще одно слово, и ты ночуешь дома.

Сама я очешуела уже несколько раз подряд. Для начала, когда увидела платье еще в футляре. Потом, когда увидела его на себе. И еще раз, когда увидела себя с укладкой и одетой перед выходом — такой и предстала перед сестрой. В черном платье в пол, с разрезом до середины бедра и подчеркивающим плотный лиф тонким кружевом. К нему прилагались черные перчатки и бриллиантовый браслет, кольцо и серьги. Волосы не стали поднимать, оставили волнами стекать на плечи и обнаженную спину, акцент сделали на губы — алые, в цвет кулис, и на глаза. На этом моя восприимчивость дала сбой и отказалась сотрудничать дальше. Разговор с Норгхаром и последний взгляд Халлорана проморозили меня так, что я даже волноваться перестала.

Оно и к лучшему, так бы ворочалась всю ночь с боку на бок, а тут просто свалилась и проснулась от звонка стилиста. Который явно беспокоился по поводу того, что мы не успеем. В итоге успели все и даже больше: я была готова за два с половиной часа до начала. Стилисту и гримерше предстояло провести со мной весь вечер, а Танни отправлялась ночевать к подруге.

— Не забудь погулять с Марром, — напомнила я, — и накорми как следует. Потому что вернусь поздно.

Не факт, что мне вообще захочется куда-то выходить. Скорее всего, это будет лицо — подушка, и спать, спать, спать. Откат пойдет после напряжения.

— Не забуду. — Сестрица улыбнулась. — Хотя в таком очешуите... в общем, что-то не уверена я, что ты вообще придешь домой ночевать.

В нее полетела диванная подушечка, которую с рычанием поймал

виар. После чего принялся потрошить прямо в воздухе, клочки посыпались на пол.

— Марр, чудовище ты хвостатое! — взывала я. — А ну отдай!

Он взмыл еще выше, пытаюсь защитить добычу, и тогда я подпрыгнула, чтобы ухватить ускользающий хвост. Поймать поймала, услышала обиженный вой, которому вторил странный треск и вопль Танни:

— Ой-е-о!..

Но оценить масштаб катастрофы смогла, только когда из спальни на лестницу вышли стилист и гримерша со своими чемоданчиками. Первая побледнела, у второго на лице проступило странное диковатое выражение, как если бы ему в нелестной форме сообщили, что он уволен без сохранения жалованья. Марр порхал надо мной и махал крыльями так, что мои волосы не разлетались в разные стороны лишь благодаря идеальной укладке. А потом я проследила их взгляды: не выдержав дикарского обращения, платье разошлось. Аккуратненько так, от подмышки до талии.

Ой, мама!

— Ах, — тихо сказала гримерша и побелела еще сильнее.

— У меня есть платье! — Я вскинула руку, вызвав очередной хруст ниточек.

Волосы стилиста не встали дыбом только потому, что у него тоже была укладка. Но кто ж виноват, что эти дизайнерские платья такие непрочные.

— Вы не понимаете... — как-то жалобно пробормотал он. — Мы же всё подбирали к этому... местр Халлоран...

— Вы умеете шить? — рыкнула я.

Так, что подпрыгнули все.

— Н-нет.

— Ну вот и я нет.

Мы дружной толпой — включая Танни и Марра, ломанулись в гардеробную. Платье, которое я покупала для прослушивания в опере, висело в самой дальней части, упрятанное так, что добрались до него с трудом. Я аккуратно запаковала его в футляр и запихнула подальше, чтобы не наткаться постоянно на напоминание о провале. Но сейчас не до примет, это был единственный достойный наряд, которым можно заменить безвозвратно утраченное. Длинное, цвета индиго, с открытыми плечами и плотным корсетом. Юбка облегла бедра и струилась вниз волнами, едва уловимо переливающимися, когда на них падал свет. От этого создавалось чувство, что ткань мокрая, а поверх нее разбросаны брызги тающей морской пены или искры звезд.

— Гм... — сказал стилист, глядя то на меня, то на платье. — Гм...

гм... А ну-ка, посторонние, вышли все.

Посторонних, то есть Танни с Марром, немедленно выставили за дверь. Меня переодели с космической скоростью, набросили невесомую вуаль накидки и снова принялись колдовать. Гримерша едва поспевала за приказами, от которых звенело в ушах. В итоге уголки глаз стали уже и длиннее, румянец на скулах более нежным, черно-белые тени сменили бледно-сиреневые, едва уловимого оттенка, а алую помаду — сочно-лиловая. На груди по-прежнему переливалось тяжелое кольцо, на запястье браслет, в ушах серьги. Волосы уложили на затылке, позволяя волнистым прядям обрамлять лицо.

— Ну вот. — Стилист отступил, чтобы полюбоваться на совместную работу, гримерша застыла безмолвной статуей. — Пожалуй, это... недурственно.

Недурственно? Ладно, пусть будет так.

По сравнению с тем, что сотворили из меня сейчас, прошлый образ казался плоским, банальным и слишком мрачным. Я привыкла глазеть на себя в зеркале и особого внимания этому обычно не придавала, но сейчас не могла оторваться. Настолько тонко были подчеркнуты черты лица, настолько точно подобрана каждая деталь, что образ Бриаль Бетрой казался чересчур вызывающим. А еще мне казалось, что эта женщина в зеркале — не я. Слишком уж царственный разворот плеч и слишком высоко вздернутый подбородок. Попыталась опустить вниз, но он не опускался: тяжесть волос так и тянула назад. В том платье я была просто певицей, которая торопилась на очередное выступление, а в этом...

Кем?

— Вам нравится?

Очешуеть, как сказала бы Танни.

— А вот теперь нам точно пора собираться, — взвыл стилист, взглянув на часы. — Быстро, быстро, быстро!

И правда, теперь мы успевали впритык.

Черные туфли, разумеется, не подходили, но из-за длинного шлейфа их вряд ли кто-нибудь увидит. Из квартиры вылетала, на ходу отдавая распоряжения:

— Оставь Марру побольше воды. И завтра чтобы дома была до вечера.

— Слушаюсь и пофинуюсь.

— Вытащи леденец изо рта и попрощайся по-человечески!

Как ни странно, Танни послушалась и даже подняла палец вверх.

— Удачи, сестренка.

Помню только, как мы бежали к флайсу. Но даже взволнованный

нашей задержкой, Валентен тронулся крайне аккуратно. Мы чуть не встряли в пробку, из-за чего у стилиста прибавилось седых волос и убавилось столько же лет жизни. К счастью, повезло, а когда флайс поднялся на магистраль высшего уровня, парень откинулся на спинку и принялся обмахиваться электронным журналом. Так, что он грозил вырваться из его рук и шмякнуться о дверцу.

— Надеюсь, местру Халлорану понравится, — подала голос Руи, гримерша.

Стилист бросил на нее свирепый взгляд, но промолчал.

Да не плевать ли, подумалось мне. Но что-то, тонко екнущее в груди, под корочкой фервернского льда, подсказывало — не плевать. Ладно, сейчас не время об этом думать.

А интересно, о чем сейчас время думать?

Я успела только увидеть заставленную флайсами стоянку, когда мы пошли на снижение. И тут меня накрыло: сотни иртханов-аристократов. Правящие семьи и... он. Выпустите меня, и вообще, остановите движение, я выйду по-быстрому. А дальше можете развлекаться без меня. Нет, ну правда.

Пока девчонка во мне вопила какие-то несуразности, мы припарковались. Валентен обежал флайс, чтобы подать мне руку, и в тот миг, когда я выходила из машины, меня накрыло осознанием второй раз. Проникнуться не успела — наткнулась взглядом на удивительно теплый взгляд рыже-карих глаз. Его обладатель приподнял брови, словно силился узнать во мне кого-то, но не мог. На редкость приятный молодой мужчина, ростом с меня, с шевелюрой цвета вспышки на солнце.

— Хорошего вечера, — тепло улыбнулся водитель, и я выдавила ответную улыбку:

— Спасибо, Валентен.

Пока гримерша со стилистом копошились во флайсе, я думала, куда себя деть. Заметив мое замешательство, а что наиболее вероятно, мои наверняка выпученные, как у оголодавшего набла, глаза, мужчина с огненными волосами подошел к нам.

— Добрый вечер, местрель... — произнес негромко, целуя мне кончики пальцев. — Вэйлар Рингисхарр.

И-ик.

Еще один иртхан.

Еще один иртхан, который только что поцеловал мне руку и назвал местрель. На этом знакомая мне Леона издала беззвучный писк и ушла в какой-то глубинный астрал.

— Добрый вечер, местр Рингисхарр. — Этот спокойный, грудной и... наблский набл!.. величественный голос, точно не мог принадлежать мне! — Но я не местрель.

Не стала дожидаться, пока его брови выпрыгнут со лба и взмоют к звездам.

— Меня зовут Леона Ладэ. Сегодня я буду для вас петь.

Кажется, иртехана это совсем не смутило — он подал мне руку, а точнее, сгиб локтя отточенным жестом.

— В таком случае позвольте вас проводить.

От него веяло силой: не подчиняющей и сметающей все на своем пути, как ураган Халлорана, более спокойной. Уверенность и расположение были искренними, не наносными. Возможно, именно поэтому я приняла предложение и улыбнулась — легко.

— Сочту за честь.

Немое изумление на лицах сопровождающих тянулось за нами шлейфом, пока мы шли к дверям ресторана. Я слишком хорошо помнила этот путь, но сейчас все было по-другому. Мне не хотелось сигануть за ограждение, сердце не стремилось выпрыгнуть наружу, не говоря уж о чем-то большем. Да и не споткнулась ни разу — опять же прогресс. Двери распахнулись, на краткий миг возвращая в недавнее прошлое, когда Халлоран уверенно пропустил меня вперед. А потом настоящее вступило в свои права, на этот раз в сторону отступил другой мужчина. Стилист с гримершей заторопились по служебному коридору в комнату для персонала, а иртехан помог мне снять пальто.

— ...сейчас подойду. Скоро начинаем.

Жесткий и сильный голос заставил вздрогнуть. Если бы новый знакомый вздумал рассказать мне самую сокровенную тайну иртеханов, я бы и то пропустила ее мимо ушей, потому как в вестибюль вышел Рэйнар Халлоран. Чувствовала его взгляд спиной, каждой клеточкой тела — напряженного, подрагивающего, словно я ухватилась за оголенный провод. На самом деле я вросла в пол, только сердце билось в такт знакомым шагам.

— Вэйл, представишь мне свою спутницу?

«Спутница» медленно повернулась, искренне сожалея о том, что не может провалиться, раствориться, рассыпаться или испариться. Можно все одновременно. На миг показалось, Халлоран меня не узнал, как знать — может, так оно и было. А потом взгляд его полыхнул так, что пробрало от кончиков пальцев ног до волнушек идеально уложенных волос. Даже захотелось проверить, не встали ли они дыбом. Наверное, и проверила бы,

но одна рука прочно приклеилась к сгибу локтя Рингисхарра, а другую я вообще не чувствовала.

— Прощу прощения. — Голос стал звучным и низким, рождаясь в груди, как перед оперной арией. — Мне нужно подготовиться к выступлению.

— Буду ждать вашего выхода, — негромко произнес мой сопровождающий и снова поцеловал мои пальцы.

У Халлорана дернулся уголок губ. Дернулся так выразительно, что меня саму дернуло изнутри, словно на оголенный провод вновь подали напряжение. Чувствуя, что еще немного и я не то что петь — пищать не смогу, наградила иртыханов улыбкой и направилась в сторону... да фиг его знает куда, куда-то вон туда, а потом еще вот за этот поворот и за тот. Налево, здравствуй, официант. Направо. Кажется, даже правильно шла — до той самой минуты, пока не услышала решительные шаги Халлорана за спиной. На этом моя вальяжная непробиваемость дала сбой, и я припустила вперед с такой скоростью, что рисковала запутаться в подоле и остаток пути преодолеть в полете. Разумеется, иртыхан ходил быстрее, чем я бегаю. Сдается мне, что, даже будь он в платье со шлейфом, силы были бы неравны.

Меня схватили за локоть и втокнули в первую попавшуюся дверь. Ну ладно, подозреваю, что дверь была не первой попавшейся и что догнал он меня именно там, где рассчитывал. Потому что помимо нас и роботов-уборщиков, сложенных штабелями вдоль стен, здесь больше ничего не было. И никого.

Негромко щелкнул электронный замок.

— Я буду кричать, — предупредила я.

— Голос сорвешь, — холодно припечатал он. — Ты что себе позволяешь?

— Ваше платье порвалось, — сложила руки на груди.

— К наблам платье, — прорычал он. — Какого дракона ты флиртowała с Рингисхарром?

На этом сбой дал инстинкт самосохранения. Потому как иначе объяснить то, что произошло дальше, я не могла.

— А что, нельзя? — хмыкнула. — Я девушка свободная, могу флиртовать с кем захочу. Или вы за честь гостей беспокоитесь?

Шага не успела сделать, как меня перехватили за запястья и прижали к стене. Его лицо было так близко, что, вздумай я самую малость податься вперед, коснулась бы губами красивых жестких губ.

— Выбирай слова, Леона.

— Эсса Ладэ, — припечатала я, вызываяще глядя ему в глаза. — Уберите руки, местр Халлоран.

Вихрь ярости ударил по сознанию. На миг показалось, что меня сейчас размажут по стенке вместе со всеми внутренностями и новым выстраданным макияжем, но... руки он все-таки убрал. Медленно так разжал пальцы и отступил, словно пытаюсь справиться с сокрушительной мощностью, бушующей внутри.

— Поговорим после выступления... эсса Ладэ.

Что-то в его голосе мне не понравилось. Очень-очень не понравилось. Настолько, что я быстренько ткнула в панель, выпрыгивая в дружелюбно открывшуюся дверь, и рванула в сторону. Теперь уже точно туда, куда надо. Сердце билось так, что каждый шаг отдавался в горле.

Стоило мне ступить в комнату, где Дрэйк расхаживал из стороны в сторону, как из небольшого коридорчика выпорхнул ведущий. Высокий, подтянутый, с пронзительными синими глазами, по-женски длинными ресницами и мягкими чертами лица. Мы с ним говорили по видеосвязи, когда он посвящал меня в таинства программы и очередность выступлений. Сам он под костюмом тоже казался мягким, как желе, но, когда его голос взмыл к потолку, захотелось зажать уши:

— Где вас драконы носят, эсса? Я чуть не поседел!

Я хотела сказать, что под мелированными прядями седина не очень-то и заметна, но решила промолчать. Не была уверена, что вместо голоса из горла не вырвется тонюсенький писк. Взгляд Халлорана — предвкушение взбешенного хищника, до сих пор растекался под кожей раскаленными иголочками, а его последние слова многообещающе звучали в ушах.

— Вам скоро выступить! Вы бы еще за минуту до начала прибежали!

— Времени на распевку мне хватит.

— Кошмар, — вздохнул стилист, — просто кошмар. Нам пришлось срочно все переделывать.

Его излишняя ведущего волновали мало, тот смотрел на меня. Так, словно я разрушила его мир и танцевала на руинах.

— Как только первая поздравительная часть закончится, выходите вы.

— Я помню программу.

Дрэйк смотрел на меня, открыв рот, — роскошный темнокожий мужчина в ослепительно-белой рубашке под черным фраком. На самом деле меня продолжало потряхивать, но внешне я выглядела так, словно проглотила айсберг и запила коктейлем из талого снега и игристого вина. Впрочем, от коктейля я бы сейчас не отказалась, чтобы снять напряжение. Самую малость. Женщина в отражении определенно не была мной, но ведь

этого я всегда и хотела, правда? На сцене приходится быть разной.

— Чудесно, — пробормотал ведущий, тон которого почему-то разом стал более уважительным. — Я вас представлю, а дальше все как мы обсуждали.

Угу.

Вот почему выйти на сцену в Ландстор-холле так просто, а здесь — целое событие? Скорее бы уже!

— Когда я еще с такой роскошной женщиной выйду в свет, — выдал пианист, едва ведущий убежал в коридор, соединяющий комнату со сценой.

— Обещаю, что Лэм об этом заявлении не узнает.

— Как благородно с твоей стороны!

Дрэйк ослепительно улыбнулся, и мне вдруг стало невероятно легко. Я ведь просто делаю то, что всегда хотела, умею, люблю — искренне и от всего сердца. А значит, у меня все получится.

ГЛАВА 11

Из-за игры света создавалось чувство, что сцена плывет над залом, а сами столики окутаны полупрозрачным туманом. Не знаю, каким надо быть волшебником, чтобы воссоздать ощущение высоты и раскинувшегося над головой звездного неба. Мастера освещения постарались на славу, и в переклестье лучей медленно оседали мерцающие искры. Точно так же искрился сочный голос ведущего, звенящий и поднимающийся ввысь, как пузырьки в бокале во время очередного тоста. Веоланское лилось рекой, слышались голоса и смех: по ту сторону кулис праздник был в самом разгаре.

Когда объявили нас, на сцену мало кто смотрел. Разве что Халлоран. И еще Рингисхарр. Огненный иртвахан тепло улыбался, а мое персональное чудовище сложило руки на груди. Он смотрел только на меня, и под маской напускного спокойствия бушевал изумрудный огонь, плавящий остатки самообладания. Усилием воли заставила себя отвести взгляд и переключиться на зал: остальные были заняты кто чем — видимо, обращать внимание на музыкантов у них не принято. Понимаю, что мы тут фоном и вообще, но могли бы расцедриться на повороты правящих голов, не говоря уже об аплодисментах. Тоже мне высшее общество!

Дрэйк как раз усаживался за рояль и едва успел пробежаться по клавишам пальцами, когда мой голос сорвался и взмыл в зал:

Закрой глаза! Закрой глаза, когда горят
И небеса, и горных игл нестройный ряд.
Горит в груди, остался нам последний шаг
Ступить в огонь вдвоем с тобой, едва дыша...

По залу пронесся легкий шепот, а потом все стихло. Правящие головы действительно начали поворачиваться к сцене, одна за другой. Вместе с владельцами и владелицами. Но теперь я смотрела не на них — в высоту звездного неба, рожденного спецэффектами. Искры мерцали под темнотой сводов, а мой голос стекал со сцены в зал, терялся в тумане и возносился под своды. Куплет за куплетом.

Когда застелет... пепел реки и моря,

Когда чернее... ночи светлая земля,
Останется... тебе и мне тогда одно:
Закрывать глаза и быть вдвоем любой ценой.

На последних словах голос зазвучал глухо, как из-под толщи воды. Низкий всплеск, замерший во времени, на последнем аккорде. Я действительно закрыла глаза, ощущая странные перемены всей кожей: меня захлестывали вихри чужой силы. Словно огни вспыхивали на сомкнувшихся над головой волнах, один за другим. Они же тянули наверх по столпам света, чтобы позволить вдохнуть полной грудью, скользили по коже. Огни внимания иртыханов, которые спустя миг переросли в первые аплодисменты, набирающие силу, как прилив.

— Спасибо, — сказала я, когда все стихло. Выдержала паузу и добавила: — Добрый вечер! Рада вас видеть.

Смотреть в зал и видеть сразу всех — привычно. Непривычно было ловить напоенные силой всплески пристального внимания правящих. Особенно когда я поняла, кто именно сидит рядом с моим новым знакомым. Гердехар Аррингсхан. Таким, каким его представляли газеты и пресса: мощь и сила чувствовались даже в спокойствии, седые волосы с едва уловимыми вкраплениями темных нитей, взгляд голубых глаз, от которых дух захватывает. Яростный, пронзительный, словно удар ураганного ветра в грудь. Интересно, если они с Халлораном столкнутся, кого снесет в сторону? Нет, лучше сейчас об этом не думать, так же как и о количестве важных шишек, которых с лишком нападало на местные стульчики.

— Для меня большая честь выступить на вашем празднике, мэтра Халлоран.

Именинница была неотразима утонченной красотой, которая свойственна всем дамам ее положения и возраста. Светлые волосы, гладкие и блестящие, идеальный макияж, классика черного вечернего платья и бриллиантов. Она смотрела на нас с Дрэйком сверху вниз, и взгляд ее отражал снисходительное расположение. Оттененное лишь легкой улыбкой на тонких, красиво очерченных губах. Подозреваю, что улыбка предназначалась обществу, все остальное нам. Ее младший сын широко ухмыльнулся и поднял вверх большой палец, а на старшего я упорно старалась не смотреть. Хотя его взгляд чувствовала всей кожей — гораздо более отчетливо, чем тогда, в Ландстор-холле.

— Поздравляю от всего сердца, — произнесла негромко. — Сегодня я

пою для вас, для вашей семьи и для ваших гостей.

А потом кивнула Дрэйку, и зал снова наполнила музыка. И мой голос.

Не знаю, сколько это продолжалось, я потеряла счет времени. Зато успела посчитать всех и вся: и восхищенные взгляды, и равнодушно-снисходительные, как у местры Халлоран, и пренебрежительно-насмешливые. К последним можно было отнести мимолетное внимание Ирргалии Стоунвилл, которым нас наградили лишь единожды, после чего передернули изящными плечиками и отвернулись. Местрель Стоунвилл сидела за одним из ближайших к сцене столиков: с отцом и еще несколькими иртханами и иртханессами. Роскошная, в алом платье, подчеркивающим аристократичную бледность кожи и цвет волос. Рубины на груди и запястье, попадая под лучи движущегося света, играли кровавыми каплями.

Я тайком изучала ее, что в общем-то было несложно — на меня не смотрели. Демонстративно повернувшись спиной, она что-то рассказывала своей подруге, которая быстро-быстро кивала головой. Мужчины решили поддержать дам и делали вид, что происходящее на сцене их совсем не интересует. Только иногда я ловила украдкой брошенные взгляды с той стороны и мысленно показывала Ирргалии неприличный жест, которым Танни рекомендовала ответить соседу.

Провожали нас рукоплесканиями, но, только оказавшись в знакомой комнате, я вздохнула с облегчением. Перерыв, ура! Не просто перерыв, перерывище! Полтора часа до второго выхода, счастье-то какое. А то уже начинало казаться, что меня расплющит от плещущей в лицо силы, перебивающей даже аплодисменты. Совсем неэстетично свалившись на диван рядом с гримершей, я жалобно пропищала Дрэйку:

— Воды!

Пианист не заленился бы, но воду мне тут же подал стилист.

— Надо срочно поправить прическу, — заявил он. — И макияж.

— Дайте отдышаться, а?

Кто ж мог подумать, что так тяжело будет... непонятно с чего.

— Фух, — только и сказал Дрэйк и присел на вертящийся стульчик перед прямоугольным зеркалом в обрамлении множества светильников. На лбу пианиста блестели капельки пота, но глаза сверкали азартом потрясающего выступления.

Фух — это не то слово. Всем фухам фух. Фухище просто.

Пиала воду маленькими глоточками, с наслаждением унимая бушующий внутри пожар. Не так уж и долго осталось, Леона. Споешь еще разок, а потом... А вот про «потом» пока думать не хотелось, потому что

волосы на затылке начинали медленно шевелиться и тлеть. Стилист потоптался рядом, но потом все-таки недовольно отступил. Как раз в ту минуту, когда в дверь постучали. В комнату заглянул охранник, что встречал нас вчера: молодой и чересчур серьезный.

— Эсса Ладэ, с вами желают переговорить.

Волосы на затылке снова шевельнулись: с одной стороны, Халлоран пообещал, что говорить мы будем после выступления. С другой — часть выступления уже закончилась, так что против своих слов он не пошел.

— А этот желающий может подождать? — спросила, чтобы заполнить «рекламную паузу», возникшую после слов парня. Разумеется, тот покачал головой.

Нет, ну нельзя же так! Где вообще бродит его иртхамская совесть? Или она от него сбежала еще во младенчестве? У меня, между прочим, законный перерыв, который я собиралась потратить на то, чтобы снять напряжение. Водички попить, наконец подышать спокойно... может быть, даже свежим воздухом! Не соберусь я и не побегу к нему по первому зову. Не побегу и даже не пойду. Вообще. Вот.

— До конца выступления я никого не принимаю и ни с кем не беседую, — заявила уверенно. — Это может плохо сказаться на моем голосе.

Вокруг меня с дружной синхронностью отвисали челюсти.

А я что? Я ничего. Я певица, творческая натура. И если у меня случится кризис, никому от этого легче не станет. В том числе его иртхамству. Прикрыла глаза и сделала вид, что отдыхаю. Расслабленно откинулась на спинку, гладкая кожа приятно холодила спину и плечи. Иголочки взглядов продолжали покалывать, но куда им до того шквала аристократической мощи, которой меня чудом не раскатало по сцене в блинчик. Услышала шаги, но даже не пошевелилась. Это по ту сторону кулис они короли, а здесь я — королева.

Негромкое покашливание заставило все-таки открыть глаза. Охранник вручил мне визитку и отступил на несколько шагов. Я буквально чувствовала, как вытягиваются шеи присутствующих, поэтому взвилась с дивана раньше, чем гримерша успела углядеть вензеля и парящего золотого дракона, под лапами которого застыл излом гор, а за спиной плавилась молния. Я держала карточку Гердехара Аррингсхана и понимала, что хуже моему голосу уже не будет. Если он не сел вот прямо сейчас, все остальное переживет.

— Думаю, — сказала после молчаливой дуэли взглядов, в которой охранник проявил небывалую стойкость и выдержку, — я могу позволить

себе одно исключение.

— Благодарю. — Парень вздохнул с явным облегчением и посторонился.

Я выплыла в коридор по-прежнему с королевской осанкой. Судя по тому, как заблестели глаза Дрэйка, меня ждет допрос с пристрастием. Сначала от него, потом от Лэм. А может быть, это будет перекрестный допрос. Мысли скакали в голове, отражаясь от стенок черепушки, как шарики в популярной электронной игре. Зачем я понадобилась Аррингсхану? И почему, драконы меня дери, мне так везет на иртханов?

Парень вышагивал впереди, я следовала за ним. Точнее сказать, плыла в густом вязком тумане, потому что иначе мое передвижение обозначить было сложно. Коридоры нашпиговали охраной так, что на каждого гостя, наверное, приходился персональный телохранитель. Возможно, так оно и было.

Со стороны зала доносилась негромкая чарующая музыка: начались танцы. Меня же привели к одной из ниш — наподобие той, где мы с Халлораном обсуждали сегодняшний вечер. Сотрудник службы безопасности отодвинул тяжелую портьеру и отступил в сторону. Мне же не оставалось ничего другого, как шагнуть внутрь. По ощущениям глаза вылезали на лоб, как в анекдоте про сплющенного морского фарда. Я по-прежнему сжимала злосчастный пластик, черное с золотом. Правящий рассматривал что-то на панно, сцепив руки за спиной. Обернулся он столь неожиданно, что остатки мыслей вылетели из головы.

А вот голос прозвучал на удивление спокойно:

— Местр Аррингсхан?

— Эсса Ладэ? Прошу.

Он лично отодвинул для меня стул, после сел сам. Мужчина поразительной красоты и мощи, неподвластных даже годам.

— Вы хотели меня видеть?

— Да. Хочу лично выразить восхищение вашим талантом. У вас невероятно сильный голос.

Все познается в сравнении. Его голос — глухой и низкий, как предвестник рокочущей в недрах морских бури. Несмотря на это говорить с ним почему-то было легко. В нем чувствовалась сила, способная не просто подавить, а раздавить, но сейчас передо мной сидел просто мужчина в дорогом костюме. Не пытающийся сколь угодно изящно указать на мое положение или напомнить о своем. Больше того, я не заметила в нем даже толики снисходительности: Гердехар говорил со мной на равных.

— Благодарю, — ответила искренне. — Мне очень приятно это

слышать.

— Я рад.

Квадратный волевой подбородок, нос с горбинкой, глаза, обманчиво-ясные, как не затянутое тучами небо в летний день. Интересно, когда он злится, они темнеют? Я помнила, как в их прозрачной глубине закручивались вихри силы, поэтому мысленно пнула себя в сторону панно. Хватит глазеть на правящего. И упаси небо спросить, почему он так смотрел на меня в зале.

— Вы о чем-то хотели спросить, Леона?

Нет, они издеваются.

— Боюсь, это слишком личное.

Правящий улыбнулся. Губы у него были твердые, плотно сжатые, но улыбка преобразила суровое лицо.

— Хорошо. Тогда один личный вопрос от меня, один личный вопрос с вашей стороны. Все честно.

Ох уж эти мне... иртханы.

— Почему вы так смотрели? Во время первой песни.

— Вы напомнили женщину, которая была мне дорога.

У меня внезапно похолодели руки. А еще они внезапно стали лишними, поэтому я просто убрала их на колени и сцепила пальцы в замок.

— Моего друга.

— Вашего... друга?

— Да. Она была без ума от музыки. Так же как моя жена.

Голос его не изменился, но сердце мое словно сдавила ледяная рука. И больно стало... как-то совсем по-человечески.

— Соболезную вашей утрате.

Я не собиралась этого говорить, само вырвалось. Закусив губу, почувствовала парфюмерно-сливочный вкус помады.

— Спасибо.

Иртхан не изменился в лице. Разве что стал более далеким, как если бы передо мной сидела лишь оболочка. Краткий миг — и ощущение развеялось без следа.

— Кто ставил вам голос, эсса Ладэ?

— Лирко Невиц, мой учитель в Высшей вокальной школе. — Поймала пристальный взгляд и улыбнулась. — Эсстерд Невиц всегда шутил, что рядом со мной ему делать нечего, но именно он заставил меня поверить в себя.

Какое-то время в нише царила тишина. Секунды стекали в нее одна за другой, до той самой грани, когда молчание грозило перерасти в

неловкость.

— Вас ждет большое будущее, Леона. — Аррингсхан поднялся и отодвинул мой стул. — Рад был познакомиться с вами лично.

Он легко коснулся губами моей руки и отодвинул портьеру. Слегка оглушенная произошедшим, я принялась озираться, но моего провожатого не было видно. Справедливо рассудив, что немного освежиться и побыть в одиночестве не помешает, направилась в сторону уборных. Их здесь было множество, поэтому я выбрала самые дальние от зала, чтобы случайно ни на кого из высших не наткнуться. Вползла в залитое теплым светом помещение, облокотилась о черную раковину и поняла, что все еще сжимаю визитку Аррингсхана. Ну вот и куда теперь прикажете ее девать?

Накрыла карточку ладонью, разглядывая себя в зеркале. Немного раскосые из-за макияжа глаза возбужденно блестели, сердце колотилось о ребра. Коснулась пальцами пылающих щек: вот чем, спрашивается, я напомнила ему Шайну? Она действительно звезда, да и внешность ее далека от моей. Если честно, когда он заговорил о дорогой женщине, на миг засомневалась в том, что между ними ничего не было, но... оказалось, что все-таки я права. Их с Шайной связывала только дружба и музыка. Он так и не женился на ней после той истории с Зингспридской оперой, его сердце принадлежало погибшей жене и детям. Сердце, которое до сих пор болит.

— Да ладно тебе, девчонка неплохо пела.

— Неплохо? Ты видела, как она себя ведет? Певичка с замашками правящей. Знаешь, Грин, если набла оклеить чешуей и пнуть с горы, драконом он от этого не станет.

Задумавшись, не сразу поняла, откуда доносятся голоса. Дверь распахнулась так резко, что я даже отскочить не успела. В комнату вплыли, с позволения сказать, Ирргалия Стоунвилл и ее соседка по столику, миловидная блондинка. В тени ослепительной рыжеволосой красотки меркло и эффектное платье телесного цвета с черным узором, и прическа с каскадом локонов. А вот выражение ее лица однозначно было проще, человечнее, хотя бы из-за мелькнувшего сквозь превосходство замешательства.

Краткий миг неожиданной встречи миновал, я же приросла к полу. Сделала вид, что увлечена собой, даже коснулась пальцами прически, когда за спиной раздалось негромкое покашливание. Судя по отражению надменной физиономии Ирргалии, это означало примерно следующее: «Дракон не сядет какать рядом с наблом». Ну не сядет так не сядет, пусть гадит в фирменные трусики или отправляется искать новое место.

Я не отреагировала. То есть вообще никак. Пригладила пряди — подозреваю, стилист оторвал бы мне руки с корнем, а потом приоткрыла рот и медленно облизнула губы, повторила контур помады пальцем. От топтавшихся за спиной ир்தханесс, особенно местрель Стоунвилл, разве что дым не пошел. Я же подалась назад, критически рассматривая себя в зеркале, после чего нахмурилась и снова занялась волосами.

— Какая пошлость! — выдала наконец рыжая.

И, взметнув за собой облачко убийственно терпких духов, стремительно вылетела за дверь. Вторая последовала за ней, а стоило ручке щелкнуть, как я высунула язык на всю длину со звуком мультяшного героя. А потом пнула ни в чем не повинную стену. Два раза. Так душевно, что даже боли не почувствовала. Зато в такие моменты я начинаю понимать Танни с ее методами, сейчас мне хотелось от души понадергать из этих дракониц... чешуек. Ладно, Леона, успокаиваемся и возвращаемся. Надо еще макияж поправить и прическу, скоро снова в зал.

Обратно по коридорам, той же дорогой, что и пришла. И не думать, не думать, не думать о том, что Халлоран сейчас, возможно, танцует с этой рыжей гадиной. А она ослепительно улыбается, положив руки ему на плечи, как бы невзначай касается его бедром... Хотя мне-то какое дело! Сжала кулаки и рванула вперед, мимо закрытых ниш, когда из-за поворота шагнул Энтар Халлоран собственной персоной. Мы влетели друг в друга, как два замечтавшихся дракона на полном ходу. Второй наследник подхватил меня за локти, только благодаря этому я не поцеловала его в подбородок.

— Всегда так бегаешь, милая? — спросил, заглядывая в глаза.

Только ир்தханы так умеют — глубоко, словно за пределы того, что ты сама о себе знаешь. Но вместе с тем он казался полной противоположностью старшему брату: светлокожий блондин с веселыми искорками в серых глазах. Его движения не отметила присущая Рэйнару жесткость, да и смотрел он гораздо мягче. Поддерживая меня, едва касался пальцами затылковых в перчатки рук. Легко, невесомо, без малейшей настойчивости и напора. Даже голос у него был другой! Сочный, легкий, с какими-то мурчаще-рычащими интонациями, как у разыгравшегося виара.

— Только когда тороплюсь, — вздохнула.

— Умеешь же ты прятаться. Думал, что не найду, — сообщил ир்தхан, широко улыбаясь.

Ну разумеется. В этом ресторане толпа ир்தханов, и все они ищут меня. Пора заводить специальную дорожную книжечку и записывать в очередь.

— Хотел сказать, что ты шикарно поешь.

— Благодарю, местр Халлоран. — Я высвободилась из странных полуобъятий и отступила.

— Не расстраивайся, что матушку не впечатлило. — Он поморщился, словно от зубной боли. Сложил руки на груди и приподнял брови. — Дело не в тебе, просто с некоторых пор она терпеть не может эстраду.

Кровь рывком отхлынула от сердца. На миг стало нечем дышать.

— Неужели? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал как можно более безразлично.

— У отца был короткий роман с эстрадной певичкой. Подозреваю, что это изощренная месть братца за невесту. Он привык все решать сам, а мать спит и видит, как устроить их брак. Пригласила Иргу погостить в нашем замке под Мэйстоном и забыла ему об этом сказать.

Разумеется, Халлоран об этом узнал. Как узнает все обо всем. И обо всех.

Брат Рэйнара по-прежнему улыбался, но улыбка эта сейчас казалась отравой. Чем больше я на него смотрела, тем стремительнее по телу бежал озноб.

— Милая, — иртехан заглянул мне в лицо, — не переживай, серьезно. В этом зале полно тех, кто от тебя в восторге.

Риинский дракон тебе милая. Всем вам.

— Простите, мне нужно идти.

— Счастливо. — Он отступил в сторону, пропуская. — С нетерпением жду второй части!

Последнее прилетело уже мне в спину. На автопилоте добралась до комнаты, уселась на стул и позволила делать с собой все, что желали стилист и гримерша. Да, весело. Вижу у иртеханов певички пользуются небывалым спросом. Что в общем-то логично: вся их магия начинается с голоса, с игры интонаций. Возможно, для них тембр голоса может стать чем-то вроде сильнейшего афродизиака. Мне хотелось зажмуриться, заткнуть уши руками и убежать далеко-далеко, но гримерша как раз взялась за подводку и тени. Поэтому я сидела прямо и смотрела на свое отражение: красивая кукла, да и только.

Могу представить, что испытала местра Халлоран, когда я вышла и запела. Чудесный юбилей. А главное, надолго запомнится.

— Как прошла встреча? — стилист отступил в сторону, скрывая любопытство за оценивающим взглядом.

— Замечательно.

— Эй, Бри, все в порядке? — насторожился Дрэйк.

Я кивнула.

Ну а что я скажу? Местр Халлоран решил подложить своей мамочке набла, то есть меня — за то, что она подложила ему драконицу?

Нет уж, увольте от таких подробностей. И вообще увольте.

К тому же встреча с Аррингсханом и правда прошла замечательно.

Гримерша улыбнулась и указала на идеальную меня, которая стала еще более идеальной. А пианист легко дотронулся до моего плеча:

— Эй, я с тобой, детка! Сейчас забачаем им свои самые улетные песни.

Улыбнулась:

— Спасибо. Могу я тебя кое о чем попросить?

— Разумеется.

— Минутку.

Сумочка валялась тут же, на диване, туда я осторожно сбросила карточку Аррингсхана и достала телефон. Мастера образа по-прежнему щебетали между собой, но явно пытаюсь вызвать меня на откровенность, я же просто смотрела на дисплей. Отражение в спящем экране было другим, немного более мрачным и даже чуточку искаженным. Снаружи все было идеально, но внутри, видимо, потекла тушь. Легко провела по лицу своего двойника пальцем, открывая знакомый сайт вызова флайсов и заказала машину к среднему уровню Драконьего шипа. Сомневаюсь, что Валентен согласится меня отвезти, да и не стоит его во все это втягивать.

Потому как местр Халлоран будет очень-очень зол.

На этот раз зал окутывал мягкий алый флер, в свете которого волосы Ирргалии разве что искры не рассыпали. Под черным потолком трепетали крылья красного дракона, подсвеченные серебром. При таком освещении можно было рассмотреть лица всех двенадцати правящих, всю мэйстонскую аристократию, даже за самыми дальними столиками, но я не спешила в них вглядываться. У меня еще будет такая возможность.

— Надеюсь, вы успели по нас соскучиться, — лукаво сообщила я в микрофон.

Ответа, разумеется, не ждала — здесь вам не Ландстор-холл, где зрители охотно общаются с музыкантами.

— Изначально наша программа была слишком серьезной и продуманной, — я обхватила микрофонную стойку, чуть подалась вперед, словно она была моим партнером в танце, — и мы с несравненным Дрэйком Беркинсом...

На этих словах пианист привстал, сверкнул ослепительной улыбкой и слегка поклонился. Если честно, я изначально была против того, чтобы

называть его имя. Но Дрэйк, выслушав меня и раз двадцать подряд обзавая сумасшедшей, сказал, что разделит со мной все от и до, иначе никак. По хорошему нам ничего не угрожало — в контракте оговорено время выступления, от которого мы отступить не собирались. И от списка песен, приложение с которым подписали, тоже. Ну... разве что кроме первой и последней.

— ...Решили добавить немного импровизации. Надеюсь, вы оцените мое маленькое хулиганство.

Брови Халлорана стремительно сошлись на переносице, он сложил руки на груди, а волосы на моей буйной голове зашевелились, пытаясь подняться. Я приказала им лежать, как положили: отступать некуда, за нами только узкий коридорчик. И Мэйстон, который принадлежит Халлоранам.

— Ну а чтобы заинтриговать вас еще больше... — я улыбнулась Рингисхарру и в его лице всем тем, кто сейчас действительно с искренним интересом смотрел на сцену, — скажу, что в самом конце выступления вас тоже ждет сюрприз. Но не будем забегать вперед.

Я вскинула руку, и первые аккорды привычно вплелись в мой голос:

Запомнилась мне песенка, что пели в кабаре,
И ноты там простые, в порядке си-до-ре...
Девчонка ее пела — ну прям ходячий шарм!
Была она, я помню, безумно хороша.

Сняла микрофон со стойки, подхватила платье и спустилась в зал. Слегка склонила голову, когда проходила мимо столика Халлоранов. Незамысловатые слова веселой песенки пузырились, как веоланское. Поднимались ввысь вместе с моим голосом и таяли под раскрытой пастью дракона-голограммы, от которой захватывало дух. Песенка писалась под мужчину, но я ее очень любила. Именно она стала для меня пропуском в Ландстор-холл: после ее исполнения на прослушивании Эвель пригласила меня на работу.

Голос мой сейчас звучал по-мальчишески звонко: чуть выше, чем мужской, но уже и не женский. Я лавировала между столиков, и мотив стлался за мной шлейфом. Интерес лучших из лучших по-прежнему накатывал волнами, но то ли я с ним смирилась, то ли привыкла. Ничем он не отличался от любопытного взгляда официанта, замершего у выхода, чтобы дослушать. Или от журналиста, постукивающего пальцами по

планшету. Правящие или аристократы, журналисты или снующие между столиками официанты, сейчас все они зрители.

Вызов был брошен, поэтому и воспринималось все теперь гораздо проще: наверное, так чувствует себя человек, запрыгнувший верхом на дракона и приказавший ему лететь. Странно, но я ловила все больше улыбок — даже тех, кто изначально пытался держать лицо. И эти улыбки вспыхивали гораздо ярче, чем таинственная и загадочная магия иртханов.

Прошли года, от города осталась лишь стена,
Безмолвными руинами она окружена.
Нет-нет воспоминания возьмут да оглушат...
О той девчонке милой, с кем пил на брудершафт...

Конец песни застал меня рядом со столиком Ирргалии, так же как мгновения тишины и последовавшие за ними аплодисменты Аррингсхана. Иртханесса отодвинулась, чтобы случайно не коснуться шлейфа моего платья, но рукоплескания правящего уже подхватил зал, один за другим столики присоединялись к шквалу, беснующемуся под сводами. Я отпустила платье и поклонилась — глубоко, как актриса на сцене. На кулисах тоже горел герб Халлоранов: парящий дракон. Если бы я стояла у стойки, крылья раскрылись бы прямо за моей спиной.

— Спасибо, — сказала я, когда все стихло. Выпрямилась и повторила уже громче: — Спасибо!

Пока шла, чувствовала прокатывающиеся по коже волны силы, улыбалась и избегала смотреть лишь на одного-единственного иртхана в этом зале. Внутри меня бегала малюсенькая Леона, с диким оглушительным визгом пытаюсь найти пятый угол, в который можно залезть. Он мне голову оторвет. Ну ладно, сначала заставит Эвель меня уволить, а потом оторвет и повесит на стене, как трофей поверженного врага. Но разве оно того не стоило?

Например, вот этого странного взгляда — который я все-таки поймала перед следующей песней. Яростного раздражения, смешанного с... восхищением? Да пусть засунет свое восхищение голографическому дракону под посеребрённый хвост! Интриган чешуйчатый.

Дальше я просто пела, звук за звуком, слово за словом приближаясь к тому, что мне предстояло в самом конце. Из-за этого пришлось немного поменять порядок песен — по возрастанию силы голоса. Дрэйк перекачивал аккорды между пальцами так яростно, что они звенели в

раскаленном от алого тумана воздухе. Уже завершая свое выступление, когда звуки рояля затихали в пении каменных стен, я снова заговорила:

— Спасибо всем за теплый прием. Петь для вас было очень приятно. — Чтобы набраться смелости, взглянула на Аррингсхана. — То, что я буду петь сейчас, — мой личный подарок имениннице, — я искренне улыбнулась местре Халлоран, — ее сыновьям и особым гостям, местру Аррингсхану и местрель Стоунвилл. Которая, насколько мне известно, истинная поклонница оперы.

Если белоснежная аристократическая кожа Ирргалии могла стать еще белее, то она такой стала. Внутри что-то натянулось, словно горло сдавила невидимая рука, а потом отпустило. Шагнула вперед и вскинула голову: именно так я мечтала петь всегда. Именно это я всегда мечтала спеть.

Арию Артомеллы.

Мой голос плачет в небе... а сердце рвется болью.
Последние минуты... и мир, покрытый смолью.

Смотреть в зал я сейчас не могла, поэтому смотрела наверх — на дракона.

Мой друг, спасенье это — смешное оправданье.
Течет в твои ладони горячее дыхание.
Прощай, прощай, прощай...

Не сразу поняла, что из груди рвется нечто большее, чем голос. Стоны или плач женщины, умирающей на руках возлюбленного. Были ли это мои чувства? Не знаю, я просто пела, звала, кричала — на пределе сил, на пределе чувств. Помнится, как-то Шайну спросили журналисты, есть ли в ее выступлениях какое-то правило, которое она никогда не нарушает. И она ответила: «Никогда не переношу на героев свои чувства. Я чувствую их».

Только сейчас я поняла, что это значит.

Меня больше не было.

Была только она — прощающаяся с жизнью и с тем, кого любила больше жизни.

Года, что время сплавит... растянутся в мгновенья.
Люби и будь любимым... а я прошу прощенья...
За то, что в этом мире... тебя я оставляю,
За то, что так беспечно... сейчас тебя теряю.

Прощай, прощай, прощай...

Слезы были не моими, но они были настоящими. И справиться с ними я не могла, да и не хотела. Позволяла течь по лицу, сквозь сердце, отпуская всю боль и весь страх.

Однажды ты посмотришь... в безоблачное небо...
Я знаю, ты не веришь сейчас в такую небыль.
Но я вернусь, любимый, дождями и цветами,
Коснусь дыханьем ветра, поглажу лепестками.
Встречай, встречай, встречай...
Меня!

Фейерверк. Огненный взрыв — внутри.

Я не сразу поняла, что закончила: в груди разливалось тепло, по венам струилось жидкое пламя, согревающее, дарящее небывалую свободу и легкость. Тишина в зале стояла такая, что можно было услышать дыхание. И я слышала не только дыхание, даже чей-то всхлип, который прозвучал как выстрел. Взгляды, взгляды, взгляды — со всех сторон, потрясенные, словно в неверии расширившиеся глаза. Поклонилась, и следом за мной поклонился Дрэйк. Огненная вспышка под сердцем дернула так, что я потеряла выдох, от взгляда Аррингсхана снова стало по-человечески больно. Точнее, нечеловечески, словно что-то плавилось в груди. А вот глаза Халлорана напоминали огненные провалы, да что там — погребальные костры. Он смотрел на меня, испепеляя до косточки: яростно, жестко, зло. И тут я вспомнила, что мне пора бежать.

ГЛАВА 12

В ушах гремели овации иртеханов. Их сила взлетала под своды ресторанного зала, набирая мощь, и что-то во мне стремилось ей навстречу. Солнце в груди разгоралось, словно я сама им стала. А перед глазами стояло лицо Халлорана, который медленно поднимался из-за столика. Правда, к нему тут же подплыла Ирргалия — своей безупречно царственной походкой. Положила руку на плечо и с милым видом что-то проворковала, это меня и спасло.

Мы с Дрэйком действовали по намеченному заранее плану: мне нужно в дамскую комнату после выступления, пианист вызывает меня проводить. Поскольку гардеробная находилась в другой стороне, идти за пальто было бы слишком рискованно. Тем более что я до сих пор слышала, как внутри тикают часики приближения Халлорана: сейчас он разберется с драгоценной матушкиной гостьей и займется мной. А я пока к этому не готова. Не готова сейчас смотреть ему в глаза и молчать, потому что сказать хочется ой как много!

— Ты как? — спросил пианист, когда мы спешили по знакомому уже коридору в сторону дальних уборных. Расстегнул и набросил на мои плечи фрак. — Держи вот.

Стянула полы фрака, как если бы он собирался с меня сползти. Голова стала тяжелой и кружилась, словно я отмечала вместе с гостями, перед глазами мелькали разноцветные мошки, а в груди по-прежнему пекло. Бессознательно потеряла ее горячей ладонью.

— Не передумаешь?

Покачала головой.

— Меня чуть ровным слоем не раскатало, когда ты пела, — признался Дрэйк.

Меня раскатало. Ничего, сейчас домой приеду, свернусь обратно.

— Пальто заберешь?

— Угу.

Он стиснул мои ладони, а потом неожиданно поднес к губам и поцеловал. Сразу обе. Поддрагивающие полыхающие пальцы еле-еле ощутили тепло дружеского рукопожатия.

— Это было... ух.

«Ух» будет, если меня Халлоран перехватит.

А мне домой надо, Марра кормить.

Мы без приключений проскочили те самые дамские комнаты, свернули к холлу с лифтами, когда за спиной раздался голос молодого сотрудника службы безопасности:

— Эсса Ладэ! Местр Халлоран...

— Удачи, Бри. — Дрэйк перекрыл дорогу направляющемуся в нашу сторону охраннику и загородил меня своей широкой спиной. — Приятель...

Я припустила к лифтам, чувствуя себя свободной и немного пьяной. Сердце от бега колотилось как сумасшедшее. Дурацкие туфли! На ходу подтянула подол, чтобы случаем не наступить. Все дальше от ресторана и льющейся из-за стен негромкой музыки. Ткнула пальцем в панель вызова. Быстрее, быстрее, быстрее же! Ну? Легкий щелчок и окрик за спиной слились воедино:

— Эсса Ладэ! Стойте!

Ай! Я влетела как мячик в лунку, нажала кнопку центрального уровня, и лифт устремился вниз. Первые несколько этажей за стеклом была глухая стена, а потом неожиданно преграда исчезла. Я смотрела в ночную темень, не веря глазам: они включили «дракона»! На смотровой площадке застыли крохотные фигурки, огненный водопад срывался с раскрытой пасти в смоляные воды Гельеры, пена и брызги поднимались ввысь, окутанные клубящимся паром. Неожиданно дракон поплыл смазанным и нечетким кадром, как если бы кто-то провел карандашом-растушевкой по планшету, а затем, наоборот, обрел потрясающую четкость. Я видела каждую капельку воды, восхищенные лица гостей, могла даже различить, кто и во что одет.

Легкий щелчок — и двери лифта разошлись, выпуская меня в холл.

Указатели привели к парковке, на которой уже дожидался флайс: водитель, вскинув голову, смотрел на ожившую в ночи яростную красоту. В лицо ударил холодный ветер, перехватил дыхание. Шум от водопада стоял такой, что на миг заложило уши. Глубоко вдохнула и побежала по дорожке, стараясь не смотреть вверх. Слишком велико было искушение замереть под горящими драконьими глазами, словно через них на меня смотрел Халлоран. Поэтому в приоткрытую дверь флайса запрыгнула быстро. Водитель, заметив такой маневр, лихо завернул кепку назад, последовал моему примеру и запустил двигатель.

— С ума сойти, да? — кивнул в сторону водопада.

— Сойти, — подтвердила я. — Только, пожалуйста, быстрее.

— Пожалуйста! — Дверь мягко поехала вниз. — Возвращаться будем?

— Нет.

Мы тронулись очень вовремя: по дорожке бежал охранник и что-то

кричал. Разумеется, ничего не было слышно, а водитель ничего не заметил. Парковочный талон, турникет — и вот мы уже влились в неплотный транспортный поток, все дальше от ир்தханов, все дальше от Халлорана. Чем меньше становился Дракони́й шип в зеркале заднего вида, тем быстрее меня отпускало. В сумочке надрывался телефон: даже не глядя, могла сказать, кто звонит.

Но сумочку зачем-то открыла.

Мой несчастный годовалый мобильник трясся так, словно упал на провода. На дисплее светилось имя «местр Халлоран Драконище-не-драное». Осторожно, чтобы случайно не нажать чего ненужного — как это со мной уже случалось, — забралась в контакты и добавила телефон в черный список. Мелодия тут же оборвалась.

Вот тебе, вот тебе, вот тебе!

С трудом удержалась, чтобы не показать язык дисплею: водитель и так уже смотрел на меня как-то странно. Только сейчас поняла, что даже не умылась, и в мягком освещении салона выглядела... ну, по меньшей мере, обиженной женщиной. Очень сильно обиженной женщиной — косметика не потекла благодаря качеству, а вот глаза были красные. И еще самую капельку пьяные, потому что сфокусировать взгляд ну никак не получалось. А главное, не объяснишь ведь, что просто арию пела. Поэтому с независимым видом уставилась в окно.

— С другом поругались? — участливо спросил водитель.

— Что? — вскинула брови. — Нет!

Халлоран мне не друг. Он мне никто.

Никто! Так, драконище драное, про которое я завтра утром даже не вспомню.

Да и не ругалась я с ним.

Телефон вновь разразился симфонией ярости, глянула на незнакомый номер, в сердцах выключила и швырнула обратно в сумку. Так я тебе и ответила, вот прям щас! А то я не знаю, что у вас, ваше ир்தхамство, сто десять номеров на все случаи жизни.

Домашний адрес высвечивался на панели навигатора, в городе транспортный поток стал плотнее, и мы зависли. Несмотря на позднее время, вечер перед выходными довольно-таки загруженный. После рабочей недели все спешат в центр: кто в клубы, кто в кино, кто просто погулять по мостам или посмотреть лазерное шоу в парке, которое показывают в любое время года. Мелькнула было мысль заехать в «Гранд Арену» — пятиэтажный супермаркет элитного алкоголя, но потом я от нее отказалась. Во-первых, я и алкоголь — несовместимы, а во-вторых, меня и так хорошо

накрыло. Ладно хоть Эвель еще на завтра выходной предоставила, есть время немного прийти в себя.

Через час я уже была дома с совсем дурной головой и самыми яростными намерениями с завтрашнего утра начать новую жизнь под лозунгом «Никаких иртханов!». Первым делом сбросила жуткие туфли, от которых уже болели стопы. Виар нарезал круги у моих ног, пару раз смачно протоптался по платью, но я не стала его отгонять. Вряд ли этот наряд мне еще пригодится, а если даже так — куплю новый. Этот ни за что больше не надену. Никогда.

Под приветственное верещание Марра шагнула в гостиную:

— Ну ладно, ладно! Сейчас переведу дух и пойдем гулять. А пока ужин.

Еды виару положила от души, присела на стул и подперла подбородок рукой. Профиль Шайны на миг придвинулся ближе, потом вернулся на место. Определенно кому-то пора спать. И не думать о том, что произошло. О том, что Халлоран... Не думать, я сказала!

Не сразу поняла, что не слышу привычного хрумканья: оказалось, Марр даже не притронулся к еде. Заглядывал мне в глаза, осторожно положив лапы на соседний стул, тянулся мордой к руке.

— Не хочешь есть?

Это что-то новенькое.

— Тогда идем.

Цок-цок-цок.

За мной следовали неотступно. А еще все время поводили носом, как если бы я притащила с собой кого-то незнакомого и спрятала в шкафу. Представив, что нужно идти переодеваться, мысленно застонала: это же сколько всего нужно сделать! Одно снять, другое надеть... Свитер, джинсы, куртка, потом еще на улицу тащиться... Нет в жизни покоя!

Виар снова потерся о мое платье и преданно заглянул в глаза.

Сознание куда-то ускользало, комната, Марр раздвоились перед глазами, а потом все снова стало более четким. Теперь он тыкался в ладонь своим обжигающим шершавым носом.

— Ты чего, чудовище? Меня и не было-то несколько часов. Неужели успел соскучиться?

— Очень.

Бархатно-рычащий голос почему-то донесся со стороны прихожей.

Стоп... Что?

Позорно завизжала и запустила в Халлорана подушкой, которая стала причиной катастрофы с платьем. Подушечку, он, разумеется, легко

перехватил на лету и отбросил на диван. Сейчас глаза его полыхали алым с такой силой, словно в иртвамской голове развели костерок.

— Ты... вы... ты... — Голос отказывался мне подчиняться, так же как и нестройно дрожащие шеренги мыслей, рассыпающиеся, как ворота под тараном. Я сделала несколько осторожных шажочков назад. — Ты вообще откуда тут взялся?

— Преимущества верхних магистралей. — Иртвахан продолжал наступать, а я вцепилась в ошейник Марра и подло спряталась за него. Виар сдвинул уши, настороженный, напряженный, и прижался ко мне, потому что прятаться за хрупкую женщину не позволяла мужская совесть. Кажется, даже рыкнул. Негромко. — И опрометчиво незапертая вами дверь, эсса Ладэ.

— У меня виар без кристалла, — предупредила я.

— Неужели?

— Марр!

— Сидеть.

Не уверена, что это было сказано мне, но сесть захотелось разом. Вместо этого на пятую точку плюхнулся Марр, а я в энный раз за сегодняшний вечер подхватила свой идиотский роскошный подол и понеслась к лестнице прыжками, которым могли позавидовать спортсмены на Соурских играх. Половину ступенек я пролетела, словно за спиной выросли крылья, а потом меня обхватили за плечи и рывком дернули назад. И тут бы на самом деле полетала, если бы не оказалась прижатой к Халлорану так плотно, что его сердце стучало мне в спину.

Рванулась, вцепилась ногтями в руки иртвахана, но руки почему-то отказывались подчиняться, поэтому лишь слабо царапнула кожу. Глухое рычание вибрацией ударило в уши и потекло по телу. Содрогнулась от странного необъяснимого чувства: мир вспыхнул перед глазами, словно кто-то решил сфотографировать нас в упор. Разве что вспышка была ослепительно-алой, как янтарь под языками пламени. А потом перед глазами все потемнело. Ноги стали ватными, и я поняла, что падаю.

Прямо в его объятия.

— Леона! Леона, говори со мной.

Голос Халлорана ввинтился в сознание, как раскаленный болт. Не сразу поняла, что моя голова лежит у него на плече, а сама я — у него на руках. Странное чувство, словно я наглоталась огня. Словно каждое веко весит тонну, а еще под ними плещется пламя. Такое же полыхало в груди, в животе, в каждой частице меня. Как я выгляжу? Наверное, как живой факел.

— Что... что вы со мной сделали? — Голос был еле слышным, а губы только чудом не дымились.

— Ничего.

— То есть я... вот так... и должна гореть?

— Кое-кому, — его голосом спокойно можно было резать сталь, — не стоило своевольничать. Вы спровоцировали всплеск силы. Очень мощный.

Мысли отказывались следовать за логикой, а логика вообще отказывалась работать. Все дело в моем выступлении. Кажется, там было слишком много иртханов. У меня переиртханоз.

Я хихикнула.

— Что смешного? — жестко спросил Халлоран.

— Ненавижу вас.

— Это настолько весело?

— О-очень!

Меня и правда разбирал смех, но в полный голос смеяться я опасалась. Сейчас ка-а-ак дохну огнем! И спалю себе квартиру.

— Куда вы меня несете?

— В твою спальню. Которая?

Пришлось все-таки открыть глаза и ткнуть пальцем в сторону двери.

А потом я посмотрела на него и — о-ой! — сделала это зря. Вблизи, сквозь раскаленные линзы, он был нечеловечески красив: черты лица стали резче, словно звериная сущность рвалась наружу, зрачки вытянулись, разделив радужку на две половины. Но больше всего мне сейчас хотелось прижаться губами к его губам, разделяя эту силу, впитывая ее и позволяя окончательно меня испепелить. Так, может, стоит поддаться искушению — перед тем как всплеск магии иртханов высушит меня до состояния мумии?

Когда обнаженных плеч и спины коснулась прохладная ткань, я всхлипнула и выгнулась. Попыталась подняться, но меня тут же вернули обратно.

— Не шевелись. Мне и так невыносимо хочется преподать тебе урок хороших манер.

Он рванул галстук и отбросил его в сторону. За галстуком последовали пиджак и рубашка, я же с любопытством уставилась на его грудь. Широкою, мощною, с правой стороны расчерченную символикой непонятных узоров. На подтянутый живот и дорожку волос, уходящую под линию брюк.

— Ремнем? — поинтересовалась я. — Вот так, шлеп-шлеп?

Чтобы продемонстрировать процесс, пришлось встать на четвереньки и повернуться к нему попой. Правда, рукой я промахнулась.

— Если ты сейчас не замолчишь...

Перед глазами летали взбесившиеся виарчики, но я уже не могла остановиться. Пока не выскажу ему все, не успокоюсь!

— Не замолчу! — с вызовом сообщила я, осторожно усаживаясь, чтобы не кувыркнуться через голову или не завалиться на бок. — Вы безмерзавный принцип! Вы притащили меня на праздник, чтобы испортить матери настроение. Чтобы отомстить за Иргалию... Игра... лию... Иргалию!

Взгляд его похолодел так, что начальнику службы безопасности и не снилось. Снега Ферверна перед этим взглядом осыпались бы в ближайшую пещерку, легли укромным сугробом и задрожали.

— Ты видела моего брата первый раз в жизни. И решила, что ему гораздо приятнее доверять, чем мне?

Вообще-то второй. Но это к делу не относится.

— С чего вы...

— В перерыве между выступлениями ты встречалась с Гердехаром Аррингсханом и моим братом. Сомневаюсь, что эту информацию сообщил председатель Совета.

— О... Доложили уже!

— А ты сомневалась?

— Ни на минуточку! Вы так любите знать все и про всех... Подозреваю, что, когда я переодеваюсь в примерной, вы уже знаете во что!

— Вы переоцениваете мои возможности, эсса Ладэ.

— Боюсь, я их недооцениваю. В частности, в том, что касается писи... психо... логических игр.

— Я не использую женщин, — жестко произнес он. — И не прикрываюсь ими. Тем более чтобы ударить другую женщину.

— Не используете? — хмыкнула я. — Как насчет Эвель Обри, которой предстояло меня уволить из-за вашего недовольства?

— Я сказал, что тебе недостает такта.

— Ага! — Я вскинула руку, из-за чего меня слегка повело в сторону. — И это после того, как сами приставали ко мне и чуть не...

— Ты нахамила и получила отпор. А теперь замолчи, или я в самом деле возьмусь за ремень.

Ремень, к слову, валялся на кровати, поэтому я на всякий случай отползла подальше. Иртхан с невозмутимым видом стянул брюки и шагнул ко мне. Так быстро, что даже пикнуть не успела.

Вжик.

Это сделала молния, меня вытащили из платья, как полуфабрикат из

оболочки, оставив в одном белье. По коже тут же побежал холод, каждое прикосновение — ткани или его обжигающих пальцев, отзывалось болью. Зашипела, пытаясь вырваться, убежать, отползти, только чтобы прекратить эту пытку.

— Замри. — Приказ Халлорана вломился в разум, сковывая по рукам и ногам, заставляя повиснуть в его объятиях безвольной куклой.

— Ненавижу вас!

Перед глазами все по-прежнему плыло, теперь еще и шум в ушах добавился.

— На здоровье.

У-у-у, непробиваемый! Небоскреб чешуйчатый! Зла не хватает!

Он подтянул меня к себе, телом к телу. Оплетая руками, ногами, становясь моим продолжением. Или началом? Вот только если я была горячей, то он просто раскаленным. Не заорала лишь потому, что дыхание перехватило. А в следующий миг жар схлынул: убийственным потоком, как выброс из термоядерного реактора. Меня выгнуло дугой, из груди вырвался стон, а потом в легкие ворвался воздух. Такой легкий, прохладный, такой освежающий... Небо! Никогда не думала, что это так приятно — дышать самым обычным воздухом, не напоминающим расплавленный металл. Сердце шмякалось о ребра рывками, о болезненно-воспаленной коже напоминала только легкая чувствительность: Халлоран все еще меня обнимал. По телу пробежали волны мелкой дрожи, а во рту стало солоно от крови. Кажется, прокусила губу.

Меня осторожно развернули к себе, взгляделись в лицо. А после откинули край одеяла и осторожно в него упаковали.

— Вы что делаете?

— Укладываю спать женщину, которая заслужила отменную трепку.

— Может, еще и колыбельную споете?

— Не искушай.

— Да что вы ко мне прицепились?!

Ответа, разумеется, не последовало. Узоры на его груди горели огненно-красным, а вертикальные зрачки раскрылись почти во всю радужку. Так близко смотреть ему в глаза было странно, странно чувствовать его дыхание на груди. На шее. Представлять, как жесткие губы касаются кожи, а под ними распускаются огненные цветы. Словно прочитав мои мысли, Халлоран коснулся пальцами моего рта, и тело пронзила вспышка, похожая на рождение сверхновой.

— Ты придешь ко мне сама, и я тебя больше не отпущу. Запомни это, Леона.

Хотела сказать, что ждать придется долго. Но комната уже расплывалась перед глазами, и я провалилась в сон.

В меня что-то тыкали. Точнее, чем-то тыкали прямо в бок. Я открыла глаза и увидела склонившуюся надо мной сестру с неизменным леденцом, торчащим изо рта.

— Наконец-то, — сказала Танни, выпрямляясь. — Я уж думала, померла.

Марр сидел рядом и поводил ушами. Шерсть на голове раскрылась цветочком, кончик хвоста едва подрагивал от счастья. Виар выразил свою радость просто и незатейливо, лизнув шершавым языком выглядывающую из-под одеяла коленку.

— И тебе доброго утра.

— Утра? — Сестрица фыркнула. — Хорошо погуляла!

И тут я поняла, что комнату заливают неяркий свет, а за окнами уже начало... темнеть?

Во всем теле ощущалась небывалая легкость. Меня словно накачали гелием, как шарик, а вместо ниточек были мои ноги, запутавшиеся в складках одеяла. Вместе с осознанием времени накатили воспоминания о случившемся. Я не покраснела до цвета чешуек Марра только потому, что рядом по-прежнему была Танни.

Вчера. В этой самой постели. Я и Халлоран. Полуголые. Телом к телу.

Жар, бегущий по коже, сбивающееся дыхание, еще не близость, нет, но уже и не просто объятия. Вспышка, падение и подъем: остро, горячо, по нарастающей. Гораздо более сильное, чем самое бесстыдное слияние, хотя между нами ничего не было.

И что это вообще было?

Помимо того, что мне не дали сгореть от силы иртханов.

— Как дела у Имери? — спросила, чтобы немного сменить направление мыслей.

— У Имери отлично, — нисколько не смущаясь того, что она в уличных ботинках, сестра забралась на кровать, подогнув под себя ногу. Из-под короткой малиновой юбки выглядывали полосатые гетры в ядовито-сиреневую полоску, от которой рябило в глазах. — У тебя, как я погляжу, тоже.

— Ну... — Я все-таки села, провела руками по волосам и тут же об этом пожалела.

Для начала одеяло поехало вниз, пришлось его прижимать локтями. Потому что бюстгальтера под вчерашнее платье не полагалось. А потом

еще и пальцы запутались в покрытых лаком волнах, которые лежали так, как их положили с поправкой на как им хочется. С кровати я видела в зеркале только половину себя, но того, что видела, мне хватило. Стойкий супермакияж все-таки дал течь, прическа была в таком художественном беспорядке — там волнушка, тут антенна. Для прямой связи со спутником.

— Неплохо.

— Угу. — Танни отправила леденец в рот, несколько раз смачно причмокнула и продолжила: — Твое «неплохо» снова ароматизировало гостиную так, что пришлось все окна открывать. Вэйлар, значит?

А?..

Понимая, что мне срочно нужно в гостиную, заглянула под одеяло. Трусики оказались на мне, а вот чулки экзотичненько так висели на стуле. Один цеплялся ажурной резинкой за выступающий вензель на спинке, второй спускался с сиденья поверх струящегося платья. Из-под которого выглядывал... нахлест ремня: прямо хоть сейчас всю эту картину на фотосессию. На пару минут лишившись дара речи, я мысленно прокручивала в голове непечатные выражения, адресованные конкретному дракону. Эродекоратор, чтоб его! Чувствуя, что еще немного и взорвусь от переполнявших меня эмоций, столкнула с кровати сначала одну зазевавшуюся нахалку, потом другого.

— Мне нужно переодеться.

— Угу, — хмыкнула сестра и схватила Марра за ошейник. — Пойдем, пародия на дракона. Леоне нужно прийти в себя после бурной ночи.

Памятуя о случае с диванной подушкой, поймала руку на подлете. Мне мои подушки нужны в целости и сохранности.

В ванной нашелся халат, в него я и завернулась.

После чего все-таки спустилась в гостиную и обнаружила там роскошные букеты, которые еле-еле уместились в вазах. Чтобы не завалились, Танни подтащила одну к стене, а другую водрузила на окно. Темно-синие с белыми прожилками гедарины, безумно редкий ночной сорт (их высокие чашечки с крупными сомкнутыми лепестками раскроются чуть позже), и солнечные аррензии. Не такие, как подарок Халлорана — огонь и страсть, а нежные и теплые.

В аррензиях обнаружилась карточка Рингисхарра с подписью:

«Солнечной женщине, с которой мы познакомились удивительным образом.

В выходные я буду в Мэйстоне и очень надеюсь увидеть вас вновь».

Гедарины оказались без карточки, но в них был вложен диск записи оперы «Артомелла». Не веря своим глазам, уставилась на год выхода. Последнее выступление Шайны в Зингсприде, безумно дорогущее коллекционное издание!

Аррингсхан.

Погладила бахрому лепестков: тончайшие прожилки пронизывали темную до черноты синеву бархата, как россыпи блекнувших звездных искр ночное небо. Аромат у них был не такой сильный, как у аррензий. Тонкий, свежий и пронзительный, как прохлада воды, с горчинкой и легкой сладостью. Интересно, Шайне он их тоже дарил? Запоздало мелькнуло сожаление о том, что я даже не сказала ему о своей любви к ней. По сути, нас объединяло гораздо большее, чем одна короткая встреча и быстрый разговор в закрытой нише ресторана.

Вспомнила, что у меня осталась его карточка.

Надо написать ему и поблагодарить. Когда получится выразить словами то, что я сейчас чувствую.

Подхватила сумку и пошла наверх.

— Есть будешь? — донеслось с кухни.

— Да. Через полчаса.

Сначала приму душ и немного приведу себя в порядок.

Марр вылетел в гостиную, покрутился возле моих ног и снова убежал на кухню, где Танни соорудила что-то наподобие Лаувайс, только из хрустящего хлеба, ветчины, зелени и прочего. Виар надеялся, что ему что-то переупадет, а судя по высоте сооружения, переупасть оно могло в любой момент. Например, если ненароком задеть лапой тарелку.

Ладно, пусть сами разбираются. Мне бы с собой разобраться.

— Так что там с Вэйларом? — донеслось мне в спину.

— Местр Рингисхарр вчера был среди приглашенных.

— И только-то? — Голос Танни мигом поскуучнел.

— Я купаться!

Окончательно просыпалась в душе, пытаясь собрать мысли в кучу и понять, что я вообще чувствую по поводу случившегося. Иртханы остались в прошлом, но не хотели там оставаться. Рингисхарр попросил о встрече, Аррингсхана я при всем желании не забуду, а Халлоран... Стоило подумать о нем, как внутри меня поднималась волна будоражащего тепла. Кровь быстрее бежала по венам, воспоминания о слиянии полуобнаженных тел — откровенных и в то же время таких далеких сейчас, заставляли кусать губы, подставлять лицо упругим струям воды в тщетной попытке прийти в себя. Не приходилось: соски напряглись, и я невольно накрыла руками грудь.

Перед глазами полыхал его взгляд — огненно-властный, затягивающий. Слова все еще звучали в ушах: «Ты придешь ко мне сама, и я тебя больше не отпущу».

Голос, от которого внутри все переворачивается, сходит с ума, противится и одновременно стремится навстречу, словно часть меня рвалась к иртехану помимо моей воли, вопреки всему. Срастись, стать единым целым, подчиниться, соблазнить, провоцировать, сделать своим... Замерла, вглядываясь в отражение: плывущий взгляд, приоткрытые губы и высоко вздымающаяся грудь. Да от меня же желанием фонит, как от телевизионной вышки электромагнитными волнами! На весь Мэйстон, если не на всю Аронгару. И это его даже рядом нет.

Одно движение руки — и я с визгом выскочила из-под ледяных струй на коврик. Завернулась в полотенце и понеслась в комнату, растираться и сушить волосы. Встряска холодным душем помогла избавиться от непрошенных мыслей и возбуждения, только проблемы в целом она не решала.

Хочу я того или нет, Халлоран стал моим персональным наваждением. Избавиться от которого можно, только ему поддавшись.

— Те цветочки тоже были от Вэйлара? — не унималась Танни.

Я ожесточенно шлепнула последний панкейк на блюдо. Ароматная горка возвышалась над стойкой и пахла так, что рот сам по себе наполнялся слюной. В такие минуты я как никогда понимаю Марра. Больше, чем наброситься на еду, сейчас мне хотелось только в красочных выражениях высказать кое-кому, что в гости к нему я не собираюсь, поэтому ремень останется у меня как трофей. Вот зачем я полезла в телефон после душа? Сообщение с неизвестного номера, зато адрес — говорящий гораздо больше, чем приглашение в тысячу слов или один короткий приказ.

Похоже, Халлоран всерьез решил, что я к нему побегу после случившегося.

Да, он меня спас. Но он же меня во все это и втянул! Так что рыцарь из него, как из Марра диетолог.

— Нет.

— Тогда от кого?

Метнула на сестрицу свирепый взгляд, но та уже умудрилась стянуть два блинчика, один щедро полила камартовым фларом, другой отправила в полет, как тарелку на пляже. Марр взмыл в воздух: поймать поймал, но сбил хвостом стоявший над посудомоечной машиной бокал, который шмякнулся о плитку и разлетелся осколками.

— Упс.

— Вот тебе и «упс». Ты знаешь, где пылесос.

Виар выглядел немного виноватым, но счастливым. Жевал на лету и продолжал порхать под потолком, чудом не цепляя плафон то крыльями, то головой. А вот Танни даже виноватой себя не чувствовала.

— Я же просила сразу убирать посуду.

— Ну да, ну да. — Сестра нехотя сползла со стула и отправилась в кладовку.

Собственно, там хранился домашний инвентарь и всякие чистящие и моющие средства, которыми Мэлз заправляла технику для уборки.

— А ну вниз, — строго скомандовала я нахалу. — Знаешь же, что по квартире не летаем.

Виар наградил меня обиженным взглядом и спикировал на пол. Обернулся хвостом и для более достоверной обиды повернулся спиной. Шерсть на голове прижалась плотно, но я особо не переживала. В нашем доме есть один хороший актер, у которого уроки мастерства можно и нужно брать. Устроившись на стуле, я смотрела на отражение виара в оконных стеклах: там снова повалил снег. Густой, с огромными разлапистыми снежинками, которые липли к стеклу. Прохладный воздух врвался в приоткрытую створку, забирался под свободную майку и охлаждал кожу. Полная противоположность тому, что со мной творилось вчера.

Сама виновата: не стоило так выкладываться перед иртханами. Ведь первую часть выступления я пережила спокойно, хотя тоже чувствовала отголоски силы. Огонь в меня хлынул именно во время исполнения арии Артомеллы, когда я раскрылась на полную.

Шмяк!

Марру надоело изображать обиду, и он попытался поймать влетевшую в комнату снежинку лапой. Зажужжал пылесос: оставляя за собой едва заметный блестящий след, стремительно втягивал оставшиеся осколки. Крупные Танни уже собрала и отправила в мусоропереработчик. После чего взобралась на соседний стул и взяла очередной блинчик. Я последовала ее примеру: в нашей семье пастью клацать нельзя — тут же останешься без ужина, который сам себе приготовил.

— Кто фам еще был? На пфазднике? — Сестрица не смущалась жевать и говорить.

— Много иртханов.

— Ну это я уже поняла. Круто было? Что было в меню?

— Я туда не есть ходила, знаешь ли.

— Ну все-таки?

— Блюда молекулярной кухни.

— А-а...

Танни мигом теряла интерес к тому, чего не знала, не понимала или не хотела понимать.

— А танцы были? Ты им пела медляки?

Этого еще не хватало! Представив, что пою и созерцаю танец Халлорана с будущей женой, чуть не подавилась панкейком. Закашлялась и потянулась за салфеткой.

— Чей ремень валялся у тебя в комнате?

— Ничей.

— Ничей ремень? — Сестрица ехидно улыбнулась. — Кру-у-уто. Может, скоро у нас в доме появится ничей владелец ремня?

Я показала кулак, в ответ Танни показала язык.

Пылесос уехал в комнату, за ним с урчанием погнался виар.

Проследила за змейкой хвоста и улыбнулась. Почувствовал ведь, что со мной сотворила магия ир்தханов. Ходил по пятам, даже есть отказывался.

Ручное мое чудовище.

Хороший мой.

— Лучше расскажи, чем вы у Имери занимались.

Простейший повод отделаться от расспросов — перевести тему на нее. Танни терпеть не может, когда я лезу в ее жизнь. Вот и сейчас передернула плечами и потянулась за бутылочкой флара, выдавливая на панкейк какой-то замысловатый тянущийся узор. У меня же перед глазами вспыхнули горящие на груди Халлорана символы и вертикальный зрачок во всю радужку, черные пропасти во всепоглощающем пламени.

Виары и ларрки!

Почему я не могу перестать о нем думать? Почему меня так к нему тянет, словно я проглотила самонаводящийся на магию ир்தханов магнит?

Вот только самонаводится он исключительно на Рэйнара Халлорана.

Ой нет.

Что за бред в голову лезет.

— Танни?

— Ну... мы посидели немного. Поболтали. Киношку посмотрели, музыку послушали. И легли спать.

— Только и всего?

— Ну да.

Танни принялась разводить узоры, и я поняла, что большего мне не скажут. Ну да и ладно, я сама недалеко от нее ушла. Должна же у подруга, в конце концов, быть личная жизнь. Тем более что свою я с ней

обсуждать пока не готова. Другое дело — Лэм, но Лэм отдельно от Дрэйка заставить очень сложно. Хотя я и так представляю, что она скажет: бежать сломя голову, и будет права. Зато теперь я могу говорить со всей уверенностью, что Аррингсхан любил свою жену.

А Халлоран женится на Ирргалии.

Проткнула блин с такой силой, что только чудом не пригвоздила тарелку к столу.

Из гостиной доносились беготня и скрежет когтей, когда виара заносило на особо резких поворотах. Потом раздался оглушительный грохот и жужжание перевернувшегося пылесоса. Кажется, кому-то пора на улицу, выпустить пар.

Наверное, даже больше мне, чем Марру.

Парк на Четвертом острове небольшой и с высоты выглядит аккуратным квадратом, окруженным внешней прогулочной зоной. По ней мы с Марром обычно бегаем... ну, кто бегают, а кто летает, когда надо быстро прогуляться. Но сегодня я домой не торопилась, поэтому мы углубились внутрь парка, побродить по извилистым дорожкам между облетевших деревьев. В свое время именно этот парк стал причиной того, что я предпочла квартиру здесь более просторной за ту же цену на Седьмом.

В Мэйстоне — как в общем-то и везде в Аронгаре — с зеленью туго. И пусть наш парк небольшой и не идет ни в какое сравнение с Центральным городским парком, мне здесь всегда нравилось. Даже сейчас, когда об игре ветра в листьях остались одни воспоминания. Если пройти насквозь, с другой стороны за парком начинается пустырь. С возвышения видна Гельера, и подвесной мост, и гряда гор в пустошах — далекие, смазанные в ночи очертания. Вот только на пустырь лучше ночью не соваться. Хотя полиция регулярно проводит рейды, там все равно собираются бездомные и продавцы синтетической дурманящей дряни. Если первые просто греются возле бочек с горючим, вонь от которого частенько тянется в парк, вторые далеко не так безобидны. Но больше всего неприятностей способны доставить их клиенты, употребившие на месте.

Впрочем, в парк они не заглядывают, и на том спасибо.

Марр радостно скакал по снегу, из-за чего тот с шипением таял под горячими лапами, на лету ловил снежинки. Я сунула руки в карманы куртки, медленно вышагивала по дорожке, разглядывая мельтешение хлопьев в свете фонарей. Ветер подхватывал успевший распластаться снег, стелил его по земле и подбрасывал в воздух. Призрачная пелена окутала

Мэйстон и нас.

В мыслях по-прежнему крутились события прошлой ночи, да если бы только в мыслях. Халлоран был во мне, хотя и не знал об этом: во снах, в моей крови, в бесстыдных фантазиях. Щеки горели, снежинки на лице миглом обращались в капли. Хорошо, что вчера была в неменяемом состоянии, иначе точно воспламенилась бы от стыда, без всякой магии иртыханов. Что я наболтала про ремень... и что я вообще несла!

Разозлившись на себя, от души пнула снег, взметнув белый фонтанчик, и Марр с рыком бросился в него. Разметал в стороны, с довольным урчанием взмыл ввысь.

Я же достала телефон и карточку Рингисхарра.

«Большое спасибо за цветы. Они чудесные».

Даже убрать не успела — телефон завибрировал. Он со своим не расстается, что ли?

— Чудесные цветы для чудесной женщины. Добрый вечер, эсса Ладэ.

— Добрый вечер, местр Рингисхарр.

— Как вы смотрите на то, чтобы вместе выпить кофе?

Странно, но иртыхан интересовался моим мнением. И что самое интересное, ответить ему хотелось честно.

— У меня сегодня день уединения. Хочу немного прийти в себя перед возвращением на сцену.

— Неудивительно. После того, как вы вчера выступили.

Я вдруг поняла, что настаивать он не будет. Ни настаивать, ни давить. А еще поняла, что в другой ситуации с удовольствием выпила бы с ним кофе.

— Отдыхаете?

— Можно и так сказать. Выгуливаю Марра.

— Марра?

— Это мой вечно голодный виар.

— У вас есть виар?

Кажется, мне снова удалось его удивить.

— Да... завелся вот.

Из трубки донесся негромкий смех.

— Сам по себе?

Насколько приятный у Рингисхарра голос. Мягкость и уверенность в нем вызывали желание слушать дальше. Слушать и слышать. Халлоран тоже умудрялся говорить вкрадчиво, но даже тогда в его интонациях звенели нотки подавляющей силы. Словно сталь шелестит под бархатом. Когда он говорил, мне хотелось залезть под стол, а лучше спрятаться у себя

и забаррикадировать дверь. И окно запаять, чтобы уж наверняка.

— Сам по себе. Не хотите к нам присоединиться?

Сказала раньше, чем успела себя остановить.

— Где вы?

— В парке на Четвертом острове.

— Скоро буду.

— А мы не торопимся.

Что-то странное в этом определено было. И в том, что я его пригласила, и в том, что он согласился. Но думать об этом сейчас не хотелось, хотелось просто гулять. Запахнув шарф, который то и дело намеревался сползти с куртки, двинулась вслед за Марром, порхающим между деревьями.

Удивительно, раньше я этого не замечала, точнее, не обращала внимания, но он и правда ни разу не попытался спалить ни один кустик. И агрессии не проявлял до случая с теми идиотами, хотя кристалл ему не ставили. Он просто слушался меня... или себя. Слова Халлорана о том, что зверь не нападает без причины, снова всплыли в сознании. Возможно ли, что драконы и люди могли бы жить в мире?

Нет, я определено переутомилась.

Ветер стих, снег повалил крупными хлопьями. Сугробы росли на глазах и таять не собирались. Разве что когда кто-то нырял в них всем весом и прожигал дыру до самой пожухлой травы. На всякий случай я смотрела по сторонам — не выскочит ли откуда ребятня или какая-нибудь чересчур впечатлительная старушка, которая решила прогуляться перед сном. Но вокруг было тихо — видимо, такая погода радовала только нас с Марром. А он изображал помесь снежного дракона и пустынного: рыл ходы и с урчанием выскакивал у меня перед носом, бросался в соседний сугроб и взлетал, как под ударом горячего гейзера Ферверна.

Мне вдруг вспомнилось детство: те качели, о которых я говорила начальнику службы безопасности. Теплые мамины руки и как хорошо было нырнуть в них, уткнуться лицом ей в грудь, знать, что все-все-все будет хорошо. Тогда я хотела побыстрее вырасти, чтобы стать большой, как она. Мне казалось, что, когда ты большая, у тебя все получается легче. А еще никто над тобой не смеется и не называет мелюзгой, как старшие дети в общем дворе. В теплое время года на натянутых веревках всегда трепыхалось белье — иногда застиранное до серого цвета, а грязница была что в холода, что в жару. Тогда я и помыслить не могла, что бывает иначе.

Однажды спросила у мамы, где мой отец — у других детей ведь были отцы. А она рассердилась и сказала, что не хочет об этом говорить.

Никогда. Я была совсем маленькой, но этот момент помню отчетливо: как брови мамы сошлись на переносице, как резко и жестко она ответила.

Поэтому об отце мы больше не говорили. Только когда появился эссерд Барт, я влюбилась в него без памяти.

— Доставка кофе.

— Ой!

Я подпрыгнула и чуть не выбила стаканчики из рук Рингисхарра. Вместе с подставкой. К счастью, реакция ир்தхана позволила ему спасти все разом: и кофе, и пакет с логотипом кафе «В кругу друзей» — кружочек с чашечкой внутри. В свете фонарей его волосы напоминали тончайшие медные нити, до которых даже дотронуться страшно — обожжешься. Судя по его взгляду, задумчиво-пристальному, он во мне тоже что-то углядел. Мы смотрели друг на друга и молчали, а между нами падал снег. Первым опомнился Марр, который ткнулся мне в ногу и потянулся носом к пакету. Я легонько дернула его за ошейник.

— Спокойно! Чудовище ты невоспитанное.

— Все в порядке. Это как раз для него.

— Для него?

— Да. Решил немного подсластить жизнь вечно голодающего виара. Вы не против?

Странное замешательство рухнуло, словно его и не было. Рингисхарр вручил мне подставку со стаканчиками, а сам опустился рядом с Марром и протянул ему руку.

— Привет, парень. Давай знакомиться.

Виар покосился на меня, и я отпустила ошейник. Уж больно забавно было смотреть, как местр общается с карликовым драконом. Марр потоптался на месте для вида, потом все-таки подошел и ткнулся носом в протянутую руку: согласен подружиться, значит. Глаза его стали еще больше, когда Рингисхарр раскрыл пакет — оттуда потянуло свежей выпечкой. Я даже порадовалась, что успела поесть, а то как-то странно смотрелась бы со стороны, выхватывая слойку из-под носа у Марра. Неизвестно почему запах выпечки неизменно сводит меня с ума.

— Бери.

Теперь Рингисхарр держал пакет двумя руками, а Марр вращал головой: то на меня посмотрит, то на него. Вот актеришка! Когда надо стащить еду с тарелки, совсем не стесняется. А когда местр ему булочки притащил — значит, надо разрешения спросить.

— Бери, чего уж там, — сказала, с трудом сдерживая смех.

Морда тут же исчезла в пакете, а спустя миг довольный виар уже снова

порхал над дорожками. Мы же молча шли, прокладывая цепочку двойных следов на аллее. По соседней прогуливалась пара с детьми, и хотя Марр даже не смотрел в их сторону, все равно стало не по себе. Поэтому я его подозвала, и теперь он вышагивал рядом с нами. Пофыркивая, выпуская из носа струйки дыма и всячески выражая возмущение такой строгостью. Правда, то и дело пытался сорваться вперед, но стоило мне его окликнуть, немедленно возвращался.

— А говорили, что невоспитанный, — укоризненно произнес Рингисхарр.

— Это он перед вами красуется.

Кофе оказался вкусный и крепкий, руки быстро согревались о пластиковый стаканчик. Особенно открытые пальцы, на которые я забыла накинуть верх от перчаток. Мне немного не хватало смягчающей камартовой сладости, но шапочка-пенка вполне искупала это упущение. Просто я сладкоежка, вот и все.

— С чего бы?

— Вы ему понравились.

И правда, всяко приятнее, когда тебя при знакомстве кормят булочками, а не командуют: «Сидеть!», так что лапки сами собой подворачиваются. И голова отключается.

— Леона, давайте договоримся?

— Мм?

— На «ты» и по имени. Иначе я чувствую себя слишком старым и важным.

Это он-то? Который с пеленок слышал обращение «местр Халлоран».

Местр...

Вот влипла!

— Но вам же не привыкать. — Я сделала вид, что ничего не подумала. — Или вы преследуете какие-то коварные цели?

— Вы меня раскрыли. — Рингисхарр развел руками. — Могу я позволить себе услышать, как звучит мое имя вашим волшебным голосом?

— Ну и как вам после такого отказать?

Иртхан развел руками.

— Договорились, Вэйлар.

Его имя было звучным и певучим. В отличие от рычаще-резкого «Рэйнар», но тот и не просил называть его по имени. Только явиться к нему и, наверное, ремень захватить с собой.

Халлоран, исчезни из моих мыслей!

Мимо прошли двое молодых людей, которых виар тоже

проигнорировал. Мирно топал рядом, изредка тяжело вздыхая, но я не собиралась его отпускать. Как назло, в парке стало больше народу, словно все сбежались посмотреть на нас с Рингисхарром. Хотя по большому счету никому даже в голову не пришло бы, что рядом со мной разгуливает иртехан-аристократ, который только что кормил моего виара с рук. Судя по тому, что Вэйлар оказался в числе приглашенных, семья у него очень известная. А судя по тому, что сидел с Гердехаром Аррингсханом, еще и приближенная к правящим. Интересно, откуда он?

— Тебе приходилось бывать в Зингсприде, Леона?

Вот, кажется, и ответ. На все разом.

— Пока нет, но очень хотелось бы.

На его молчаливый вопрос добавила:

— Там родилась Шайна Анж. Благодаря ей я начала петь.

— Зингспридская опера. — Вэйлар понимающе кивнул. — Так вот откуда ты знаешь арию Артомеллы.

Я улыбнулась.

— Отец любил оперу, — негромко произнес он.

Если любил, то...

— Они с местром Аррингсханом вечерами могли спорить об исполнителях. И так ни к чему и не прийти. Отцу больше нравилась старая школа, а Гердехар поклонник новой. Правда, тогда я был совсем маленьким и мало что понимал. А потом они перестали говорить о музыке.

После исчезновения Шайны.

— А вам... — Я осеклась, вспомнив о нашей договоренности. Просто ну очень сложно обращаться на «ты», когда речь заходит о таких важных людях. — Какая тебе нравится музыка, Вэйлар?

— Самая разная.

— Это значит никакая.

— Почему же? Это значит, что у меня очень разносторонние интересы.

— Ну... не сказала бы. Если меня спрашивают, кого я люблю, я могу точно ответить. Нельзя же любить всех сразу.

— Вот как. — Рингисхарр с трудом сдержал улыбку. — А если я скажу, что твой голос свел меня с ума?

— Это будет неприкрытая лесть.

Он рассмеялся, и вокруг глаз собралась тонкая сеточка морщин. Лицо его преобразилось, стало каким-то... более живым, что ли. Мы как раз обошли парк по внутреннему кругу и оказались перед выходом к дому. Марр пританцовывал от нетерпения — нагулялся и набегался вволю, теперь наглой животине хотелось завалиться на мою постель и поспать.

Хотя, может быть, сначала еще поесть. Чуть-чуть.

— Спасибо за прогулку, Леона.

Вэйлар поднес мою руку к губам.

— И за выступление. Ты права, к музыке я по большей части равнодушен. Но к твоему исполнению равнодушным остаться нельзя. Очень жаль, что завтра вечером меня уже не будет в Мэйстоне.

— Спасибо, — искренне ответила я. Немного помолчала и добавила: — За светлое настроение. Удачного телепорта, Вэйлар.

— А тебе удачного выступления. Могу ли я надеяться, что, когда ты соберешься в Зингсприд, вспомнишь обо мне?

— После кофе и булочек для виара? Такое невозможно забыть.

Он снова рассмеялся, и я невольно улыбнулась в ответ. Рингисхарр уступил меня раскрывшимся дверям лифта, помахала ему и нырнула внутрь.

Ну... вот и все.

Иртханы остались в прошлом. Точнее, останутся — сейчас благодарю Аррингсхана, и на этом все.

А завтра начнется моя самая обычная жизнь.

Телефон коротко пиликнул, я достала его, провела пальцем по дисплею и неверяще уставилась в сообщение. Которое гласило, что на мой счет только что была переведена кругленькая сумма.

ГЛАВА 13

Перевод оказался неубиваемым. И невозвратным. Я битый час донимала оператора банка, которому за терпение памятник нужно было воздвигнуть в центре Мэйстона. Вместе с ним мы выяснили, что отправить деньги назад нельзя, то есть никак. Разве что снять наличные и вернуть на указанные реквизиты с другого счета. Будь я понаивнее, решила бы, что это какая-то ошибка. Но нет, моя наивность скончалась в тяжких муках в день встречи с Халлораном. Я отказалась подписать контракт с гонораром — он сделал по-своему, причем увеличил сумму. Он всегда и все делал по-своему, наглое беспринципное драконище!

У-у-у, чтоб ему икалось три ночи подряд.

Наплевать ему на мою благодарность. Благодарность за жизнь существа, которое спит, положив голову тебе на колени и ест из твоих рук. И любит тебя просто так — не потому что ты какая-то особенная, просто потому что ты есть. И ты его любишь только за то, что он есть. Представить не можешь себе мир, когда садишься на диван, а рядом не крутится приставучий виар, раскрывающий цветочек на голове от первого прикосновения. Куда уж Халлорану такое понять!

В итоге, вместо того чтобы сходить на массаж к Лэм и немного поболтать с подругой, на следующий день я поехала в дежурный банк. Учитывая, что банки принадлежали другой семье, слабая надежда на благополучный исход у меня все-таки была. Наличные мы с оператором сняли. В мешок. Самым крупным номиналом пластика он все равно получился таким, что парень слегка взмок, пока дотащил его до рабочего места. Потом мы открыли новый счет и внесли всю сумму на него.

Сделали перевод, и я, довольная и счастливая, засобиралась домой.

Начиная с этой недели выступления у меня ночные, пораньше поет Зетта, так что еще успею немного отдохнуть и даже перекушу что-нибудь перед распевкой. Успела только куртку надеть, когда телефон дернулся, а вместе с ним дернулся и сотрудник банка.

— Эсса Ладэ...

— Что?

Обернулась, уже предчувствуя какую-то гадость.

— Деньги вернулись.

Ну конечно они вернулись. Они всегда возвращаются!

подавив желание бросить сумку на пол и от души на ней попрыгать,

нацепила на лицо очаровательную улыбку.

— По какой причине?

— Отказано в переводе.

— Можете выяснить почему?

Молодой человек вздохнул, попросил немного подождать и предложил кофе. От кофе я отказалась, а вот подождать — всегда пожалуйста. Хоть до вечера, если удастся решить проблему. Разглядывала высокие потолки банка, выполненные в фирменных голубом и белом цветах; волнообразный логотип, тоже белое с голубым, символизирующий поток денег; рекламу кредитов и вкладов, обещающих счастливое будущее для всей семьи. Народу в банке почти не было. Естественно, кому захочется бегать по делам в последний выходной. Только старушка донимала непробиваемую девушку по поводу того, что ей без предупреждения подключили к карточке дополнительную услугу, а в соседнем окне мужчина в потертой кожаной куртке расспрашивал про ставки по кредиту.

За окном тянулась бесконечная вереница флайсов — самое время для развлечений. Кто-то спешил в торговые центры, кто-то в кино или в Центральный парк. Я же постукивала пальцами по сумке. Когда уже стало казаться, что обслуживающего меня парня сожрал дракон, он все-таки вернулся. Поправил голубой в белую полоску галстук, и без того идеально затянутый, негромко произнес:

— Невозможно сделать перевод на указанные реквизиты от вашего имени, эсса Ладэ.

— То есть открывать новый счет было бесполезно?

Молодой человек посмотрел, как мне показалось, сочувственно.

— Боюсь, что да.

То ли скрежетнуло уставшее кресло, когда я поднялась, то ли мои зубы.

— Что ж, спасибо вам большое в любом случае.

— Не за что. Сожалею, что не сумел помочь. Вам на телефон придет сообщение с просьбой оценить мою работу. Стандартная процедура.

— Да-да, я знаю.

Постояла немного в холле, разглядывая счастливое семейство, отправляющееся в Зингсприд по кредиту с «самыми низкими процентами в Мэйстоне». Вдоль бирюзовой глади растянулась линия пляжа... Зонтики и лежаки... В похожее место, наверное, отправились герои романа «Мир без тебя», когда у них только-только начинались отношения. Правда, в том мире таких пляжей были бесчисленное множество и отдых на них вовсе не считался уделом аристократов. Ну, если только элитные курорты, описание

которых напоминало то, что я читала про зингспридское побережье.

Странно, я никогда не горела желанием валяться на солнце и нырять в соленую воду — мне вполне хватало бассейна, а солярии так вообще терпеть не могла. Но сейчас почти ощутила на губах соленые капли и скользящие по коже лучи. Настоящие, не подделка ультрафиолетовых ламп. На ту сумму, что перевел Халлоран, я могла забронировать самый лучший отель и на пару месяцев забыть о том, что мне вообще нужно где-то выступить.

А ведь он прекрасно понимает, куда и на что нажать.

Вот... драконище!

Покрутив в руках карточку, вернулась к молодому человеку, который с сосредоточенным видом уставился в компьютер.

— Простите, можно попросить у вас мешок?

— Мешок?

— Да, я хочу снова снять наличные.

— Но такая сумма наличными...

— В мою сумочку не поместится. Поэтому я прошу у вас мешок.

Осознав, что в случае со мной лучше сразу выдать желаемое, тот спорить не стал. И даже помог мне дотащить его до флайса, водрузив на заднее сиденье.

Адрес, говорите? Ремень, говорите? Деньги, говорите?

Ну ладно, местр Халлоран! Вы сами напросились.

Водитель странно на меня косился, но, услышав адрес, сразу изменился в лице. Драконище неплохо устроилось в одном из самых дорогих районов Мэйстона, на Втором острове. В отличие от делового центра, приближенного к материку, этот состоял из жилых высоток, наштигованных шикарными квартирами, дорогущих кафе, ресторанов и бутиков. Странно, что за воздух денег не просили. Несмотря на удаленность от основных аэромагистралей, промзон, волновых вышек и прочих прелестей, его регулярно очищали с помощью новомодных систем фильтров. Что в общем-то неплохо конечно же, но сейчас меня волновала не экология.

Домик Халлорана, ну или высотка, в которой ему принадлежала одна из квартир, выступал вперед подобно дракону, поднимающемуся из глубин океана. Стальная громадина, возвышающаяся над остальными — ну кто бы сомневался! — с рядами балконов, на каждом из которых можно было небольшой стадион устроить. Выстроившиеся вдоль фасадов, они играли солнечными лучами в стеклах, из-за чего хотелось зажмуриться. Вместо этого я расплатилась с водителем, вцепилась в мешок и поволокла его к

лифтам.

Приложила штрих-код документа к панели. Если мне сейчас выдаст недопуск, оставлю мешок прямо здесь, пусть сам забирает. Но нет, видимо, выданный адрес прилагался в комплекте с доступом к иртыхамской особи: на мои данные система отреагировала доброжелательно. Меня пригласили пройти к четвертому лифту, у которого кнопка вызова загорелась оранжевым. Камер здесь было натекано, как на стадионе, и я подавила желание накинуть капюшон так, чтобы только нос торчал. Несмотря на высоту и масштабы, квартир здесь, судя по всему, немного. Мне же нужны были апартаменты 51 А.

Лифт сообщил, что отвезет меня на его двадцатый этаж, а я в последний момент заметила, что угол мешка застрял в дверях и дернула его на себя. Чудом не опрокинувшись на спину и не разметав драконье богатство по элитной кабине, столкнулась лицом к лицу с мыслями. Их было много: например, что я буду делать, если иртыхана нет дома или если его заявление про «не отпускаю» нужно воспринимать дословно. Ладно, предположим, что в первом случае мешок можно просто оставить под дверью, как и собиралась. А вот во втором?.. Не хотелось мне как-то проверять, насколько еще хватит моей выдержки. Даже желание сказать все, что думаю, немного поутихло. Я сдула упавшую на лицо прядь и вздернула нос.

Силой он меня не станет удерживать.

А если станет?

Что-то мне подсказывало, что этот и не такое может.

Время на размышления кончилось, когда двери раскрылись, выпуская в просторный, залитый светом холл. От обилия плитки и темно-красного с кремовым в интерьере зарябило в глазах. Особенно от панно с психоделическими волнами — их бы на приеме у психиатра показывать. Осмотревшись, я заметила две ниши, образовавшиеся из-за массивных выступов, которые архитектор, видимо, придумал для красоты. Из-за расположения светильников ниши были затемнены, и, если в одной из них спрятаться... Возможно, я и не увижу лица Халлорана, что, безусловно, обидно, зато услышу, как он ругается страшными словами.

И, может быть, даже запишу это на телефон! Буду слушать бессонными ночами и согревать душу в грядущие холода.

Да и спокойнее как-то, если вспомнить, чем закончилась встреча в его кабинете.

Ладненько...

Главное ведь не высказать ему все, а деньги вернуть. Ну ладно, и

высказать тоже, но чем-то всегда приходится поступиться. План был таков: включить телефон, позвонить в дверь и быстро спрятаться. Учитывая размер здешних квартир, пока он дойдет, я смогу еще пару раз скататься на лифте туда и обратно. Может, даже вздремнуть. Так что...

Подпинала мешок поближе к двери, развернула горловину красивым цветком, а потом все пошло не по плану.

Во-первых, я сначала позвонила и только потом вспомнила, что забыла включить запись на телефоне. Во-вторых, ручка двери повернулась мгновенно.

Учитывая, с какой скоростью я метнулась к нише, удивительно, что сердце не вылетело через горло и я его не проглотила. Влетев в задумку архитектора, как мяч для гратхэнда в сетку, услышала, как открылась дверь, и запечатала рот руками. У-ужас, я рядом с этим драконищем столько нервных клеток оставила, что никакой компенсацией не спасется.

Какое-то время в холле царила тишина, после чего негромкое шуршание мешка и звук закрывшейся двери поставили точку в моей боевой вылазке. Что, и все? Он даже ничего не сказал! Телефон у меня выключен, конечно, но какая разница, я бы и так послушала. А уж его лицо в красках могу представить сама: сведенные брови, горящие в створках прищура глаза — неизменные спутники образа мастера Халлорана Недовольного.

Все, хватит об иртханах.

Деньги я вернула, теперь можно спокойно вернуть себя домой.

Вышла из убежища и замерла на полушаге. Почувствуй себя героем мультлика, называется.

Еще до того, как я повернула голову, знала, что там увижу сведенные брови и прищур. Из горла вырвался странный звук, похожий на первые слова маленького Марра: «Ви-и-и», — тоненький, еле слышный, после чего я рванула к лифтам. Кнопку нажала, а потом меня сгребли в охапку и рывком — так, что бесценный очищенный воздух перестал поступать в мои плебейские легкие. Дверь захлопнулась, но уже с обратной стороны, и я очутилась в пещере. То есть в пентхаусе Халлорана. Лицом к лицу с ним.

И еще, кажется...

Я одной ногой стояла в мешке с деньгами.

Развернулась с достойной прытью, чуть не рассыпав богатство по полу. Дернула ручку двери, но она оказалась заблокирована. Отбиваться было нечем, поэтому я поплотнее перехватила собственную сумку.

— Немедленно выпустите меня!

— И не подумай. Вы же сами ко мне пришли. Помните?

— Я пришла не к вам! Я пришла вернуть ваши...

— Это не отменяет того, что вы ко мне пришли.

Голос его еще только набирал силу, а точнее — наоборот, опускался до таких низин, что я почувствовала себя словно в толще воды или высоко в горах. Там, где кончается дыхание и начинается чистый адреналин. Где сердце бьется на пределе. И тут до меня дошло: Халлоран знал, что я захочу вернуть деньги, но не смогу, а значит, привезу их сама! Вот...

— Вы все это подстроили! — Я выставила сумку перед собой, как последний щит.

— Лучше бы вы принесли ремень, — холодно заявил он, перешагнув через мешок с деньгами. — Впрочем, у меня есть еще.

Я на миг даже лишилась дара речи.

— Зачем?

— Чтобы объяснить вам, что не стоит так часто играть с огнем.

— А... — Голос мой внезапно стал хриплым, поэтому я решила помолчать.

— Раздевайтесь.

— Что-о-о?

— Раздевайтесь, говорю. — Халлоран смотрел на меня в упор. — Не будете же вы ходить по моей квартире в шарфике.

— Я вообще не собиралась ходить по вашей квартире.

Что-то в его глазах подсказало, что, будь на мне только шарфик, он бы на это посмотрел. И что дальше препираться опасно для жизни. Сумка очутилась на многоуровневой подставке — пустынной, как в музее. Проверить, стилизация это под дерево или настоящее дерево, я не успела: вжикнула молния, иртыхан вытряхнул меня из одежды на удивление легко и шустро. Водрузил куртку на плечики и указал в сторону гостиной.

Если холл представлял собой сталь и свет, то есть белое с серебром, то в гостиной преобладало белое и черное. Из панорамных окон, полукругом опоясывающих комнату, с одной стороны открывался вид на город, с другой — на Гельерский залив. Из-за пронзительного солнечного света гостиная казалась еще больше, чем была. Уводящая на второй этаж лестница представляла собой неширокую полосу ступенек и вскинутые по обе стороны стальные брови перил. Сразу за ней расположились стеллажи с... книгами. С настоящими книгами, которых я в жизни не видела. Вот так, вживую! И дверь — по всей видимости, в рабочий кабинет. Пожалуй, две дуги и окна были единственными сглаживающими обстановку округлостями, все остальное — сплошные прямые углы и резкие переходы.

— Проходите, эсса Ладэ.

— Вы играете нечестно.

— Честность не всегда достойна восхваления.

— Ну разумеется!

— Разумеется. Чем вам так не угодили деньги? — Халлоран сложил руки на груди.

— Вы прекрасно знаете чем! Я пела для вас, чтобы отблагодарить за спасение Марра.

— Особенно последнюю арию, я полагаю.

— Так это маленькая месть за своеволие?

Иртехан хмыкнул, а я тоже сложила руки на груди.

— Что это за подозрительный хмык?

— Ничего себе маленькая.

Я покраснела.

— Я вообще ничего не просила! Но вам не понять, что для меня важно было спеть для вас просто так.

— Почему же, вы мне это наглядно объяснили в день нашей первой встречи.

Нет, он еще и издевается! Я даже ногу придержала, чтобы не топнуть от возмущения.

— Судя по всему, до вас тяжело доходит.

— Не заговаривайтесь, эсса Ладэ. — В голос его снова ворвались стальные нотки. — Здесь за стеной нет моих секретарей.

— Можно подумать, секретари вас остановят, — пробормотала я, на всякий случай отступая к дивану.

— Что вы сказали?

— Что слышали! Ай!

Для начала в джинсы что-то ткнулось, а потом меня ощутимо тяпнули за ногу. Что?.. Тяпнули?

Обернувшись, увидела крайне недовольную морду, с которой на меня взирали пронзительно-голубые глаза. Укоризненно так — чего приперлась, да еще спать мешаешь? В океане белого цвета я не заметила спящую на низком угловом диване... снежную виари. В том, что это девочка, сомнений не было. Во-первых, она значительно меньше любого виара. Во-вторых, у нее не было гребешка, а шерстка гораздо длиннее и гуще. Собственно, из-за белой, с едва заметным в лучах солнца голубоватым отливом, шерсти я ее и не углядела сразу. Даже поблескивающие серебристые чешуйки были укрыты драконьим пухом. Но ведь у нас такие не водятся, она...

— Подарок ферна Норгхара, — сообщил Халлоран, заметив мое пристальное внимание. — Эрри привезли прямиком из Ферверна.

Он почесал виари за ухом, и на голове той расцвел пушистый цветочек.

— Эрри?

— Эрристарна Менгар Лоргхен Третья. Так написано в родословной.

Обалдеть. Родители у нее, должно быть, призеры в стопятидесятом поколении. Ну или около того. Эрристарна Менгар Лоргхен Третья, похоже, по этому поводу не испытывала вообще никаких чувств. Потому что зевнула она во всю пасть точно так же, как найденный на улицах Мэйстона Марр. Потянулась и снова свернулась клубком, выказывая всему миру, а особенно мне, нашу примерную значимость в ее понимании.

— Почему вы не сказали, что у вас есть виари?

— Мы с вами постоянно сворачивали с темы.

Когда он улыбался — так, как сейчас, и зелень его глаз казалась напоенной солнцем, насыщенной как листва, Халлоран воспринимался совсем нестрашным. Больше того, мне вдруг захотелось потянуться к нему, привстать на цыпочки и коснуться губами губ. Просто чтобы проверить, вернется ли это странное огненное притяжение, которое набирало силу, как пожар во время налета, и чуть не спалило меня в ночь выступления.

— Пойдемте обедать. — Он подал руку. — Набегались, наверное, пока пытались сделать перевод.

— Зачем вы все время все портите?

— А почему вы не можете просто принять мою благодарность?

От такого заявления я даже руку его приняла, позабыв обо всем, что собиралась ему сказать. Воспользовавшись замешательством, Халлоран увлек меня в сторону кухни.

— Благодарность за что?

— За то, как вы пели для моей матери.

— Шутите? Да вы меня придушить были готовы.

— И сейчас готов. Вам действительно стоило бы устроить встречу с ремнем.

— Вы немного противоречите себе или я что-то путаю?

Просторная кухня находилась на теневой стороне, из-за этого здесь было немного прохладнее.

— Я все объяснил у вас дома.

Попыталась вспомнить, что именно он мне объяснил, но в голову ничего особо не приходило.

— Не уверена, что в ту ночь я была в состоянии слушать, мистр Халлоран.

— Разумеется, не были. Вас сжигала собственная сила.

Собственная... что?

Я чуть не споткнулась о ножку барного стула, потому что уставилась на иртхана. Но он оставался невозмутим.

— Вы сказали, что я спровоцировала всплеск силы.

Это я помнила точно. Так же как наши огненные объятия.

— Да. — Халлоран отодвинул стул, приглашая меня сесть за прямоугольный стеклянный стол, в котором отражались высоченные потолки и два висячих светильника, напоминающие скопление астероидов вокруг разгорающихся звезд — особенно сейчас, когда солнце играло в гранях. Они располагались настолько низко, что при желании их можно было потрогать.

— Но вы ни слова не сказали, что это была моя сила.

— Я ни слова не сказал, что она была не ваша.

Ну-с... прителепортанулись.

Наверное, когда тебе сообщают такую новость, положено прыгать до потолка, гнусно ругаться или вообще как-то обозначить свое отношение к происходящему, но я просто таращилась на стоявшее рядом драконище.

— Это значит... я там... то есть...

Понимая, что сформулировать что-то с первого раза не получится, замолчала.

— Леона, в вас течет кровь иртханов. — Халлоран открыл духовку, и по комнате потянулся аромат запеченного с овощами мяса.

— И давно вы об этом знаете?

Раздался еле слышный щелчок, и по рукам потянуло прохладой: включилась автоматическая вытяжка.

— Предположил, когда вы рассказали про Марра.

В другой раз я бы удивилась раскладывающему на тарелки еду Халлорану. Халлорану, который достал бокалы и сам открыл бутылку вина, сам наполнил бокалы и протянул мне салфетку, которую я неосознанно расстелила на колене. В моем представлении вокруг него должны были разгуливать полуголые официантки с опахалами, в крайнем случае домработница. Которая накрывает на стол и исчезает так же незаметно, как появляется, сливаясь со стенами и шкафами, чтобы не нарушать идиллию. Но сейчас мне и так было чему удивляться.

До переезда мама работала горничной в отеле, в элитном отеле Раграна. Отец вполне мог быть одним из постояльцев или... не знаю, кем-то из гостей на деловой конференции. Как местным, так и приезжим. Был ли это короткий роман или же вообще мимолетный, ничего не значащий секс? Но о светлых, да и о ничего не значащих моментах так не

вспоминают. Хорошо, если мама хотела того, что между ними произошло, а если...

Меня передернуло. Я отчетливо поняла, что чувствует Танни.

Не хочу ничего знать о своем отце. Ни-че-го.

Пристальным взглядом Халлорана меня пригвоздило к спинке стула. Пошевелиться не получалось и дышать тоже. Взглядом или осознанием? Так вот зачем он возил меня к драконам. Вот зачем перед выступлением меня допрашивал Норгхар. Что, если они уже знают? Знают, кем был мой отец? Хотя почему был. Иртханы за счет магии очень долго живут, да и стареют медленнее людей.

Мне снова захотелось что-нибудь разбить. Или водички.

— Можно мне воды? — поинтересовалась, оглядывая идеальную кухню.

Ореховые тона, точечные светильники, шкафы: в отличие от гостиной и холла здесь было царство стекла и металла. За исключением разве что полов, я буквально чувствовала исходящее от них тепло. Передо мной поставили графин с водой и высокий стакан, но я на них едва посмотрела.

— Леона, я не знаю, кто он.

В его голосе отчетливо слышалось «пока». Каким-то чудом Халлоран снова влез в мою голову.

— Я не хочу знать. Слышите?

Посмотрела в прозрачный стол, и отражение моргнуло.

— Так что на самом деле произошло на выступлении?

Спросила, чтобы отвлечься. В голове и так творилось что-то похлеще налета: джумбийские танцы в перевернутой комнате, объятый огнем.

— Вы играли голосом. Сами того не понимая, спровоцировали всплеск магии — своей и присутствующих, из-за раскрытия полной силы.

— Полной?

— У вас сильная кровь. Вы не сгорели только потому, что я забрал часть силы, завершил выброс.

Замечательно! Теперь все яснее ясного. В частности, почему первую часть выступления я пережила спокойно, хотя тоже чувствовала вихри магии. Странно, что раньше об этом не задумалась: если бы восхищение иртханов так действовало на людей, на все выступления перед правящими нужно было бы вызывать бригаду парамедиков. Сомневаюсь, что Халлоран хотел, чтобы меня так приложило. А его братец... зачем он все это провернул? Тоже что-то заподозрил и решил проверить, на что я способна?

— То есть все, кто там был, тоже в курсе моего... происхождения?

Иртхан кивнул.

— Ешьте, пока не остыло.

Сам ты ешь. Мне еще только подавиться осталось.

— Ешьте, Леона! — Он слегка понизил голос, и рука сама собой потянулась к вилке.

— Не рычите на меня!

— Я еще даже не начинал.

Сдвинутые брови и холодок по спине.

Я упрямо отодвинула тарелку. Несмотря на то что жаркое пахло до одури аппетитно, а вино играло в бокале искрами бликов, есть не хотелось. А то еще вилка с ножом вырвутся из рук или верну первый же кусочек в мир вместе с соусом. Нет, в общем-то все здорово. Толпа ир்தханов узнала о том, кто я такая, раньше меня. Да что там, даже Марр узнал об этом раньше меня. Признал во мне полуир்தханессу практически с пеленок, когда у него еще крылышки не расправились. А главное, я бы жила себе спокойно и ни о чем таком не догадывалась, если бы Халлорана случайно не занесло в Ландстор-холл.

У-и-и-и...

Остановите карусель, пока я не вылетела из кабинки. У меня что-то не то с ремнем безопасности.

Дотянулась до бокала с вином и под ободряющим взглядом ир்தхана залпом выпила половину. Только потом вспомнила, что у меня сегодня выступление, и вернула на место.

Выступление...

Неожиданная догадка обожгла, стало нечем дышать.

— Я что, не смогу петь? — Голос сел, как от сильнейшей простуды, поэтому следующие слова вытолкнула через силу: — Я имею в виду... никогда не смогу петь в опере?

— Сможете, разумеется. — Халлоран подался вперед. — Леона, вы хотите, чтобы я вас накормил?

Этого я точно не хотела, поэтому схватилась за вилку с ножом с удивительным проворством. Но даже сейчас, после его слов, мне все равно чудился какой-то подвох. Возможно, дело было в том, как он на меня смотрел — прищурившись, как расслабленный хищник. Или в том, что от его близости все волоски напоминали токопроводящие жилки под напряжением, а кожу начинало покалывать.

— Но вы сказали, что я спровоцировала всплеск.

Еда оказалась вкусной, надо бы об этом сказать.

— Этого больше не случится. Если научитесь контролировать силу.

— А учить меня...

— Буду я.

Ну вот и подвох. Что ж, наверное, надо с этим смириться как с неизбежностью.

— Когда? — поинтересовалась скорее к сведению.

— Будни у меня загружены, но на следующие выходные я весь ваш.

Ну ладно. Не так уж это и страшно.

— Вам тоже нужны будут два полностью свободных дня.

— Полностью?! — взвыла я.

— А чего вы хотели?

— Но ведь я пою по ночам! А в выходные больше всего посетителей.

— Вряд ли вы будете в состоянии петь после первых занятий.

Я все-таки подавилась и закашлялась.

— Выбирайте, чего вы хотите больше — продолжать петь сейчас или расти.

Представила, что скажет Эвель, и поморщилась. Хорошо хоть у нас с ней нет постоянного контракта, а то никто бы меня никуда не отпустил. Без неустойки. Но даже отсутствие контракта не гарантирует приятного разговора. Да и потом, мне по-прежнему нужно откладывать деньги на учебу Танни.

— Ваша мечта об опере все еще жива, Леона?

Я вернула ему холодный взгляд.

— Вы не можете так ставить вопрос.

— Могу и ставлю. Ландстор-холл — ваше прошлое. На что вы готовы ради будущего?

У-у-у... диктатор!

— Ландстор-холл — мое настоящее. И подставлять коллег я не имею права.

— Я и не прошу вас никого подставлять. Неделя — достаточный срок, чтобы найти вам замену на две ночи. Я могу решить этот вопрос одним звонком.

— Нет! — яростно вскинулась я.

— Тогда разбирайтесь сами. — Он поднял бокал. — За встречу?

Вино было терпким и пьяным, выдержанным. Ягодный вкус теплом растекался по телу, согревая. И уже не хотелось думать, что мне предстоит разговор с начальством и занятия с ирллангом. При мысли о них в груди разгорался пожар, а отвести взгляд от его пальцев — красивых, длинных и сильных — было сложно. Даже в том, как он держал бокал, тоже было нечто завораживающее: легко, и в то же время достаточно одного движения, чтобы хрусталь разлетелся крошкой. Ломать Халлоран умеет, в

этом я уже убедилась. Вот только сейчас мне хотелось почувствовать, каково это — невесомое прикосновение его ласки. Бывает ли оно вообще невесомым или всегда идет волной, сокрушающей все и вся?

— Снова обвиняете меня во всех грехах, Леона?

— И да, и нет, — я указала на него вилкой, — умеете вы прогнать под себя обстоятельства.

— Позвольте принять это как комплимент. Вы по собственной воле чуть было не устроили ритуальное самосожжение.

— Но я же не знала! И если бы вы сказали мне заранее...

— В случае с вами, Леона, вообще сложно что-то предсказать. Гораздо спокойнее и проще связать и положить на большую кровать с защитным полем.

— Интересные у вас фантазии. И кляп вставить для верности? — хмыкнула я.

— Это вы сами предложили.

Он смотрел мне в глаза, не отрываясь. От одного лишь взгляда по телу бежали волны будоражащего тепла. Собирались в кончиках пальцев, которые как магнитом тянуло к нему — коснуться подбородка, повторяя его резкий контур.

— Сами готовили? — невольно облизнула губы.

Халлоран усмехнулся.

— Для этого у меня есть домработница.

— Сливающаяся со стенами?

— Очень видная женщина. Надо будет вас с ней познакомить.

— Зачем это?

— Эсстерда Карингэм тоже очень принципиальная. Однажды я перевел ей премию ко дню рождения, так она прибежала на следующий день. Выяснить, в чем дело.

— Теперь будете мне это припоминать?

— Не буду. Тем более что деньги вы все равно возьмете.

— И не подумаю!

— Возьмете, иначе я не возьмусь вас учить.

Я судорожно втянула воздух. Нет, его ничем не проймешь!

— А знаете что? Я, пожалуй, пойду. Спасибо за обед.

Решительно спрыгнула со стула, и огненные брызги напряженного, звящего тишиной притяжения расплескались по просторной комнате. Успела миновать коридор — светлый, упирающийся в панорамные окна, перетекающий в гостиную, и... оказалась буквально распластанной вдоль широкой полосы перил сильным телом Халлорана.

— Ничему вас жизнь не учит, эсса Ладэ. — Низкий бархатный голос напоминал еле слышное рычание, от которого мутился разум. Обволакивающий, лишающий воли. — Еще ни разу от меня не убежали. Но так упорно продолжаете убежать.

Каждая частичка меня откликнулась на его власть. Откровенная и бессовестная картина, в которой я сама подаюсь назад, позволяю его рукам скользнуть под свитер, а после — по покрывшемуся мурашками животу и ниже, заставила содрогнуться. Горьковато-терпкое, как его запах, огненное, как дыхание дракона, желание прокатилось от низа живота по всему телу.

— Не смейте использовать на мне свою магию, я вам не драконишка какая-нибудь!

— Вы не драконишка. — Шепот прошелся по телу жаркой волной, заставляя все волоски на коже встать дыбом. — Вы самая настоящая драконица. Непредсказуемая и опасная. Непокорная.

Меня развернули лицом к себе — так резко, что опомниться не успела. С заведенными за спиной руками, прикованными стальными наручниками пальцев к перилам, вжатая в металл его сильным телом. Халлоран оказался так близко, что отшатнуться не было ни малейшей возможности. Скользнул губами по губам, выбивая из груди остатки воздуха... горячего, как сверхновая. Глаза его полыхнули, и я подалась навстречу. Стирая последнюю преграду между нами, падая в жесткий поцелуй, как в пропасть.

Дыхания не стало, не стало меня, его хриплое рычание перетекло в меня, а мой сдавленный крик в него. Наши языки переплелись, мы переплелись прямо в одежде, и мир вокруг горел вместе с нами. Халлоран меня больше не удерживал, но это было бы лишним: я вжималась в него — бедрами в бедра, телом в тело. Запустила пальцы в темные волосы, чувствовала его пальцы, стягивающие мои волосы в узел. Грубая ласка, подчиняющая. Обжигающая ладонь скользнула по шее, заставив вздрогнуть. Контраст нежности и силы отзывался в каждой клеточке. Я судорожно вздохнула и оказалась на дне его глаз.

Несмотря на яркий солнечный свет, горели они, как в ночи.

Алое пламя, которое невозможно забыть. Вытянувшийся зрачок. Жесткие пальцы на подбородке и прикосновения к губам — порочные, раскрывающие: собственнический жест. Жест победителя.

— Как же приятно будет сделать тебя своей... — Мгновение, в которое я почти не дышала, рокошующие перебивы голоса. — Леона.

От того, как он произнес мое имя, внутри полыхнуло солнце. Солнце беспощадное, всепоглощающее. Жаркое.

Это и отрезвило.

— Нет!

Собрала остатки самообладания, уперлась ладонями ему в грудь.

— Не хочу... так! Меня колотит от одного вашего присутствия, когда я вас вижу... — Я задышалась, потому что воздуха не хватало. — Когда вы ко мне прикасаетесь... У меня перед глазами все плывет, потому что вы... Вы играете со мной, вы с самого начала играли своим голосом, своей магией!

Он отстранился резко, рывком, словно часть меня забрал.

— Магией? — Руки его легли на ремень и сжались с такой силой, словно он боролся с желанием ударить. — Магией, говоришь?

Я взвизгнула, отпрянула, но меня перехватили за талию. Наугад ткнула пяткой, угодила куда-то в иртыхан, после чего его руки сомкнулись так, что пошевелиться не было никакой возможности. Халлоран перекинул меня через плечо, как охотник полупридушенного виара, и поволок наверх. Я брыкалась, колотила его по спине, но добилась только того, что меня плотнее прижали к себе и скомандовали:

— Замри.

Спокойно и легко.

Ни намек на рычание или приказ, но в голову словно плеснули ледяной воды или мгновенной заморозки. Сознание попятилось, как признающий жожака набл, уступило место безволию. Тело стало тяжелым, руки свободно повисли вдоль напряженной спины Халлорана. И я вслед за ними. Сердце равнодушно отстукивало шаги: первый-второй, первый-второй, первый-второй.

Второй этаж представлял собой просторный коридор. Холодная плитка на полу и высокие стеклянные ограждения с деревянными перилами. Первая же дверь привела нас в спальню, огромную и просторную. Меня швырнули на кровать, на которую я приземлилась кубарем, как новорожденный виар, выкатившийся из яйца. Давление чужой воли не возрастало, но и не ослабевало, не накатывало волнами, но неизменно держало прочнее всяких цепей. Внутри меня все сжималось от ужаса: я понимала, что и рта не могу раскрыть. Не могу закричать, не могу позвать на помощь, не могу попросить его прекратить.

— Снимай джинсы.

Мои руки творили все без моего ведома: сами потянулись к молнии, сами спустили брюки на пол, и выпуталась я из них так же покорно, как если бы просто раздевалась перед сном. Но я раздевалась перед Халлораном, не в силах отвести расширенных глаз от его, вмиг потемневших до ледниковых провалов. Все мое существо противилось

тому, что происходит, но я этому противиться не могла.

— Подойди.

Я подошла. Джинсы остались за спиной, внутренняя ехидна задрала вверх большой палец: хороша же я, наверное, в свитере, трусиках и носочках.

— Расстегни ремень, вытащи и отдай мне.

Как во сне я наблюдала за тем, что творят мои пальцы. Касаются холодной пряжки, вытягивают кожаную ленту из петель, а потом сворачивают вдвое и протягивают ему. На мгновение в темно-зеленых глазах сверкнул огонек: яростный, злой, который тут же поглотила бездна льда. Напряглась, когда свернутая петля коснулась подбородка, заставляя поднять голову.

— Ну как? — жестко спросил он. — Похоже на то, что ты чувствовала раньше?

«Нет! — захотелось завопить мне. — Нет, нет, нет, не похоже! Отпустите меня!»

Но я могла только стоять и смотреть на него.

— Да будет вам известно, эсса Ладэ, подчиняющая магия голоса... — От каждого слова что-то внутри сжималось. — Работает именно так.

Это действительно ничем не напоминало то, что я чувствовала раньше. Никогда в жизни я не испытывала такого: подчинение чужой воле, отстраненность, сосредоточенность на последнем слове и ожидание нового приказа. Даже в ту ночь, когда он приказал мне замереть... перед тем, как забрать силу, нет это не было безволием. Я следовала за ним, но сама хотела того. Безволие — это полная пустота, покорность и желание идти за голосом, который эхом звучит в ушах. То нарастая, то затихая. Но ведь я и правда думала, что...

— А теперь ложись на кровать. На живот.

Развернулась и направилась к кровати. Огромной, застеленной плотным кремовым покрывалом, с перекинутой поверх темно-коричневой дорожкой. Перед глазами все плыло: то ли от осознания того, что должно случиться, то ли от чувства, что я сама себя загнала в эту ловушку. Сердце билось о ребра с отчаянной силой, а когда лента ремня коснулась моих ягодич в скользящей будоражающей ласке, пропустило удар.

Если я пошевелиться не могла, то мысли, наоборот, устроили пляски.

Он же меня сейчас выпорет... чтоб его, меня же в жизни никто не порол. Мама ни разу не ударила, а отчим единственный раз отшлепал, и то не больно. Но я за это на него две недели дулась. А этого... этого... вообще никогда не прощу!

Щеки полыхали от унижения.

— Урок первый, эсса Ладэ, — в голосе его с шипением плавилась сталь, — мне не нужно использовать магию, чтобы заставить женщину себя хотеть.

Да вы что?! Еще и второй будет?

Ремень продолжал поглаживать мои ягодицы, выписывая узоры то на них, то на внутренней стороне бедер. Лежать неподвижно становилось все тяжелее: страх смешивался с возбуждением, от которого кружилась голова и пересыхало во рту. Заставляя готовиться к боли удара как к чему-то неизбежному и желать Халлорану упасть на иглорыцку^[7] причинным местом.

— Ничего не хочешь сказать?

Я поняла, что и впрямь могу говорить: язык больше не напоминал бесполезный придаток, вшитый в мой рот за ненадобностью.

— Драконище драное! — прошипела я. — А ну отпусти меня неме...

Свист ремня заставил сжаться, готовясь к обжигающей боли. Кожаная лента впаялась в покрывало рядом со мной с таким хлестким звуком, что внутри от сердечного приступа насмерть умерла одна Леона. А сама я почувствовала, что сейчас хлопнусь в обморок. Благо хоть падать будет недалеко, уже лежу, и все такое. Во мне дрожало все, от кончиков волос до поджилков, уж не знаю, где они там находятся. Даже пятки подергивались... Что?

— Урок второй. Я не бью женщин. И я уже с минуту тебя не держу.

На сей раз голос его сочился насмешкой, я же взвилась на кровати и принялась швырять в него все, что попадет под руку: подушку в атласной наволочке — на тебе! Вторая, третья, четвертая! Халлоран уворачивался с таким непробиваемым лицом, словно в Совете готовился выступать. При этом еще и ремень сматывал вокруг пальцев. У, скотина! Бессердечное драконище, изувер, чтоб тебе никогда больше ни одна женщина не дала! На тумбочках не нашлось ничего подходящего, а столик с пепельницей и длинный диван располагались слишком далеко, чтобы до них бежать. Точнее, бежать до них надо было через Халлорана, поэтому я замерла, тяжело дыша и мысленно посылая ему лучи презрения.

Судя по монолитной физиономии, они не доходили.

— Запомни на будущее: ни одна магия в мире не способна вызвать желание близости.

Он с силой отшвырнул ремень в сторону, пряжка жалобно звякнула о стену. Прищуренные глаза яростно сверкнули, обожгли похлеще, чем мог бы тот же отвергнутый ремень.

— Ну да, — хмыкнула я, сполна возвращая его яд. — На это способен самый обыкновенный афродизиак.

— Не путай желание близости с инстинктом размножения.

Взгляд его снова заледенел, ир்தхан отошел к окну. Устроился на диване, закинув руку на спинку и глядя куда-то в стену. Меня же затрясло с удвоенной силой — затрясло так, что зуб на зуб не попадал, глаза защипало. Ну уж нет! Рыдать перед ним я не стану и вообще не стану. Не дождется.

— Как у вас все потрясающе четко и по полочкам!

— Так проще жить.

— Проще жить, когда умеешь чувствовать!

Я мстительно наступила на подушку и подхватила лежавшие на ковре джинсы. В штанину попала не с первого раза, но все-таки попала. Руки все еще чесались как следует поцарапать одну слишком самоуверенную физиономию, поэтому пришлось отвлекаться на вид из окна. Гельера во всей красе: залитая солнцем, уходящая вдаль, без преграды гор. Бесконечная гладь воды, безветрие и отражение холодной каймы облаков. Пальцы соскальзывали с молнии, но с горем пополам я все-таки застегнула джинсы и направилась к двери.

Сейчас главное выйти из этой квартиры, а после... после я придумаю, что сделать, чтобы заставить Халлорана сполна испытать то, что сегодня испытала я.

— Эсса Ладэ. Жду вас в выходные, в первой половине дня. Не опаздывайте.

— А не то что? — Я обернулась и уперла руки в бока. — Не станете со мной заниматься?

Взглядом ир்தхана можно было заставить покрыться льдом Лаувайс — от башни до подножия.

— Это в ваших же интересах.

— Не меньше, чем в ваших. — Мило улыбнулась и отвела руки за спину, чтобы не расколошматить что-нибудь еще. — И как же вы будете объяснять остальным высокородным, что оставили меня с такой убойной силой наедине? Что я могу спалить кого-нибудь на выступлении — да хотя бы себя! — и создать ма-а-аленькую такую проблемку. Они ведь крайне встревожены по этому поводу, как я понимаю. Иначе бы вы не взяли меня учить.

— Вы говорите о том, о чем не имеете ни малейшего представления.

— Ну так вы меня просветите на теоретических занятиях. Или у нас будет практика? Кстати, за опоздание и ошибки положены наказания в том

же стиле?

Халлоран поднялся и шагнул ко мне, нависая сверху. Привычно прищурился.

— Все еще не поняли, что играть со мной опасно?

— Все еще не поняли, что я не играю?

Подняла валявшийся у двери ремень и, хотя внутри меня все сжалось, сунула в иртхамские руки. Со своими страхами надо бороться!

— У вас кое-что из брюк выпало, местр Халлоран.

Вот. Даже не отскочила в сторону.

Развернулась, чтобы уйти, когда в спину мне ударило:

— Не забудьте свой мешок.

— Свой мешок можете оставить себе на карманные расходы. А если назначите мне в преподаватели кого-нибудь другого, я возражать не стану.

Вышла за дверь и медленно спустилась по лестнице. По лестнице, где каждая ступенька запомнила мой позор. Ну ничего, местр Халлоран. Вы мне за это ответите.

Эрри по-прежнему спала: умильно посапывая и вызывая желание погладить блестящую шерстку. Как у такого чудища завелась такая прелесть? Точнее, как завелась-то — понятно. Как она с ним живет?

Быстро оделась, схватила сумку и...

— Удачной недели, эсса Ладэ. — Иртхан скользнул карточкой по панели, точно над моим плечом, заставив меня подпрыгнуть на пару метров.

Ну ладно, не на пару, а как от электрического разряда.

Ручка поддавалась легкому нажиму, и я спешно вылетела из квартиры. Пока бежала до остановки аэроэкспресса — в этом районе их было мало, да и зачем, если у всех свои навороченные флайсы, — вообще ни о чем не думала, кроме страшной мести. Правда, страшная месть оставалась на уровне двух слов, потому что я не представляла, чем именно зацепить мужчину, у которого вместо сердца аккумулятор.

А еще до меня понемногу начинало доходить, что все это время меня к нему влекло. Насколько меня к нему влекло. По-настоящему, с силой, природу которой я так упорно старалась списать на все подряд. Это и впрямь была магия. Не магия голоса, не магия иртханов, но магия, привязавшая меня к нему со дня первой встречи. Не мое тело отзывалось на его призыв, на него отзывалась я. Самая моя суть, гораздо откровеннее, чем можно себе представить. Драконы выбирают себе пару один раз и на всю жизнь. А как это бывает у иртханов? Или... у таких, как я?

Вот же... чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя!

Кажется, я влипла гораздо сильнее, чем думала.

ГЛАВА 14

Первое занятие по вождению флайсов началось успешно. То есть, стоило мне очутиться на водительском месте, колени предательски задрожали, на спине выступил холодный пот, а сердце затряслось в тщетных попытках шустрее перегонять кровь. Инструктор, который сидел рядом со мной, что-то говорил, указывая на панель, но я ничего не слышала. Мы даже еще в воздух не поднялись, но я видела перед собой вылетающий грузовой флайс, слышала скрежет сминаемого металла и крики, а рот наполнял солоноватый привкус крови.

— ...переключение скоростей происходит автоматически, если вы задаете такой режим управления. Я знаю, что мы сейчас приступаем к восстановлению водительских навыков, но вводный инструктаж в любом случае обязателен. Эсса Ладэ, вам все понятно?

Эсса Ладэ отлепилась от спинки сиденья и кивнула. Перед глазами стояла самоуверенная физиономия Халлорана, в ушах звучал его снисходительный тон.

Я должна побороть свой страх, и я это сделаю!

— Тогда приступайте.

Потянулась к зажиганию, ткнула кнопку и услышала, как тихонечко заурчал двигатель. Во рту пересохло, полоса воздушного рукава, по которому нам предстояло подниматься, указывала оранжевыми стрелочками вверх: путь открыт. И пусть я знала, что рядом инструктор, у которого в точности такая же панель управления, как передо мной, внутри все противно сжималось. Земля становилась все дальше, а до выхода на трассу остались считанные мгновения.

Я плотнее сжала руль и сосредоточилась на знаках.

Нечего тут трястись, как набл перед драконом.

Воздушный поток принял нас легко, мы влились в аэромагистраль и полетели над городом: пока что с левой стороны, где располагалась трасса для движения с ограниченной скоростью. Ладони взмокли, но я не отрывала пальцы от руля, глядя прямо перед собой через лобовое стекло. Помня о том, что бывает, если посмотреть посередине. Когда я только училась водить, меня тянуло смотреть именно посередине, как пассажира, в итоге я выворачивала руль, а инструктор ругался такими словами, что даже у меня уши вяли.

Впрочем, тогда я не могла себе оплатить такую школу, как сейчас.

— Хорошо, — негромко произнес мужчина. — Только не переключайтесь рывками, когда останавливаетесь.

Легко ему сказать! Я чуть сердце не проглотила, а он — не переключайтесь рывками, не переключайтесь рывками. И все-таки на следующем участке замедленного движения я вела пальцами по панели управления гораздо более мягко. И встали мы на положенном расстоянии от летящего впереди школьного пассажирского очень аккуратно. Инструктор поднял большой палец и улыбнулся. Кажется, именно в этот миг меня и отпустило. Я улыбнулась в ответ и так же мягко тронулась с места.

Все-таки это было непередаваемое чувство! Несмотря на то что я напоминала вылезшую из бассейна — взмокла так, что мало не покажется, — подо мной снова стелился Мэйстон, а я управляла флайсом. Вела машину, хотя думала, что уже никогда не испытаю этого пьянящего восторга: контроль во время полета. Когда флайс отзывается на твои команды и подчиняется твоему настроению — от медленных движений до сумасшедшей скорости. Впрочем, до сумасшедшей скорости мне пока далеко, у меня сейчас переходный период. Пассажирско-водительский. Привычнее и легче запрыгнуть на пассажирское сиденье, ни о чем не думать, но... это не шло ни в какое сравнение с тем, что я испытывала сейчас.

Я веду флайс... Я снова веду флайс!

А-а-а-а-а!!!

Когда занятие было закончено, выползала я на полусогнутых. Видимо, организм понял, что встряска закончилась и можно расслабиться. Вот и расслабился так, что мягкое место перевешивало все остальное. Это было очень заметно, потому что мужчина подскочил ко мне и поддал руку. Седовласый, с теплыми глазами камартового цвета, цвета кофе со сливками.

— Авария? — спросил сочувственно.

Я кивнула.

— Ничего страшного. Справимся.

— Значит, я не безнадежна?

— Безнадежность — это если бы вы остались дома и никогда больше не сели за руль. — Он улыбнулся. — Есть над чем работать. Но думаю, за пару недель мы вам вернем и уверенность в себе, и навыки.

Последние слова внушали надежду, посему домой я летела как на крыльях. Пообедала и решила немного побродить по Сети, заглянула в Лайфньюс, соцсеть, в которой бывала по большим праздникам.

«Бриаль Бетрой — бездарная голосилка», — сообщила верхняя надпись на моей странице.

М-да.

Почистила стену, ответила на благодарности и задумалась, как лучше подойти к Эвель с необычной просьбой. Вчера нам поговорить не удалось: ее не оказалось в Ландстор-холле, но сегодня она наверняка будет до позднего вечера. Так что просто выйду пораньше и побеседую... о том, что мне предстоит. Вот только что мне предстоит? Терпеть Халлорана, его издевательскую снисходительность, жесткие насмешки, а в результате я смогу не закипать, как чайник, во время пения.

Эх, если бы иртыханы не оберегали так тщательно свои секреты, я могла бы по меньшей мере почитать о том, как справляться с силой. Которая, кстати, во время вчерашнего выступления вела себя вполне прилично: у меня даже щеки не горели. И почему она вообще вылезла так некстати? Не из-за моего ли притяжения к Халлорану?

Хм...

«Доброе утро, эсса Ладэ.

Это меньшее, чем я мог отблагодарить вас за огненное выступление».

Огненное, точнее и не скажешь. Пару минут я взидала на ответ Аррингсхана, которому вчера написала благодарность за цветы и диск с выступлением Шайны. А если мне обратиться к нему?

Ну да, к правящему, который возглавляет Совет. Почему бы и нет, в самом деле. Ведь ему больше нечем заняться, кроме как разьяснить певицам природу их загадочной силы. Загадочной — в прямом смысле слова, потому что, как я поняла, облавив вчера все доступные для людей сайты и платные библиотеки, у полукровок сила просыпалась крайне редко. И только в случае, если родитель или родительница-иртыхан обладали достаточно сильной кровью. Халлоран говорил об этом, но забыл упомянуть, насколько сильной. Судя по тому, что я прочитала, мой отец происходил из аристократической семьи. И если честно, я била себя по рукам, чтобы не полезть изучать информацию про аристократические семьи Раграна.

Потому что вряд ли мне это принесет что-нибудь, кроме нового разочарования.

Отношение к полукровкам самое разное и по большей части зависит от того, как отец или мать благородных кровей представят сына или дочь обществу. Если ребенка признавали, если в нем брались развивать силу, то

разницы между ир்தханом и ир்தханом-полукровкой не делали вообще. Правда, случаи признания были довольно редкими, в основном когда речь заходила об отсутствии наследников или еще какой крайности. Но в прошлом веке в Ферверне был один очень сильный наполовину ир்தхан, которого даже в Совет представляли. Правда, в итоге другого выбрали, но сама суть!

Что касается моего отца, он двадцать три года назад четко дал понять, кем он меня представляет. Чем-то средним между наблом и бездомным виаром, видимо.

Кстати о разочарованиях...

Сейчас как раз обед, кажется?

Я набрала номер отчима. Ответил он не сразу, но глухой шум станков на заднем плане говорил о том, что я все-таки оторвала его от работы.

— Леона? — Голос его, привычно усталый, звучал удивленно. — Привет.

— Привет. Есть минутка?

— Даже пять.

— Вот и отлично. Скоро у Танни день рождения, и мне бы очень хотелось вас помирить.

В трубке воцарилось молчание. Нет, я его, конечно, понимаю. После таких встреч, какие ему устраивала родная дочь, в примирение верится слабо.

— Думаешь, это реально?

— Думаю, сейчас самый подходящий момент.

Отчим снова помолчал.

— И какие будут предложения?

— Есть у меня одна идея.

Идея на самом деле была не то чтобы гениальной, но мне казалось, что она может сработать.

— Получится встретиться на неделе?

— Что насчет послезавтра? Я освобожусь пораньше, можем увидаться.

— Здорово. Тогда давай в кафе «У Рииджи».

— Договорились.

Не успела я распрощаться с отчимом, как на телефон пришло сообщение от Танни: «Факультатив перенесли, пинаю воздух». Это означало, что пересечься с ней не получится: надо же еще Эвель застать. Она, конечно, та еще трудоголичка, но до поздней ночи меня ждать не будет, особенно сегодня. В начале недели гостей в Ландстор-холле меньше всего, а значит, ее присутствие не требуется.

Посмотрела еще немного на сообщение от Аррингсхана и решительно закрыла почту. Пойду лучше займусь чем-нибудь полезным.

Например, кофе попью.

Странные мысли иногда приходят в голову. Мысль о Рингисхарре посетила меня в ту минуту, когда перед кабинетом Эвель я столкнулась со Смерчем. В одной руке он держал подставку с двумя кофейными стаканчиками и пакет, в другой — склейку архивных дисков.

— Помочь? — поинтересовалась я.

— Ага.

Секретарь сунул мне в руки кофе вместе с пакетом и распахнул дверь, пропуская в приемную.

— Нет, ты представляешь? Кофемашина сломалась. И блин, эти чудики из сервиса сказали, что смогут приехать только завтра. Завтра, мать их за ногу! Сейчас всего девять вечера, у нас что, двенадцатый век? И как назло, Эвель срочно понадобилась архивная склейка выступлений — хочет посмотреть какие-то там видеозаписи с доисторических времен. Обязательно под кофе!

Я молчала. Если Лайла прорвало, надо дать человеку выговориться. В конце концов, он себе не так часто это позволяет.

— Так. — Блондин водрузил на стол диски и перехватил у меня добычу. — Ну а ты чего?

— Я к ней.

— По какому вопросу?

— Выходные на выходных хочу попросить.

— О-о-о...

Смерч закатил глаза, быстренько глянул в зеркало и пригладил топорщившуюся прядь.

— Ладно, подожди здесь. Все равно сначала надо отнести это.

И он умчался за дверь. Я в общем-то не возражала. Устроилась на диванчике рядом с неработающей кофемашинкой и кулером — этот, к счастью, работал. Налила себе немного водички и всерьез задумалась над идеей, которая меня посетила. Ладно, предположим, что об Аррингсхане я всерьез не задумывалась. Но Рингисхарр мог бы мне помочь и наверняка не откажет. Особенно если вспомнить, как он вел себя во время наших недолгих встреч: как настоящий мужчина, а не как... драконище драное. Обучать он меня, конечно, не сможет, потому что мы живем в разных городах. Но я бы могла попросить его немного просветить меня в вопросах иртеханской магии, чтобы не выглядеть полной идиоткой перед Халлораном

и утереть ему нос! Думаю, такое возможно и Рингисхарр не откажет.

Нет, я что, действительно об этом думаю?

А почему бы и нет!

— Иди. — Голос Смерча вырвал меня из облака мыслей. — Она, пока кофе пьет, добрая. Только излагай быстро, потому что она добрая, но занятая.

— Поняла, — фыркнула я. — Буду излагать быстро, пока кофе не кончился.

— И гель в часах не перетек в нижнюю колбу.

Секретарь махнул рукой, плюхнулся на стул и закопался в работу, потягивая кофе. Я же шагнула в кабинет, сложив пальцы за спиной колечками — на удачу. Пусть мне повезет!

Эвель восседала в кресле, привычно уткнувшись в ноутбук, постукивала наманикюренными пальчиками по столу. Заметив меня, подняла голову и нахмурилась, но даже не пригласила сесть.

— Выходные на выходных, Леона? Серьезно?

Вот кто просил Лайла делать это за меня? Подавив желание плеснуть секретарю кофе за шиворот, я подошла к столу.

— Верно.

— У тебя только что было три выходных.

Сомнительное утверждение, учитывая, что первый день перед выступлением я готовилась, второй тряслась и пела, а на третий меня накрыло магией иртеханов. То есть моей собственной, но Эвель я об этом рассказывать не собиралась. Хватит и того, что я вчера уловила: судя по взглядам и шепоткам, обо мне в Ландстор-холле только ленивый не шушукается. А ленивых у нас мало, все привыкли трудиться. Нет, я не думаю, что Эвель расскажет всем и каждому, но это не то, о чем хочется распространяться. Особенно о том, что учить меня будет лично мейстер Халлоран. Особенно о том, о чем я пока понятия не имею.

— Так зачем тебе понадобились выходные?

— Это личное дело.

— Очень личное, насколько я понимаю.

— Очень.

— Замечательно. — Эвель жестко смотрела на меня из своего начальственного кресла. — Тебе больше не нужны деньги?

Когда она так делала, я чувствовала себя школьницей, навтыяжку стоящей перед суровой директрисой. Собственно, надоело. Подошла, отодвинула стул и села, чем вызвала очередную порцию недовольства: начальница откинулась на спинку и сложила руки на груди.

— Деньги мне нужны. Но еще мне нужны эти выходные.

В глазах Эвель это выглядело примерно так: я не хочу работать и не буду. Ну и наплевать. Мы с ней и так сотрудничаем на взаимовыгодных условиях... взаимовыгодных для нее. Халлоран, пожалуй, прав, что платит она мне не сказать чтобы много.

— Вот как ты заговорила. Одно выступление — и уже смотришь свысока.

Ответить я не успела, Эвель подалась вперед.

— Я бы на твоём месте вела себя поскромнее. Детка, быстрый успех кружит голову. Смотри, заиграешься, а потом окажешься на улице, откуда, между нами, я тебя и взяла. Твоя личная жизнь меня не касается, но сама понимаешь, я заинтересована в людях, которые работают. Даже если сделать скидку на твой голос, я не могу рассчитывать на певицу, которой постоянно нужны выходные.

Интересная постановка вопроса. Меня, значит, на улице, подобрали. Исключительно из благих намерений. А я тут сейчас со своей черной неблагодарностью, да еще и... Внутри взметнулась волна ярости.

— О предыдущих выходных я не просила, — отчеканила холодно. — Это была ваша инициатива. Что касается работы, я выкладываюсь на сцене, и вам это прекрасно известно. Мне нужны эти выходные по личным причинам. Которые я не стану озвучивать.

— Твои причины мне прекрасно известны. — Лицо Эвель пошло красными пятнами. — Хочешь выходные — ты их получишь. Но не удивляйся, если на следующие для тебя не найдется места в графике.

— Замечательно.

Я поднялась и вихрем вылетела за дверь. Даже с Лайлом не попрощалась: щеки напоминали ночные костры, а руки так и чесались что-нибудь расколошматить. Мало того что мне вот так мягко намекнули на мое амплу любовницы Халлорана, так еще и ткнули носом в то, что я никто и звать меня никак. И что при желании мне легко найдется замена. Превосходно!

От души попрыгав в пустой уборной так, что заболели стопы, я направилась к гримерной. Все, хватит об этом. То, что мне надо, я получила, остальное детали.

Во время распевки я то и дело косилась на себя в зеркало и трогала руками щеки: но нет, самовозгорания вроде не ожидалось. Выступление тоже обошлось без лишних волнений, Дрэйк на душевном подъеме играл замечательно, а я, как всегда во время пения, все ненужные мысли

оставляла на потом. Нам удалось немного поболтать до выхода на сцену: гонорар за работу на юбилее ему уже перечислили, и Лэм была в восторге. Она, кстати, тоже звонила и предлагала на днях вместе пробежаться по магазинам и свадебным бутикам. Хотела посмотреть платье, белье и купальники: подруга просто грезилась месяцем молодоженов в Зингсприде.

Что касается меня, то я старалась не думать, когда успею заняться их свадьбой. Из множества агентств, с которыми я связалась, ее устроили только три. А из них только одно оказалось более-менее приемлемым в соотношении «цена — качество». Словом, туда нужно было в ближайшее время доехать. А еще мне нужно получить разрешение на проведение церемонии и подать запрос в Брачный фонд Мэйстона.

Хочу безразмерные сутки.

С такой мыслью я улыбалась со сцены, с такой мыслью шла по коридору к гримерной. Дверь в мою почему-то оказалась приоткрытой, оттуда доносился звонкий голосок Клари и низкий, на мой вкус чересчур хрипловатый, — Зетты. Перебиваемый мелодией популярной эстрадной песенки: судя по всему, кто-то из них включил музыку на телефоне. Интересно, что Зетта тут вообще делает? Ее смена закончилась, она должна была уехать пару часов назад.

— ...звала несколько раз, но она постоянно занята.

— А ты чего хотела, крошка? Чтобы птичка столь высокого полета с гримершей по барам ходила? Пф-ф.

Ковровая дорожка приглушала стук каблуков, а может быть, их из-за музыки не слышно. По крайней мере, девушки увлеклись разговором.

— Но я-то думала, что она...

— Много думать вредно. Разумеется, она с ним трахалась с самого начала. Может, даже раньше, чем впервые на сцену вышла. Лично я считаю, что он ее в Ландстор-холл и запихнул. Иначе с чего бы Эвель брать девчонку без опыта?

— Потому что у нее много опыта в другом. — Гримерша хихикнула.

— Вот именно.

Я открыла дверь, и ротик Клари привычно сложился ноликом, а Зетта стояла ко мне спиной. Она совсем не смутилась, когда я прошла к зеркалу. Если гримерша слегка побледнела, то моя коллега выглядела совершенно спокойной. Разве что ехидная улыбочка выдавала ее истинные чувства. Очень может быть, что сказано это было нарочно, что дело вовсе не в ковровой дорожке и не в громкой музыке.

— Зетта, ты дверью ошиблась? — повернувшись к ней, мило спросила я.

— Я разговариваю со своей подружкой.

— Со своей подружкой можешь разговаривать где угодно, но не в моей примерной. Когда я хочу отдохнуть и переодеться.

Зетта вздернула подбородок, смерив меня надменным взглядом:

— Не стоит думать, что весь Ландстор-холл принадлежит тебе, птичка. Даже если ты...

— Вышла вон.

Даже голоса не повысила, как ни странно. Но та вылетела с такой скоростью, что не хотела бы я оказаться на ее пути. Вот и ладно. Считаете меня любовницей Халлорана? Отлично! Из всего можно извлечь выгоду.

Теперь Клари.

— Будешь продолжать распускать про меня слухи — окажешься на улице. Понятно?

Та побледнела еще сильнее.

— Бри, я не хотела. Я правда...

— Понятно?

— Д-да.

— Вот и чудно. На сегодня ты свободна.

Клари вылетела вслед за Зеттой, а я оперлась руками о туалетный столик. Не хотелось бы превращаться в подобие Халлорана, но и трепать мое имя направо и налево тоже не позволю.

Собралась быстро, в кои-то веки на любимой работе задерживаться не было ни малейшего желания. Только на выходе вспомнила, что забыла вызвать флайс, ругнулась от души и замерла у служебного входа. Назад идти не хотелось, поэтому достала мобильный, чтобы отправить запрос.

— Неподражаемая Бриаль Бетрой.

Я чуть не подскочила до потолка парковки.

— Нельзя же так подкрадываться к людям!

— Я не подкрадывался. Просто стоял в тени, вы меня не заметили.

Не заметить его было можно. Невысокий темноволосый мужчина с хитрым взглядом светло-серых глаз и удивительно располагающей улыбкой. Смуглый, в черной куртке и черных брюках. Про таких, как он, говорят: неопределенного возраста. За счет молодости и стиля ему можно было дать как двадцать пять, так и сорок.

— Допустим, вы меня знаете. А я вас нет.

— Лайтан Хейд, — без малейших церемоний протянул мне руку и пожал мою. — К вашим услугам. Поблизости есть отличный бар, можем поговорить там.

Один из самых загадочных и известных агентов в мире шоу-бизнеса

Мэйстона!

Пока я приходила в себя, он вручил мне визитку. Черный пластик, на котором стальными буквами были выведены контакты и имя.

— Мой друг был приглашенным журналистом на юбилее местры Халлоран. И он в восторге от вашего пения.

— А вы? — наконец отмерла я.

— Ну я же здесь. Лично слушал вас сегодня.

А... о...

— Так что насчет бара?

— Думаю, бар подойдет.

— Замечательно. Только вам придется задрать платье. — Прежде чем я успела открыть рот, он кивнул на припаркованный чуть поодаль флайсоцикл. — Надеюсь, вы не против высоких скоростей.

Кажется, в последнее время я только и делаю, что летаю на высоких скоростях. В смысле моя жизнь после встречи с Халлораном превратилась в сплошной аэропоток на верхней магистрали, и остановки пока не предвидится.

Флайсоцикл оказался двухместный, с большим кожаным сиденьем. Стильный, ярко-красный, с черным росчерком молнии над аккумулятором. Хейд вручил мне шлем и помог усесться, и да, платье действительно пришлось задрать. Еще и пальто расстегнуть слегка, чтобы обхватить сидящего спереди ногами и вцепиться пальцами в куртку так, что оторвать можно было только вместе с водителем. Если честно, летать на флайсоциклах мне не доводилось, и сейчас сердце заколотилось с удвоенной силой. Было немного страшно и в то же время... будоражило.

— Не бойтесь. Я не первый раз верхом.

— Я не боюсь.

— А, это вы от избытка чувств пытаетесь добраться до моего сердца?

Пришлось немного ослабить хватку. Хейд повернул ручку, флайсоцикл бесшумно и стремительно сорвался с места. Так стремительно, что у меня даже дыхание перехватило. А это мы еще с парковки не вылетели.

— Даже представить себе не могла, что легендарный Лайтан Хейд катается не на суперпупердорогом флайсе.

— Это суперпупердорогой флайсоцикл. И он не идет ни в какое сравнение с этими летающими коробками. Сама увидишь.

Подавила смехок и только тут поняла, что мы уже перешли на «ты». Впрочем, у него это получилось как-то очень легко и беззастенчиво, без напора Халлорана или мягкой церемонности Рингисхарра. Даже

поправлять не хотелось. Автомат сожрал приложенную карту, и нам дали воздушный коридор. Мы взмыли ввысь по пути, по которому я сотни раз поднималась на флайсах.

Это действительно не шло ни в какое сравнение: ощущение было такое, что я сама взмываю в воздух. До того, как мы вырвались с парковки Ландстор-холла и влились в общий транспортный поток.

Вот тут дыхание перехватило уже по-настоящему, слезы не брызнули только потому, что козырек шлема надежно прикрывал глаза. Мэйстон превратился в скопление смазанных огней и лент, сменяющих одна другую игл высоток, между которыми мы петляли с такой скоростью, что пестрело в глазах и уловить что бы то ни было не представлялось возможным. Но все-таки мы снижали скорость перед знаками ограничения, и тогда у меня захватывало дух. Я словно парила над городом на тоненькой полоске стильного металла с подставочкой для ног.

Мы летели по средней аэромагистрале, но этого хватало вполне. Там и здесь расцветали вспышки рекламных щитов, мерцали искры окон в небоскребах, сливались в огненный след фары летящих флайсов, и хвостами водных драконов извивались аэроэкспрессы. Впереди острова, за спиной острова, над головой транспортные потоки высшего уровня и натянутые канаты высотных пешеходных мостов над Гельерой. Я даже пожалела, когда полет подошел к концу.

Бар-клуб располагался в самом центре, занимая средние этажи в одной из переливающихся огнями высоток. Танцпол был отделен от зоны отдыха звуконепроницаемыми стенами, здесь музыкальный автомат приглушенно стонал, ретромелодия наводила на мысли о дорогущих сигарах и креслах с высокими спинками, из-за которых не видно владельцев. Чуть поодаль от стойки возвышалась платформа второго этажа, где располагались платные столики. Несмотря на достаточно дорогой прайс, свободных там не осталось, поэтому мы заняли один из тех, что внизу. Рядом с огромным старинным абажуром, украшенным кисточками.

— Как тебе местечко? — Хейд подозвал официанта и заказал тоньяс — элитный напиток из дорогущих сортов винограда. Я же предпочла ограничиться кофе.

— Интересное.

— Я здесь отдыхаю. И работаю иногда. — Он прищурился и улыбнулся уголком губ, слегка подавшись вперед.

— Как сегодня?

— Как сегодня. Ну, Бриаль, расскажи о себе. Где училась и как вообще докатилась до жизни такой?

Рассказ не занял много времени: преимущественно потому, что Хейд вообще не перебивал. Он не хмурился, не смотрел свысока и ежеминутно не вставлял свои веские комментарии — как один агент, которому я как-то отправила свое достаточно хлипкое резюме с предложением о сотрудничестве и потом сильно об этом пожалела. После той встречи я выползала из кабинета с ощущением собственной никчемности, сейчас же с каждой минутой чувствовала себя все более уверенно.

— Ты исполняла арию Артомеллы? — Он посмаковал тоньяс и отставил бокал.

— Да, так получилось.

— Мой друг сказал, что в зале стало очень жарко.

Жарко — не то слово, особенно мне.

— На прослушиваниях в опере доводилось бывать?

Признаваться в поражении не хотелось, но он все равно узнает. Особенно если мы будем работать вместе.

— У Дрингера Лида.

— А, этот пузатый старикашка.

Я чуть не поперхнулась кофе. Мне бы и в голову не пришло так назвать главного режиссера-постановщика Мэйстонской оперы.

— Нет, постановщик из него неплохой. — Хейд махнул рукой и снова пригубил тоньяс. — Но он слишком глубоко пророс корнями в старую школу и не видит дальше своего носа. Словом, я хочу предложить тебе контракт. Постоянное сотрудничество.

— Вот так просто?

— У меня все просто, Бриаль. Либо да, либо нет.

Как-то легко с ним было общаться, используя сценическое имя. С другой стороны, Лайтан Хейд тоже вряд ли настоящее имя. Он не показывался на глаза ни публике, ни прессе, о нем почти ничего не было известно... кроме имен тех, кого он представлял. Достаточно громких имен, среди которых были Гейм Лехангар, известнейший тенор Мэйстонской оперы, множество эстрадных звезд. Один молодой парень даже перебрался в Зингсприд, в Долину Синема. Сейчас снимается в кино и мюзиклах, озвучивает мультики и вообще неплохо живет. Интересно, туда его тоже Хейд двинул? Ну, изначально.

— Я работаю по схеме тридцать процентов с проекта.

— Тридцать? — ахнула я.

Для сравнения — многие агенты согласны на десятку. Но вряд ли Хейда можно отнести ко «многим».

Он развел руками.

— Мне же надо на что-то жить. Зато, если я берусь за дело, всегда довожу его до конца. В настоящий момент хочу устроить тебе прослушивание на премьеру, которая сейчас в разработке. Через месяц начнутся репетиции, но главные партии еще не утверждены.

Мм... он сейчас что, об опере говорит?

— Она держится в строжайшем секрете, поэтому с подружками о ней болтать не надо. Запустить ее хотят к Смене времен. Но, прежде чем мы перейдем к конкретике, я бы хотел услышать твое оперное пение. Сможешь завтра после обеда подъехать вот по этому адресу?

Смогу ли? Если я сейчас подскочу и исполню ритуальный джумбийский танец успеха, как это будет смотреться со стороны? Удивительно, но я все-таки осталась на месте и даже не завопила на весь зал: «Да, да, да, да, да!!!» Просто спокойно ответила:

— Разумеется.

— Вот и чудно. — Он хлопнул ладонями по столу.

Его бокал словно самонаполнялся невидимой глазу рукой: тоньяс в нем не иссякал. По крайней мере, видимость создавалась именно такая. Что касается моего кофе, он уже давно остыл, да и задерживаться дольше не стоит. Мне еще надо с Марром погулять, пока он не натворил ночных дел. Отправила запрос на флайс и полезла за карточкой, но мужчина наигранно нахмурился.

— Я что, выгляжу неспособным оплатить чашку кофе?

— Ну разумеется, она уже включена в тридцать процентов.

— Вот именно! — Он мигом повеселел.

— Тогда до завтра, эссерд Хейд.

— Можно просто Лайт. Даже нужно.

Коротко пиликнул телефон: подтверждая, что ближайшая машина будет в течение пяти минут.

— Пойдем, провожу тебя до парковки. У меня тут еще рандеву.

Судя по всему, вечер Лайтана Хейда продолжался.

Мы достаточно мило распрощались, он посадил меня во флайс, оставив в состоянии легкой мечтательности. В том же состоянии я спустя какое-то время вышла у лифтов и поднялась к себе в квартиру. До сих пор не верилось, что все это происходит со мной. Что я действительно получила шанс... петь в опере. Конечно, мне еще предстоит прослушивание, но мной заинтересовался Лайтан Хейд! Агент, попасть к которому любой считал достижением. Вот только попасть к нему было очень и очень сложно.

— Чудовище, на выход!

Переодеваться на прогулку не буду, поскольку времени и так мало. Быстренько пробежусь с Марром, а потом позволю Рингисхарру. Между Мэйстоном и Зингспридом разница во времени четыре с половиной часа: он наверняка уже освободился, но вряд ли собирается спать. Выясню, во что влипла с Халлораном и могу ли я потребовать себе другого учителя. Ну а что? Будет ему сюрприз, драконищу бессердечному!

— Чудовище!

Цокота когтей не слышно. И вообще не слышно, чтобы в квартире кто-то был.

— Марр! Танни!

Тишина.

Швырнула сумку и влетела в холл — квартира безмолвствовала. В гостиной горел свет, но кухня и приоткрытая дверь спальни сестры были темными. Драконы вас подери! Это что еще за новости? Метнулась назад, но не успела даже достать телефон: за дверью раздалось привычное шкрябанье.

— Скотина ты неблагодарная, вот ты кто!

Дверь распахнулась, и Марр втащил в квартиру сестрицу, которая с явным удовольствием отцепила шлейку и нажала кнопку складывания. Виар заметил меня, потерялся о ноги и рванул в сторону мисок, а мы с сестрой замерли, глядя друг на друга. Танни выглядела, мягко говоря, необычно. Привычные хвосты или кисточки, торчащие в разные стороны из-под немислимого количества заколок, сменили распущенные длинные волосы, которые разметались по короткому дутику. Из-под него выглядывал толстенный кислотно-розовый свитер, подвернутые рукава скрывали тонкие запястья почти до кончиков пальцев. А еще на ней была юбка черного цвета, я бы сказала — очень даже мини, в складочку. Поверх колготок — родные яркие гетры, полосками уходящие в ботинки на убийственной платформе.

Нет, в принципе Танни как Танни, но... распущенные волосы. И что это за загадочный взгляд?

— Где ты взяла эту юбку? — опомнившись, рявкнула я.

— У Имери одолжила. — Сестрица пожала плечами и принялась раздеваться.

Нагнулась, чтобы расшнуровать ботинки, открывая мне... все. Учитывая, что Имери ростом пониже, на ней юбка должна смотреться приличнее.

— Танни! Какого... ты шлялась по улице?

— Я не шлялась! — огрызнулась та, пинками сбивая обувь и разом

становясь ниже. — Твое зверье просилось, чуть ли не плакало, потому что кое-кто непонятно где ходит. В следующий раз оставлю его гадить посреди гостиной.

Ладно, признаю, я немного задержалась. Но... юбка! Да ее проще широким поясом назвать.

— Танни!

Сестра вытащила телефон и усиленно набивала ответ на сообщение, не глядя на меня.

— Что?

— По-твоему, это нормально? Ходить в таком виде в такое время?!

Телефон вернулся на место, Танни скривилась.

— Нача-а-алось. Если это тебя утешит, я была не одна.

— А с кем же?

— С другом.

Что-то в ее интонациях мне совсем не понравилось. Например, то, что о друзьях так не говорят. С таким подозрительно влюбленным блеском в глазах.

— И кто же это?

— Микас Лодингер.

Лодингер?

— Да, да. — Танни завела руки за спину, стягивая волосы в хвост. Закрутила и заколола так, что концы разноцветных прядей растопырились. — Сын того самого Лодингера, он учится в выпускном классе, прикинь.

Того самого — это известного в городе человека, которому принадлежит крупная транспортная компания. Человека, достаточно богатого и в своих кругах влиятельного. Помнится, как-то директриса упоминала о его сыне. Золотая молодежь, один из тех, с кем Танни ведет смертные бои за место под солнцем и кого презрительно обзывает выпендренниками. Но сейчас важно не это. Важно, что он старшеклассник, избалованный девчоночьим вниманием. В памяти мигом всплыла ночевка у Имери, и стало как-то не по себе.

— Ничего не хочешь мне рассказать?

— Ты о чем?

Действительно, о чем я?

Мы вместе направились на кухню, где Марр с привычно жалостливыми глазами сидел у мисок. Я достала натурпродукт (читай: здоровенный кусок мяса) и сунула размораживаться, сама же снова повернулась к сестре.

— Например, как вы познакомились. Насколько я помню, у тебя не складывались отношения с некоторыми... девушками его круга.

— А, ты про тех лар... дур?

Она извлекла леденец из кармана свитера и сунула в рот.

— Мик гофорит, это кфуту...

— Вытащи конфету и говори по-человечески.

Танни закатила глаза, но леденец все-таки вытащила.

— Так вот, он говорит, что, когда девчонка может сама за себя постоять, — это отпад. И еще ему понравилось, как я тогда уделала Грэнса. Говорит, что ко мне давно присматривался, потому что я необычная. Не такая, как все эти фифы или заучки. Со мной не скучно.

Ну разумеется.

— Словом, мы теперь вроде как встречаемся.

Ничего себе новости. Что-то мне подсказывало, что Марр стал только поводом для вечерней прогулки. Разумеется, такие, как Лодингер, уже за рулем и всегда готовы оказаться поблизости, если это в их интересах. И вот как теперь быть? Видимо, эсстерда Броджек отчаянно права в том, что мне не хватает десятка-другого лет, чтобы достойно управляться с Танни. Особенно с Танни, так сияющей глазами при упоминании этого самого Лодингера, которого я даже в глаза не видела. Отца вот видела в прессе и Сети: этакий типичный делец, темноволосый, подтянутый, со стильной бородкой и усиками. Обожает костюмы-тройки и эпатаж, на публике не появляется без охраны.

— Давно вы встречаетесь? — решила зайти с другой стороны.

— Не-а. С неделю где-то... У них, кстати, тоже виары есть. Чистокровные, породистые. Мик показывал фотки и обещал показать живую.

Она замолчала и с задумчивым видом принялась за леденец. На ее, а может быть, и на мое счастье, запищала разморозка, это и уберегло нас от вопроса: «У вас что-то было?» Еда отправилась в измельчитель, а следом в миску, к которой устремились, чудом не снеся попавшийся на пути стул. Звяканье и чавканье вернуло в реальный мир. Чавканье, а еще брезгливый голос Танни:

— Фу-у-у... Марр! Тебе хоть слюнявчик надевай.

— Дай живности отвести душу. А кое-кому пора спать.

— Да бфось! Вфемя дефское.

Пиликнул сестрин телефон. Та шустро вытащила его из безразмерного кармана и принялась строчить ответ на сообщение с совершенно счастливым выражением лица. При этом не забывая гонять леденец вот рту,

от чего у меня задергался глаз.

— Занятия в школе отменили? — поинтересовалась я, когда она закончила.

— Нет.

— Вот и будильник тоже. Марш к себе! Спать, а не переписываться.

— Мик говорит, что много спать вредно.

— Это почему же?

— Можно всю жизнь проср... проспять.

— К себе! — решительно повторила я. — Зайду и проверю.

Сестра сползла со стула и все в том же задумчиво-мечтательном состоянии направилась к лестнице, снова что-то набивая на телефоне. Даже ни слова не сказала и не огрызнулась, что сама разберется, когда ей ложиться. М-да. Что ни говори, а влюбленность налицо. Нет, здесь надо действовать тоньше. Разузнать про этого Лодингера все, возможно, пригласить к нам... Я задумчиво посмотрела вслед сестре, потрепала довольного, сытого виара по голове.

— Ты его видел. Как он тебе?

Марр скривился и клацнул челюстями. Сомневаюсь, что понял, просто в зубах что-то застряло. Продолжая гладить короткую жесткую шерстку на голове, я вдруг замерла.

Хм. Разузнать? Вот правду говорят, с кем поведешься, от того и наберешься.

Но разузнать все-таки надо.

Кстати о разузнать... Рингисхарр!

— Леона.

Я написала Рингисхарру письмо и даже поуютнее свернуться в кресле не успела, когда по комнате разнеслась мелодия видеозвонка. Если ир்தхан и удивился, то это было до того, как он меня набрал. Сейчас же он просто улыбался, расслабленно откинувшись на кожаную спинку и ослабив галстук. Судя по всему, я со своей просьбой о разговоре застала его в рабочем кабинете: за преградой кресла виднелась только темная стена, расчерченная равнодушными дизайнерскими прямоугольниками. И уголок белоснежных полос жалюзи.

— Вэйлар.

— Рад тебя видеть. О чем ты хотела спросить?

— Тут такое дело...

Если честно, я не знала, с чего начать. Халлоран разговаривал со мной рублеными фразами, смысл которых был понятен только ему.

Предполагалось, что остальное я должна додумать сама или мучиться в неизвестности до той минуты, пока он соизволит мне приоткрыть еще самую малость великих ир்தханских тайн. Ну, или умолять, взирая в глаза с почтением. А вот фиг тебе. Не на ту попал.

— Словом, когда я пела, во мне проснулась магия ир்தханов, и я понятия не имею, что с ней делать.

Вэйлар приподнял брови. Подавшись вперед, сцепил руки у подбородка. Дружелюбную улыбку сменила сосредоточенность и серьезность. Я же слегка растерялась: судя по всему, мои слова стали для него откровением.

— Хочешь сказать, это случилось впервые?

И правда откровением. То есть все признали во мне полукровку, но были не в курсе, что это произошло случайно?

Я кивнула.

— Гм.

Он молчал, но как-то выразительно, словно подбирал слова. И, к счастью, не задал вопрос, которого я боялась больше всего: «Ты даже не догадывалась о своем происхождении?»

— Расскажи, что было потом.

— Потом местр Халлоран... — Теперь уже слова пришлось подбирать мне. — Связался со мной. — Ладно, пусть будет так. — И сообщил, что будет меня обучать лично.

Рингисхарр нахмурился.

— В таком случае я не имею права ничего тебе объяснять. И даже то, что мы сейчас с тобой разговариваем, может быть воспринято им как оскорбление.

Э-э... что?

Наверное, лицо у меня было чересчур говорящее, если не сказать — кричащее во весь голос, потому что ир்தхан снова подался назад. При этом оставаясь напряженным и каким-то хмурым.

— Если местр Халлоран взялся за твое обучение лично, он открыто заявил на тебя свои права.

Ик.

— То есть как?

— То есть он мог назначить тебе преподавателя из Академии или частного тренера. Но он взялся учить тебя сам. В нашем мире это большая честь, Леона. И еще это защищает тебя от любых посягательств со стороны других ир்தханов — после того как твоя сила была раскрыта. Образно говоря, ты под его покровительством. Ты его.

О-о-о... Приехали. То есть он меня пометил, как виар кустик?

Супер. Вау. Класс! Я теперь его, и все иртханы Мэйстона об этом знают.

А-а-а-бац.

Теперь уже я откинулась на спинку кресла — пожалуй, слишком резко, потому что оно отъехало от стола на полметра. Пришлось выкручивать босыми пятками, не сводя взгляда с напряженного лица Рингисхарра, в котором явно шла какая-то внутренняя борьба. Если честно, во мне сейчас тоже шла внутренняя борьба. Отключиться, набрать совсем другой номер и высказать все, что я думаю по этому поводу. Ну разумеется, зачем меня спрашивать, хочу ли я его покровительства! Гораздо проще заявить об этом во всеуслышание, а потом поставить меня перед фактом. Чтобы уже наверняка деваться было некуда.

У-у-у, драконище!

Мне срочно захотелось что-нибудь разбить. Желательно новый визор в кое-чем кабинете. А еще все стекла.

— Это можно как-нибудь отменить?

По лицу Рингисхарра скользнула тень изумления. А потом он прищурился, вот только в отличие от Халлорана прищур у него был не пугающий. Скорее внимательный.

— погоди, Леона. Хочешь сказать, о ритуале наставничества ты тоже не знаешь?

— Я вообще ничего не знаю о вашем мире. Я без трех дней новорожденная, которая понятия не имеет, во что влипла.

Иртхан улыбнулся.

— На обучение всегда заключается договор. — Вот тут у меня здорово отлегло от сердца, потому что никаких договоров на обучение я не подписывала. — Магический. Это скорее обряд, подразумевающий добровольный обмен силой. Расторгнуть его невозможно до завершения обучения. Скажем так: к непосредственному наставнику необходимо полное доверие, поэтому вы впускаете друг друга в самую суть, чтобы понять, подходите ли друг другу. Это необходимость. Случается, что одна сила отторгает другую, и тогда наставничество невозможно. Но если твоя магия принимает магию учителя, значит, обучение уже началось.

— А если наставник случайно помер?

Рингисхарр затрясся от смеха, а я поняла, что спросила это вслух. Уже не припомню, когда я стала такой кровожадной, но Халлорану я припомню все. Погасил всплеск, значит? Позволил моему огню уйти в себя, значит? Да еще и своей магии под шумок в меня натолкал. Не одно, так другое. Ах

ты, драконище перенедодраное! Чтобы не начать подпрыгивать от возмущения, поскребла ногтями кресло. Несколько раз, чем привлекла внимание Марра. Он задрал голову и приоткрыл один глаз, чтобы понять, почему я раздираю стул. Да чтобы не расцарапать кое-кому физиономию.

Вот прямо сейчас!

— Если такое случается, ученик вправе выбрать другого наставника.

— Я пошутила, — буркнула еле слышно.

— Это я уже понял.

Отсмеявшись, Рингисхарр провел пальцами меж огненных прядей, снова выпрямился.

— Прости, Леона. Дальнейший наш разговор действительно может обернуться для тебя неприятностями.

Лицо его отражало искреннее сожаление. Мое, вероятно, тоже — вот почему он живет в Зингсприде?

— Но кое-что я все-таки могу сделать.

Начавшая было угасать надежда вспыхнула с новой силой. Я даже отвела руки за спину и сложила пальцы колечками, на удачу. Не знаю, о чем он говорит, но если это поможет мне хотя бы чуточку разобраться в том, что происходит, до встречи с Халлораном...

— Я пришлю тебе материалы. Азы, разумеется, ничего серьезного, кое-что о нашем мироустройстве и магии. Но только, — он мигом посерьезнел, — если пообещаешь не заниматься самодеятельностью и не практиковаться в том, о чем не имеешь ни малейшего понятия. Это не шутки.

— Обещаю! — выпалила я и добавила уже спокойнее: — Какая мне сейчас практика? Мне бы хоть капельку теории.

Иртхан снова улыбнулся, и опять чувство было такое, словно вошло солнце. Даже глаза его становились цвета окрашенной золотом коры камартового дерева. Он лишь на миг отвлекся от меня, бросив взгляд на монитор, и тут же негромко пискнула почта, оповещая о новом сообщении. Я от волнения даже пересохшие губы облизала: тайны иртханов — на моем компьютере! Ну ладно, маленькие тайны, но все с чего-то начинали.

— Только для тебя.

— Я помню про оскорбление, — фыркнула.

У меня уже пальцы чесались побыстрее нажать отбой и заглянуть в файлы.

— Дело не только в этом. Если эти материалы попадут не в те руки, будет скандал. Боюсь, для меня это не ограничится конфликтом с местром Халлораном.

— Обещаю, что, кроме меня, их никто не увидит, — серьезно сказала я.

— Удачи, огненная птичка.

На миг показалось, что в голосе его звучит грусть, но это «показалось» совсем не соответствовало легкой улыбке, медленно таявшей на красивых губах. А на сердце вдруг стало удивительно тепло.

— Спасибо. — Я искренне улыбнулась. — Это для меня очень важно.

— Знаю. — Вэйлар кивнул. — Иначе ничего бы тебе не прислал. Доброй ночи, Леона.

— Доброй ночи.

Распрощавшись с ним, я еще долго каталась на кресле туда-сюда, глядя на сообщение от Вэйлара. Вложения в нем весили прилично, а я находилась то в метре, то в полуметре, то снова в метре, то снова в полуметре от того, чтобы прикоснуться к тайнам ир்தханов. Раз и навсегда перешагнуть порог, отделяющий мир мамы от мира отца. Сейчас я еще оставалась на той грани, где привычная жизнь обволакивала меня тихим сопением Марра, мягким шорохом колесиков, полумраком, растворяющимся от привычного мерцания монитора и огней высоток за окнами. Проследив движение огненного луча Лаувайс, вспоровшего тучи над городом, я представила сидящего за столом Халлорана. Его жесткий взгляд и холодные, как небеса Ферверна в сезонных сияниях, глаза.

Все-таки привязал меня к себе. Не по человеческим законам, так по законам своего мира.

Но это вовсе не значит, что я так легко и просто сдамся!

Решительно придвинулась ближе и открыла файл.

ГЛАВА 15

Чем ближе становились выходные, тем сильнее меня потряхивало. От желания устроить местру Халлорану веселую жизнь. Потому что, вместо того чтобы сразу все мне объяснить, это драконище молчало до последнего, а потом по своим законам провернуло дело так, что отвертеться уже не получится. Под магическим договором, о котором говорил Рингисхарр, подразумевался вовсе не привычный контракт с подписью, а как раз добровольный обмен силой. В моем случае он вышел вполне добровольным, потому что я в ту ночь почти воспламенилась. Как оказалось, это мне грозило буквально.

— Желтый? Синий? Сиреневый? Беленький?

Лэм высунулась из примерочной. На сей раз она щеголяла в сиреновом купальнике, чашечки которого напоминали лепестки цветка, а трусики — листочек.

— Мне больше понравились желтый и белый.

— Угу. — Подруга снова скрылась за шторкой.

Неделя выдалась очень насыщенной, поэтому выбраться в магазины мы с ней смогли только перед выходными. Прослушивание у Хейда прошло отлично, и он прислал мне контракт. Собственно, прослушиванием это можно было назвать с большим приближением: я просто исполнила перед ним арию Артомеллы, но на этот раз моя сила не спешила себя проявлять. Или на юбилее местры Халлоран дело было в сильных иртваханах, или в чем-то еще, вот только моя магия притаилась и вела себя тихо. Прослушивание в опере должно состояться через две недели, и до этого мне предстоит себя беречь. Точнее, свой голос.

— Может, все-таки сиреневый? — донеслось из-за серебристой шторки. — Но же-о-олтый...

Я хмыкнула.

— Бери все, не ошибешься.

— А, и правда! Что я, побаловать себя не могу?

Рассеянно улыбнулась. На тему цветов и оттенков я в последние дни думала совсем о другом. Магия иртваханов разделялась по цвету огня. Алый — огненная магия, синий — ледяная и снежная, зеленый — водная. Желтый, он же золотой, солнечный, — воздух и песок плюс дар целителя. Цвет отражался в глазах во время пробуждения второй, нечеловеческой ипостаси. В основном перед призывом или во время общения с драконом.

Несмотря на это основным навыком считались именно ментальные способности, благодаря которым драконы начали подчиняться воле человека. Управление стихиями возникло скорее в процессе эволюции. Благодаря тем драконам, чья кровь послужила первоосновой, и их силам. Действительно, оказавшись перед драконом, который дышит огнем, весьма обидно не уметь отразить огненный шквал или погасить летящий в тебя пламенный шар. То же самое с землями, которые были окружены водой, скованы льдом или погружены в снега. Ледяное дыхание требовало соответствующей защиты, так же как и нападения водных драконов, способных поднять цунами или вызвать водовороты.

Что касается Целительства, пустынники, живущие в песках, очень ядовиты. Поэтому у иртеханов, которые вливали себе их кровь и которым доводилось сталкиваться с их ядом, выработались исключительные исцеляющие способности. Правда, это требовало очень большого вложения сил, на грани опустошения, поэтому современные иртеханы предпочитали использовать более чем выдающиеся достижения современной медицины.

— Возьми, пожалуйста. — Из-за шторки высунулась рука Лэм с букетом вешалок. — Я пока влезу обратно в джинсы... вот зараза! Кажется, надо худеть.

Я неосознанно отнесла стопку купальников улыбчивой девушке на кассе, но на обратном пути наткнулась взглядом на комплект нижнего белья. Алого, как цвет магии.

Исторически пары иртеханов складывались именно по цвету огня, но в нашем веке магия смешивалась естественным образом. Династические браки предпочитали заключать по чистоте крови, чтобы расширить возможности рода и усилить магию. Но еще существовала такая опасность, как отторжение. Не всегда огонь иртехана и иртеханессы друг друга принимал, поэтому церемония помолвки представляла собой своеобразную проверку. Точнее, проверка происходила еще до помолвки, а обмен магическими узорами в присутствии гостей скорее был последней точкой во взаимных обязательствах.

Если один огонь отторгал другой, такой брак был невозможен. А вот если огни совпадали и принимали друг друга, это считалось благословением. Влечение в таких парах шло на интуитивном животном уровне, что тоже считалось положительным в отношении будущего потомства. Чем больше «совпадали» огни, тем сильнее было влечение и взаимное притяжение. И никакой тебе романтики, всего лишь удачное сочетание магии и инстинкты продолжения рода. Об этом Халлоран почему-то забыл упомянуть, прибегая к воспитательным мерам с ремнем.

Но вот тут — и это вызывало во мне такое маленькое злорадство — одна загвоздка. Если меня так влечет к нему, его ко мне влечет с той же силой, каким бы непробиваемым он ни был... А это значит, я ему устрою, драконищу драному! Такое устрою, что мало не покажется.

— На свидание собралась?

Я подпрыгнула и чуть не выронила гарнитур. Тончайшее рагранское кружево, скрывающее все ровно настолько, чтобы возбудить интерес. Чашечки бюстгальтера были такими легкими, что я почти не чувствовала веса. А главное, как раз мой размер.

— С чего ты взяла? — пожалала плечами.

— Ну, если ты не решила сменить профессию и не собираешься танцевать стриптиз...

— А то, что я решила просто себя порадовать, в голову тебе не пришло?

Лэм заглянула в ценник и присвистнула.

— Нефиговенькая радость. Так что там с оперой?

— Это... — Я вспомнила, что болтать с подружками нельзя, и добавила: — Премьера. О ней пока мало что известно.

Разговор зашел о моем продвижении еще по пути в отдел женского белья. Ничего конкретного я не сказала, просто похвасталась новостями. Собственно, Лэм сейчас не особо интересовала опера. Она набрала себе купальников — и черных, оттеняющих ее кожу, и белых, подчеркивающих контраст, и цветных, прибавив к покупкам еще несколько пакетов, которые даже в четыре руки становилось сложно нести. По моим скромным подсчетам, этого добра ей хватит, чтобы каждый выход на побережье отмечать обновкой. Если они с Дрэйком вспомнят об этом самом побережье. Отель я бронировала лично, и, будем честны, в таком номере можно жить вечно. На такой кровати, с таким баром и неограниченным буфетом, с таким видом на океан.

С явным сожалением вернула гарнитур на место.

— Примерь, — фыркнула Лэм, отнимая у меня сумки.

— А ты?

— Я уже набрала себе тряпья на десять жизней вперед. В том числе и этих лоскутков, которые Дрэйк все равно сразу снимет.

Искушение красным бельем продолжалось недолго и закончилось полной победой искушения. Я шагнула в примерочную, где несколько минут спустя уже лицезрела в зеркале крайне соблазнительную себя. Гарнитур сел так, словно его на меня шили. Чашечки плотно облегли грудь, а изящный контур трусиков подчеркивал бедра и ягодицы. Если

надеть платье потоньше, каждый узор будет ощутим.

— Вау. — Из-за шторки высунулась голова Лэм. — Бери. Даже если не на свидание, все равно бери.

А вот и возьму! И надену завтра на занятие, вместе с платьем потоньше. Хотели меня обучать, местр Халлоран? Так хотели, что провернули все без моего ведома? Ну вот и я могу позволить себе маленькую шалость. При мысли о его возможной реакции на маленькую шалость по телу прошла дрожь. Кровь застучала в висках, в примерочной стало жарко, и я поспешила переодеться.

Расплатившись, мы вышли из отдела с кучей сумок для Лэм и маленьким пакетиком для меня. Платье так и не выбрали — она хотела короткое, а наша свадебная мода диктовала длинные, в пол. Поэтому большинство моделей, которые мы пересмотрели, не имели никакого отношения к свадебным, но даже те были для подруги то слишком вычурными, то слишком простыми. Да если честно, мне тоже ничего не понравилось. Я уговаривала Лэм для сравнения примерить пару длинных, но она и слышать не хотела. Только короткое!

— Куда теперь? — поинтересовалась я.

«Маунтин Молл» представлял собой сто двадцать этажей магазинов и развлечений, которые просто нереально обойти за день. Да что там за день, за неделю бы успеть. Но даже с заранее составленным списком отделов и подробной картой мы едва ли обошли половину из того, что отметили. А день уже клонился к вечеру, и по-хорошему через пару часов мне бы домой — собираться и готовиться к выступлению. Думаю, Эвель не оценит, если я задержу выход. Хотя сейчас она вряд ли оценит что-то из того, что я делаю.

По «большому секрету» Смерч сообщил, пробегая мимо меня в коридоре, что я в опале. Чего и следовало ожидать. Зетта и Клари вели себя на удивление тихо. Гримерша так вообще исправно делала свою работу, ни о чем постороннем не заговаривала, разве что все время интересовалась, не нужно ли мне чего. Улыбка приклеивалась к ее кукольному личику, когда она переступала порог примерной, а еще она частенько прятала взгляд.

— Давай в кафе, — сказала Лэм. — Пока у меня ноги не отвалились.

Если честно, я была «за». Потому что мои уже тоже неоднозначно намекали на необходимость отдыха. Хотя бы кратковременного.

— А платье?

— Перенесем на следующую неделю. Ты уже общалась с агентством? Договор я им отправила.

— Ага. Выслала тебе кучу ресторанов на выбор, сейчас определяемся с оформлением.

— Я смотрела. Но Дрэйк пока не успел.

— Постарайся его озадачить в выходные. Сама понимаешь, что бронировать нужно заранее.

Мы выбрали небольшую, но уютную кофейню на сто втором этаже. Головокружительный вид на центр, и все дела. Можно было занавесить шторку, и тогда зажигались точечные светильники, окружавшие стоявший на подиуме столик. Собственно, здесь все столики стояли на подиумах по кругу, что символично: кафе называлось «В кругу друзей». Оформление в кремово-бежевых тонах, с мягким вкраплением бледно-оранжевого. Эта сеть, насколько мне известно, была не только в Мэйстоне, но и во всех городах Аронгары. Пользовалась популярностью за счет относительно недорогого среднего чека и вкусных десертов.

Лэм ненадолго убежала в дамскую комнату, а я растеклась по уютному креслу и закрыла глаза. Передышка... Когда мой — теперь уже Хейда можно было называть так — агент говорил о высоких скоростях, он даже не представлял, насколько они высокие. Прослушивание, обучение вождению, встреча с отчимом... Кстати, встреча прошла успешно. Он согласился приехать к Танни на день рождения и поддержал идею оплатить вечер в ресторане, где мы должны были отметить втроем. Из-за учебы празднование с друзьями переносится на выходные, так что ее планов мы не нарушим. Я же посижу с ними, а потом убегу на выступление, ну а дальше все зависит от него.

Телефон дернулся, оповещая о новом сообщении.

«Жду вас завтра в десять часов, и ни минутой позже».

Вот так, в приказном порядке. Подавив желание показать телефону язык, покосилась на лежавший рядом пакетик с бельем. Ждите, местр Халлоран. И дождетесь! Уж это я вам гарантирую.

— О чем задумалась?

Вернувшись Лэм плюхнулась на свое место и с наслаждением вытянула ноги.

— О маме.

Я так и не рассказала подруге о том, что произошло на юбилее местры Халлоран. Честно говоря, не знала, с чего начать и нужно ли это. Для мира иртеханов я не существую, так что оно не считается. Да и не хотелось лишних расспросов. Магией иртеханы действительно были обязаны драконьей крови. Развитие ее пошло в самых разных направлениях, а вливаниями баловались не только шаманы. Северяне и жители срединных земель тоже — эти кровавые ритуалы стали традицией, следуя которой наши далекие от цивилизации предки перенимали силу зверя. Ну вот и

доперенимались. После такого как-то сложно было осуждать драконов, которые охотились на людей.

— Эй! — Лэм мягко сжала мои руки. — Она была классной, твоя мама. Судя по твоим рассказам, не просто классной, а мегаклассной. И она сейчас счастлива, что ее дочь скоро будет петь в опере.

Да. Только пока непонятно, что же случилось, как они познакомились с отцом. Ведь мама всегда была сдержанной, рассудительной и очень осторожной — не в пример мне или Танни. В разговоре с отчимом я все-таки не удержалась. Спросила, не рассказывала ли она об отце. Эсстерд Барт нахмурился и ответил, что эта тема всегда была для них запретной. Они никогда не говорили о нем, хотя о своем прошлом в Рагране и о родителях мама вспоминала частенько. Бабушка и дедушка погибли во время налета, и у нее никого не осталось. Ох, мамочка, мама... как же мне тебя не хватает. С твоими мудрыми советами и теплой улыбкой, с жесткими натруженными ладонями, в которых так приятно было согреться и засыпать. Иногда мне кажется, что ты была взрослее в свои пятнадцать, чем я сейчас.

— Ты так говоришь, как будто это уже решенное дело.

— Ну ты же мне сама сказала, что тобой заинтересовался этот, большая шишка, как его там, который...

— Лайтан Хейд.

— Да мне пофиг. Главное, что он сделает мою подругу звездой. — Лэм подняла палец вверх. — Не спорь. Давай-ка лучше набьем животики?

Кстати подросла официантка, которая поставила перед нами глубокие чашки, прикрытые крышками: ароматный крем-суп и хлебницу с рогаликами.

— Ага.

Мы принялись за еду как раз в тот момент, когда Лэм взбрело в голову переключить развлекательный канал. Прикрепленный к столику небольшой визор явил Ирргалию Стоунвилл собственной персоной. Она давала интервью для «Хэвен бьюти» — журнала, принадлежавшего местре Халлоран. Разумеется, это превратили в настоящее событие: на фоне стены с логотипом за столиком восседали главный редактор и местрель Стоунвилл. В темно-синем облегающем платье, искрящемся, как звездная ночь, подчеркивающим ослепительную белизну ее кожи и огненные локоны. На лице ее играла чарующая улыбка, а вот что она там говорила, непонятно: для прослушивания нужно было надеть наушники.

Интересно, они с Халлораном свою сочетаемость уже проверяли?

Родство огней, помимо прочего, давало много преимуществ. Вплоть

до того, что при должном уровне силы иртеханы могли общаться телепатически. Это происходило за счет глубокого слияния магии, а корнями уходило опять же к драконам. Драконы слышали зов друг друга даже на огромных расстояниях, что не раз спасало им жизнь.

— Стильная девица.

— Угу.

— Это повтор, кстати. Я вчера смотрела в салоне, в перерывах, ее сейчас по всем каналам крутят.

— Да? — Меня больше интересовали рогалики.

— Сообщила, что с радостью задержится в Мэйстоне, что обожает этот город и подумывает о том, чтобы сюда перебраться. Ну это между обсуждениями моды и всякими стильными советами.

Я поперхнулась супчиком, но сделала вид, что мне просто очень нравится «незабываемый сливочный вкус». Действительно, какое мне дело до местрель Стоунвилл. И уж совершенно точно мне нет никакого дела до того, зачем она собирается задержаться. Равно как и до того, насколько ее огонь совпадает с огнем Халлорана и как скоро она станет его женой.

Без двух секунд десять я вдавила кнопку звонка в квартире его иртехамства. Часы сверяла по мировому времени, поэтому ошибки быть не должно. Когда же мне открыли дверь, одарила Халлорана самой очаровательной улыбкой. Выглядел он крайне подозрительно, точнее — смотрел на меня привычно подозрительно и свысока. Но я же решила, что буду образцовой ученицей, поэтому поздоровалась со всем почтением.

— Доброе утро, местр Халлоран.

— Доброе утро, эсса Ладэ.

Я прошла в квартиру, расстегивая пальто. Подождала, пока мне помогут его снять, и с наслаждением отметила, как вытягивается его лицо. Платье действительно было тонким. Нежного кремового оттенка, украшенное змейкой золотистого пояса. С достаточно глубоким декольте, чтобы привлекать внимание, но никакой просвечивающей пошлости, длиной чуть выше колен. Белье под ним не ощущалось, то есть совсем. Создавалось такое чувство, что его там просто нет.

— Как прошла неделя? — хмуро поинтересовалось драконище.

— Замечательно. Я готова, — мило сообщила я. И добавила: — Постигать азы иртеханской магии. Надеюсь, вы меня всему научите.

Пока Халлоран приходил в себя, изящно наклонилась, чтобы расстегнуть сапожки. Небольшая демонстрация выреза ему не повредит. Но дело было не только в вырезе: не зря же я сегодня колупалась в молнии сапога заколочкой. Недолго, перед выходом, чем вызвала откровенный

интерес Марра, привыкшего совать нос во все, что происходит в доме. Дернула пару раз язычок, но он, разумеется, не поддался.

— Ой... — сказала огорченно. — Замочек заело. Не можете?

И вытянула ногу вперед.

Халлоран помрачнел еще сильнее, но указал мне на небольшую полочку, куда я с удовольствием пристроилась. Положила руки на края и подалась вперед, глядя ему в глаза, словно он собирался спасти меня с крыши пылающего небоскреба.

— Почему вы на меня так смотрите, эсса Ладэ?

— Соскучилась, — нежно сообщила я.

Иртхан прищурился.

— Вытяните ногу.

— Ах да.

С удовольствием выполнила просьбу, наблюдая, как меняется оттенок его глаз, пробегаясь по всей гамме зеленого, темнея и чуть ли не полыхая огнем. А вот нечего было надо мной ремнем размахивать, да еще и наставничество оформлять без предупреждения. Вот только, когда его рука коснулась моей кожи, пусть даже через тонкую ткань колготок, меня словно ударило током. Огонь полыхнул в крови, сердце застучало в висках, а его лицо — такое привычно жесткое — показалось слишком далеким. Как во сне я смотрела на резкий контур подбородка, отмеченный легкой щетиной, перевела взгляд на сильные пальцы и мысленно дала себе пинка.

Я сюда, между прочим, учиться пришла.

И мстить.

Легкий щелчок — и замок не устоял под его напором. Халлоран потянул язычок вниз, повторяя всю длину молнии.

— Дорогие сапоги, — сказал он. — И совсем новые. Странно, что погнуты звенья на молнии.

Когда его пальцы коснулись моей лодыжки, я дернулась.

— Говорите, готовы учиться? Это хорошо.

Иртхан выпрямился как ни в чем не бывало и указал мне в сторону. Голос его звучал спокойно и немного насмешливо:

— Пойдемте в мой кабинет. Там будет удобнее всего.

Стряхивая с себя сапожки и переобуваясь в туфельки, я почувствовала легкое головокружение: то ли месть куда-то не туда свернула, то ли Халлоран как-то странно на нее отреагировал. Из кухни выплыла Эрри, удостоила меня снисходительным — в стиле своего хозяина — взглядом и вспорхнула на второй этаж. Но не отступать же, в конце концов.

Вздернув голову, я расправила плечи и направилась в сторону

кабинета, его иртвамство ступало за мной. По ощущениям — по моим следам, как хищник. И так же бесшумно. Вот только я его поступь чувствовала каждой жилкой, а еще взгляд. Жаркий, скользящий по плечам, но спине, ласкающий так откровенно, что внутри разгорался костерок, а сердце отстукивало ритм каблучков.

Ну нет. Так мы не договаривались.

— Прошу. — Отметая мои предположения, голос его звучал спокойно.

И даже ни капельки не хрипло, глаза посветлели. Ничто не напоминало о минутном всплеске.

В домашнем кабинете его иртвамства мне бывать еще не доводилось. Вопреки представлениям, это оказалась невероятно светлая комната с угловыми окнами во всю стену. Обычно люди, то есть драконы, такого склада характера предпочитают, чтобы их ничто не отвлекало, но сейчас даже жалюзи были открыты. Солнечный свет расплескался по холоду белых и стальных оттенков, согревая своим теплом. При желании в этом кабинете можно устроить чемпионат по мини-гратхэнду, настолько просторным он был. На угловом столе устроился закрытый ноутбук, в выступающем шкафу витражи были отлиты зеркальными силуэтами драконов. Ничего лишнего, минимализм в чистом виде.

— Вам сюда. — Халлоран указал на стоявший сбоку стул.

В результате я снова почувствовала себя за партой. Не хватало только учителя с лазерной указкой и голографической доски. И вообще, вся эта обстановка заставляла меня нервничать.

— Доставайте планшет.

— Мм...

Вот тут я почувствовала себя очень странно. Очень-очень странно, потому что туфельки под платье я захватила, а планшет нет.

— Вы не взяли планшет?

Меня окинули таким взглядом, что, не будь я наполовину иртваханессой, к стулу примерзла бы намертво.

— Но вы же мне не сказали.

— Я вам не говорил, чтобы вы одевались, как на коктейльную вечеринку, но вы же оделись.

— Ну знаете ли! Может быть, у меня на вечер планы.

— В таком случае я им не завидую.

Прозвучало как-то зловеще, щедро сдобренное начальственными интонациями. Сам Халлоран в лучших традициях злого препода устроился со своей стороны и сейчас постукивал пальцами по столу. Привычно прищурившись, словно собирался опустить меня ниже плинтуса самого

жалкого здания в этом городе. И вот что интересно, оделся он сам тоже не так, как должен выглядеть учитель! Расстегнутая верхняя пуговица на рубашке темно-синего мокрого шелка, черные брюки и ботинки. Слегка влажные после душа волосы, зачесанные назад. Интересно, у него тоже коктейльная вечеринка намечается?

Поинтересоваться не успела, мне выдали планшет из верхнего ящика стола.

— Завтра вернете и принесете свой.

Почему из всех иртханов на моем пути должен был повстречаться именно он, а?

— Мы что, будем конспекты писать?

— Вы будете, — заметил он. — Без теории переходить к практике не имеет смысла. Для начала делайте пометки. Если что-то непонятно, спрашивайте сразу, потому что будет еще непонятнее.

Ух, как меня подмывало ему сказать, что я уже многое знаю! Но не подводить же Рингисхарра в открытую. Поэтому, скрежетнув зубами, взяла планшет и перо, открыла документ и сделала вид, что готова внимать.

— Начнем с интонаций. — Халлоран потянулся, чтобы включить ноутбук, а я поняла, что в открытую плююсь на его перекачивающиеся под рубашкой мышцы. — Вы этого не замечаете, но любое слово, которое вы произносите, несет в себе эмоциональную окраску. Любой звук, который вырывается из вашей груди, по сути, есть эмоция. Прежде всего вам предстоит научиться их отключать.

— Любое? — Я приподняла бровь.

— А вы не заметили? Слово «любое» в вашем исполнении только что означало скепсис.

— Хм.

— Недоверие.

— И?

— Нетерпение и раздражение.

У-у-у, как же меня бесит его непробиваемость!

— Вопросы не по теме. Ментальная магия — очень тонкая работа. Здесь любая ошибка может дорого обойтись как вам, так и тому, на кого вы воздействуете.

Ой, да неужели?

А вот есть на нем ремень или нет, я не заметила.

— Больше того, когда вы вкладываете в ментальный посыл эмоцию, вы передаете ее объекту. Поэтому приказ может не сработать или сработать неправильно.

Ну да. Поэтому он напоминал ходячий холодильник в сто сорок этажей, когда уложил меня попой кверху. Тут я вспомнила про свою маленькую месть, перестала скрежетать зубами и слегка подалась вперед. Платье мгновенно натянулась на груди, плотно облекая белье.

— По той же причине никогда не пытайтесь воздействовать на кого бы то ни было, если находитесь во власти сильных эмоций. Возбуждения, страха, ярости, отчаяния или обиды. Это немедленно передается объекту, и вместо того чтобы отступить, дракон может откусить вам голову.

— Правда? — немного понизила голос, до той самой грани, где чувственность еще не перешла в провокацию.

Вам же нравится мой голос, мейстер Халлоран? Получите!

— Вам больше по вкусу практические занятия, эсса Ладэ? — Взгляд иртехана потемнел, в каждом зрачке отразилось по ремню.

Да чтоб тебя! Я откинулась на спинку стула и уставилась в планшет. Всяко лучше, чем на этого непробиваемого типа. А он даже сейчас говорил так, словно проглотил холодильник. Хотя нет, от холодильника бывает холодно, из него же слова вылетали, как из банкомата наличка — размеренно и четко, по строго заданному алгоритму. Интересно, куда он тот мешок дел? Меня так и подмывало спросить, но надо было слушать дальше. Потому что, несмотря ни на что, я сюда пришла учиться.

— Далее о вреде эмоций. Основу нашей силы составляет ментальная магия, на ней держится все...

Вот тут иртехан начал рассказывать то, что я уже прочитала по милости Рингисхарра, поэтому мысли мои свернули совсем не туда. На неделе я обнаружила комплект с бриллиантами, который на мне был в ночь выступления. Серьги, кольцо и браслет сложили на черный бархат, а коробку аккуратно отодвинули в сторону — так, что она оказалась в тени. Неудивительно, что вспомнила я о них, только когда Мэлз спросила, куда убрать драгоценности. Как ни странно, контактов салона не оказалось ни внутри, ни на самой коробке, поэтому о том, кому вернуть бриллианты — они же наверняка взяты напрокат, — как раз сегодня и собиралась поинтересоваться.

— ...стихийная может повести себя непредсказуемо, когда вы на волне эмоций. Что и случилось с вами на юбилее.

Халлоран неожиданно замолчал, и я подняла на него глаза.

— Вы меня слушаете, эсса Ладэ?

— Слушаю, разумеется, — с видом оскорбленного достоинства возмутилась я.

— Замечательно. Тогда вам не составит труда повторить то, что я

только что рассказывал.

Ой-ой. Я, конечно, много чего знаю, но не сболтнуть бы лишнего. Не хочется подставлять Рингисхарра.

— Вы говорили про ментальную магию, — сделала вид, что меня интересует что-то за его плечом, хотя внимательно следила за лицом драконища.

Но оно ничего не выражало, даже хищный прищур не появлялся, Вот же...

— И про стихийную. Про их связь с эмоциями.

— Что именно?

Ему, кажется, доставляет удовольствие надо мной издеваться!

— А у меня получилось остановить Марра, когда я была напугана, — неожиданно заявила я.

Вот так! Хочешь выкрутиться — резко меняй тему.

— Неужели? — Теперь в его голос все-таки вернулась насмешка.

— Разумеется. Я была дико напугана, когда он набросился на парней, которых Танни привела домой.

— Тем не менее приказ вы отдали без эмоций, иначе бы у вас ничего не вышло.

— Ну хорошо. — Поскольку весь этот спор я затеяла, чтобы свернуть с щекотливой темы, сейчас просто повертела перо и подалась к нему. — Допустим. Но как можно оставаться равнодушной и спокойной, когда на тебя прет дракон?

— До драконов вам еще далеко.

— И все-таки. — Я слегка наклонила голову и закусила губу, глядя на него сквозь бахрому ресниц. — Гипотетически, местр Халлоран?

Ноздри его дрогнули.

— А кто говорил о равнодушии? Умение отключить эмоции и равнодушие — разные вещи. Если вы хотите петь в опере, эсса Ладэ, вам придется научиться отделять себя от эмоций. Иначе невозможно управлять силой. Чтобы приблизиться к дракону, нужно владеть собой. Пока вы не владеете собой, вы не сможете управлять не только зверем, но и своей жизнью.

Иртхан наградил меня жестким взглядом и указал на планшет.

— Что? — спросила я, постукивая пером по дисплею.

— Вернемся к тому, о чем мы с вами говорили. Рассказывайте.

— Вам это нравится, да? — спросила, прищурившись. — Отдавать мне приказы?

— Мне нужно убедиться, что вы меня услышали. — Холодный

жесткий голос. — Прежде чем мы перейдем к практике. Итак, я слушаю.

подавив странную внутреннюю трясучку, которую я не испытывала со дня последнего выхода на учебную кафедру, отложила планшет и одарила его очаровательной улыбкой. Думает меня подловить? Ну так сейчас ему будет сюрприз! Детали могли меня выдать, поэтому постаралась говорить общими фразами. Рассказала о прочитанных первоосновах, о том, как связаны ментальная и стихийная магия, и о том, что контроля над стихией можно достичь, только в совершенстве овладев менталистикой. Потому что именно с контроля над собой начинается контроль над стихией, дремлющей в твоей крови.

Его иртвамство не перебивал, слушал внимательно.

Даже не пытался вернуть какую-нибудь язвительную фразочку или посадить в лужу, чем заставлял нервничать еще больше. Поэтому, когда прозвучало жесткое: «Достаточно», — вздохнула с облегчением.

— Что насчет цвета пламени?

Рано радовалась.

— Цвета пламени?

— Да. Что я говорил об огнях? Как определить цвет магии? Какие они бывают?

Быстренько перечислила все, что помнила.

— Определить можно либо по стихийному всплеску — цвет глаз, либо по родовым узорам.

Халлоран подался вперед, сцепив руки на столе, я же с трудом подавила желание откинуться на спинку стула и отъехать подальше. Метра на три.

— Что ж, замечательно. Перейдем к практике, эсса Ладэ.

— Как, уже? — От неожиданности растерялась.

Иртвам кивнул:

— Начинайте.

— Что — начинать?

— Начинайте тренироваться. Отключать эмоции. Говорите взвешенно, отстраняйтесь от чувств. Отделяйте себя от своих мыслей. Вы — это не ваши ощущения. Произнесите любое слово, сняв с него эмоциональную окраску. Это довольно просто.

Ага. Легко ему говорить после обучения в Академии. Особенно если учесть, что в его присутствии меня волнует абсолютно все! Даже плоский плафон светильника с тонким узором, напоминающий горелый панкейк под прессом. Не говоря уже о вырезе рубашки иртвама — перед глазами до сих пор стояли узоры на сильной груди, горящие алым. Это и есть родовые

узоры, каждый рисунок уникален, как герб семьи. Наносятся они перед совершеннолетием и начинают полыхать, когда магия себя проявляет. Чем ярче сияние — тем сильнее магический всплеск. Мне такие не светят, потому что я вроде как Марр, с хвостиком, но без родословной.

— Супер.

— Кого вы сейчас хотите посадить в холодильник?

Кого-кого... Того, для кого это природная среда обитания.

— Я еще не начинала, — хмыкнула я.

— Заметно, — хлестнуло наотмашь, как колючим ветром по щекам. — Начните с чисел, так будет проще.

Так, Леона, соберись. Нечего давать одному бессердечному дракону лишний повод для превосходства.

— Десять.

— Ужасно.

— Один.

— Еще хуже.

— Пять.

— Отвратительно. Вы не чувствуете разницу между эмоцией и ее отсутствием, эсса Ладэ.

— Очень вдохновляюще! — прошипела я.

— Вы что-то сказали?

— Сказала! Вы мне даже ничего не объяснили!

— Я объяснил вам достаточно. — Халлоран обхватил подбородок, глядя на меня сверху вниз. Потемневшие глаза полыхнули цветом его огня. — Помимо прочего, вы и самостоятельно неплохо подготовились.

Сердце пропустило удар и ухнуло в мигом заледеневшие пятки.

— О чем вы?

— Я ни слова не говорил про цвета магии, эсса Ладэ. И тем более не рассказывал про родовые узоры.

Внутренности собрались в тугой комок и поспешили к горлу. Халлоран поднялся, я же, напротив, почувствовала, что выросла в стул.

— Будем надеяться, что любезно предоставивший вам информацию иртвахан подробно объяснил все правила. И что он забыл упомянуть об оскорблении, которое было мне нанесено подобным действием. Он ведь забыл, Леона?

Мое имя иртвахан произнес почти ласково. Как лапу на горло положил.

— Нет, — тихо сказала я. — Не забыл.

— Значит, не забыл и о том, что после вашего проступка наставник вправе отказаться вас обучать. Равно как и потребовать возмещения с его

стороны, вплоть до поединка.

Халлоран приблизился, и теперь мне приходилось смотреть на его возвышаемость. А он... Если собрать все костры всех пожарищ всех налетов за все времена, то можно было получить примерное представление о том, как сейчас смотрел на меня он. В темных глазах бушевало пламя, а зрачок медленно вытягивался, пробуждая неведомое доселе чувство яростного животного сопротивления. В груди рождалось рычание, которое я с трудом подавила.

— Назовите имя.

Вопреки разгорающемуся внутри огню я похолодела еще больше.

— Нет.

— Мне позвонить ферну Норгхару?

Ну разумеется, все данные остаются на серверах. Один звонок своему безопаснику, и через пять минут он будет знать не только имя, но и название файлов, которые мне передал Рингсхарр. Вплоть до точки.

— Это моя личная жизнь!

На скулах его заиграли желваки. О да, я хотела равнодушия, я его добила. Но не такой же ценой!

— С той минуты, как я взял ответственность за ваше обучение на себя, это уже не ваша личная жизнь, эсса Ладэ. По законам нашего мира все гораздо серьезнее.

— Но я не знакома с законами вашего мира! И вы провели ритуал без моего ведома!

В горящих алым глазах зрачки вытянулись в вертикаль.

— Замечательно.

Халлоран достал телефон, а я судорожно сцепила руки на коленях. По спине струился холодный пот: я не имею права так подставлять Рингсхарра. Он не должен расплачиваться за мою самонадеянность и глупость, да и вообще, к чему это приведет? Если Халлоран потребует возмещения, об этом узнают все. Чем я думала, когда рассказывала ему об огнях? Чем я думала, когда открыла эти дурацкие файлы?

— Местр Халлоран, — просить было трудно, но я все-таки подняла на него глаза, — давайте оставим это между нами. Пожалуйста. Это спровоцировала я, а этот человек... то есть иртхан... он просто хотел помочь. Я прошу прощения и обещаю, что подобное никогда больше не повторится.

Меня опалило яростью алого огня, воздух в легких показался раскаленным, а потом и вовсе закончился.

— И на что же вы готовы, эсса Ладэ, чтобы все осталось между нами?

От этого вопроса потемнело перед глазами. То ли от вопроса, то ли от того, сколько в нем прозвучало властной жестокой ярости. Ладони вспотели, зато наконец-то удалось вдохнуть.

— Если вы дадите слово, что не станете узнавать его имя... — Пришлось набрать в легкие побольше воздуха, а потом вытолкнуть через силу. — На все.

— Вот как.

Халлоран отложил телефон с мягкой силой автоматического пресса: так, что тот чудом остался цел. И стол тоже.

— Я правильно понял, что вы готовы понести любое наказание?

— Дайте слово, — напомнила я.

Рэйнар может быть сколь угодно жестоким, но его слову доверять можно.

— Что ж, эсса Ладэ. Мое слово у вас есть. Вернемся к этому вопросу после занятий, а теперь...

— Давайте обсудим это сейчас. Я не смогу заниматься, пока...

— ...Продолжим, — произнес негромко, игнорируя мое последнее замечание. — Судя по вашей осведомленности, вы достаточно практиковались дома.

— Я не практиковалась! — вскинула голову. — Что я, с ума сошла?

— Вам же хуже. Начинайте.

Вот так вот продолжать, когда он стоит надо мной и полыхает гневом, как Лаувайс отпугивающими волнами?

— Вы мне хотя бы покажете, как это должно звучать?

— Возьмите перо.

Эти слова с тем же успехом мог сказать робот или вакуумный упаковщик, но я просто взяла планшетное перо, подчиняясь силе его голоса. Позвоночник скрутило огненной змеей: слишком живы были воспоминания о том, как я безвольной куклой повисла на плече иртыхана, а потом вынимала ремень из его брюк. Как вручила ему и разделась — и сейчас он мог повторить со мной все то же самое. Легко. И так же легко мне это продемонстрировал.

— Я понятно объясняю, эсса Ладэ?

Глубоко вздохнула и вонзила ногти в ладонь. До боли.

— То есть мне вот так же говорить прямо перед вами?

— Прямо передо мной. Представьте, что я дракон.

Тут даже представлять ничего не надо. Драконище как оно есть.

— О чем?

— О чем пожелаете.

— Не думаю, что у меня получится дать вам приказ...

— У вас не получится. Мне нужно слышать ваш голос, а вам — учиться им управлять. Без этого мы не двинемся с места.

Внутри все дрожало от напряжения, и теперь будет дрожать до той минуты, пока я не услышу свой приговор. Нет, Леона, так не пойдет. Надо расслабиться и сосредоточиться. Давай представь, что ты выходишь на сцену и... Спеть ему, что ли? Взять одну из самых простых по мотиву песен, сосредоточиться на словах. Интересно, как сочетается умение отключать эмоции с игрой голосом во время пения? Ладно, вопрос не к месту. Посмотрим, что вы на это скажете, местр Халлоран.

Ты бьешь наотмашь, силой сокрушая,
Уничтожаешь все дыханием огня.
Когда с тобой, себя я забываю,
А в нашем пламени и ночь светлее дня...

Сначала опустила голос до самых низких интонаций, потом подняла повыше, как на распевке. Снова вниз, до грудных низких нот. Чувственных, женственных, мягких. А ведь сейчас я гораздо лучше понимала, о чем говорила Шайна. Умение отделять себя от того, о ком поешь, помогает не только лучше почувствовать песню, но и вести ее. Наблюдать за происходящим со стороны, проживать жизнь вместе с героиней, но не позволять эмоциям брать над тобой верх. Это совсем не то же самое, что равнодушие, скорее ювелирная грань между созерцанием чувства и чувством. Не менее острая и будоражащая.

— Я просил вас говорить, эсса Ладэ, не петь.

Вздрыгнула и осеклась: взгляд дракона полыхнул еще ярче, а потом потемнел до черноты. Только угли остались, под которыми тлело страшное пламя. От этих взглядов на коже расцветали ожоги, не говоря уже о том, что творилось внутри.

— Но мне проще петь, — сказала негромко. — Я так чувствую мир, мне гораздо привычнее выражать силу через песню.

— Вы уже выразили. На юбилее.

Я вспыхнула.

— Долго вы еще будете мне это припоминать?

— До тех пор, пока вы не уясните: во время обучения нужно делать то, что говорю я. А не то, что вы вычитали посредством неизвестного благодетеля, ради которого готовы на все.

Огонь со щек перекинулся на шею, слишком явный был акцент на последних словах.

Обидно, горько. И больно.

— Я бы с радостью спросила у известного, но известный разложил меня на кровати и заставил пережить несколько самых унижительных минут в моей жизни.

Смотреть в эти невероятные глаза, напоминающие кратеры спящих вулканов, было нелегко. Но я все-таки смотрела.

— Я понятия не имела, что из себя представляет ваша магия. Поэтому и сказала глупость, а еще потому что в вашем присутствии схожу с ума и... Я совершенно не собиралась вас оскорблять — ни тогда, ни сейчас. Просто хотела узнать хотя бы что-то о своей магии, о мире своего отца по крови.

Странно, но чем дальше я говорила, тем проще мне становилось. Словно позволив себе проговорить это вслух, я наконец-то призналась в том, что раздирало меня на части со дня ужина в «Гритлэйн» и поцелуя в пустошах. С той минуты, когда глядела в глаза дракону и впервые подумала, что любой, даже самый отчаянный страх стоит того, чтобы это испытать.

— Я пела для вас, — сказала неожиданно даже для себя. — И тогда, на юбилее. И несколько минут назад. Я действительно не представляла, что мой поступок может повлечь за собой настолько серьезные последствия.

— О последствиях стоит думать до того, как что-то предпринять. Не после.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, вскочила. Планшет отлетел на другую сторону стола и, не остановив он его пальцами, наверняка упал бы. Внутри что-то щелкнуло, словно перегорел старинный автоматический выключатель, и теперь огонь от короткого замыкания распространялся по венам со скоростью подгоняемого ураганом пожара. Который напрочь терялся в отблесках глаз стоявшего напротив мужчины. Мужчины, перед которым я только что вывернула наизнанку себя и свое сердце. Да что говорить, я даже оделась так специально, чтобы заставить Халлорана чувствовать хотя бы что-то. Но в Лаувайс и то больше тепла, даже если вырубить в ней все электричество и обесточить все близлежащие высоты.

— Вы бессердечное драконище! — выкрикнула я. — Самовлюбленное бессердечное драконище, которому нет никакого дела до чувств других людей.

— Политика и чувства плохо сочетаются, эсса Ладэ.

— Это с вами они плохо сочетаются, политика тут ни при чем!

Глаза иртыхана опасно сверкнули, но я только сжала кулаки.

— Видеть вас больше не могу! И не хочу!

Не дожидаясь ответа, подхватила сумку и метнулась к дверям. Вот только не учла, что быстрее его разве что разъяренный дракон или очень голодный Марр, учуявший жаркое. Вожденная ручка мелькнула в сантиметрах от пальцев, когда меня перехватили за локоть и резко развернули лицом к себе. Внутри все похолодело, словно я рухнула в пропасть, а потом взлетела высоко к небесам. Из груди вырвалось одно лишь слово, на последнем дыхании:

— Отпустите.

Уловила мелькнувшее в глазах иртыхана короткое замешательство, пальцы его разжались, и я оказалась на свободе. Полумрак коридора принял меня в объятия, а впереди маячила одна только цель: выход. В висках стучало так, что я не слышала даже стука каблучков, разве что цокот когтей улепетывающей из прихожей Эрри. Она промчалась мимо меня с бешеной скоростью, задев блестящей шерсткой ногу. Я схватила пальто, опустила взгляд и... на полу стоял сапог. Один. Второй валялся поблизости, но то, что от него осталось, напоминало лоскутки. Еще там была подошва, каблук и кусочек молнии — той самой, что расстегивал Халлоран. Все остальное съела виари.

Моргая на остатки сапога, я потеряла драгоценное время: в гостиную вышел иртыхан.

— Вы забыли, эсса Ладэ, что попасть в мою квартиру проще, чем выйти.

Я подхватила с пола остатки сапога и запустила в него. Потом запустила вторым, сумкой, пальто и всем, чем попадалось под руку. Он уворачивался с той же легкостью, как если бы в гратхэнде против трехкратного чемпиона мира выставили какого-нибудь парня из школьной команды Танни. Когда снаряды закончились, сползла на полочку, где Халлоран расстегивал тогда еще живой замок, и разревелась. Не знаю, что на меня нашло: я никогда не плачу из-за всякой ерунды, но сейчас мне было до смерти жалко сапоги. Они и правда были совсем новые, и не сказать, чтобы я не могла позволить себе другую пару, но эти я любила. А еще мне ужасно не хватало мамы, к которой можно было нырнуть в объятия и забыть обо всем. Мапочки, которая так любила слушать, как я пою. Даже когда с работы приходила уставшая, а я наверняка служила ей лишним напоминанием об отце... Ни разу она не поставила это мне в упрек.

— Леона.

Меня заставили подняться, удивительно мягко. Поскольку я принялась колотить в иртхана наугад, прижали к себе — ровно настолько, чтобы хватало дыхания, но пошевелиться было невозможно. Исходящее от него тепло разительно отличалось от того испепеляющего огня, которым меня накрыло в кабинете, и от того холода, которым окатило перед ним. От этой смены чувств затрясло, как от прикосновения к оголенным проводам. Вопреки этому я затихла в его руках, позволяя крупной дрожи сотрясать все тело.

— Назначьте мне другого наставника. Я не стану с вами заниматься.

— У вас получилось.

От неожиданности подняла на него глаза.

— Что... у меня получилось?

— У вас получилось отдать приказ. Неосознанно.

У меня получилось отдать приказ? Ему?

Я даже перестала плакать, усиленно хлопая ресницами, чтобы прогнать остатки слез. Да, прелестно я, наверное, сейчас выгляжу, с красным носом и глазами, как у драконицы в гневе. Ой, а не наплевать ли. Перед кем мне тут красоваться, перед ним, что ли?

— Как? — уточнила я. Получилось со всхлипом.

Пришлось глубоко дышать, чтобы прогнать эти самые всхлипы и не начать икать, как Марр после сытного обеда.

Халлоран взял меня за подбородок, заставляя поднять голову и смотреть ему в глаза.

— Как я и говорил, вам удалось оставить эмоции в стороне.

— Невозможно, — решительно заявила я. — Я вас хотела придушить.

И до сих пор хочу.

— Понимаете, Леона, краткий миг, когда вы отпускаете чувства и от них отстраняетесь, — самое удачное время для приказа. Достаточно нескольких секунд, чтобы их использовать, и вам это удалось. Теперь будем учиться делать это осознанно.

— Никаких «будем». Я прошу... Нет, я требую назначить мне другого наставника. Немедленно.

— Требуете?

— Да.

— Чем же вам не угодил предыдущий?

Пальцы по-прежнему касались моего подбородка, и кожа под ними начинала гореть. Я оттолкнула его руку и тут же об этом пожалела: мое запястье перехватили, вжимая в себя. Прохлада ткани, тепло его кожи и тепло ладони поверх моей. И стук сердца — мощные, глухие удары —

понемногу ускоряющего ритм. Напрочь опровергающий теорию о его бессердечности.

— Он превратил мое первое занятие в пытку, хотя прекрасно знал, насколько для меня это важно.

— Отклоняется, потому что он добился результата.

— Он провел ритуал наставничества и заявил на меня свои права, когда я была невменяема.

— Вы забыли упомянуть, что в тот момент ваша жизнь висела на волоске.

— Но это не мешало ему предупредить меня о последствиях.

— А заодно составить договор с должным юридическим сопровождением, глядя, как ты выгораешь.

— Почему бы и не составить! Вы же обожаете договоры.

— Потому что все, о чем я мог тогда думать, — это как успеть, Леона. Как спасти тебя, пока я тебя не потерял.

От его голоса помутилось в глазах. От голоса или от последних слов, полоснувших по сердцу, пуская от него огненные реки?

— Ты хочешь договор на обучение? Мы его составим. Обговорим все пункты. Если нужно, завтра он будет готов.

— Завтра здесь не будет меня, — произнесла я.

Хотя сердце колотилось так, как никогда раньше.

Глупое сердце, которому внезапно сообщили, что Рэйнар обо мне... волновался? Беспокоился, сходил с ума, когда думал, что я могу сгореть.

— Будешь. — Рычание эхом зазвучало в самой глубине моего существа, и узоры на его груди вспыхнули так, что их стало видно даже через рубашку. — Я тебя не отпущу.

— Отпустишь, — сказала я. — Если не хочешь меня потерять.

Лицо его, привычно жесткое, стало еще более хищным. Моя ладонь горела так же, как родовая печать Рэйнара, или даже больше. А его скользнула по моей спине и затылку, сгребая свободно лежащие волосы в горсть. Удивительно нежно, невероятно нежно, пронзительно нежно. Он меня почти не удерживал, но там, где пальцы касались шеи, кожу пронзало электрическими разрядами. Болезненно-сладкими, горячими, на грани. Странная властная ласка длиной в миг, а потом тяжесть руки на прядях сменилась легкостью. По ладони побежал холодок — Халлоран шагнул назад, позволяя мне решать самой. Позволяя выбрать.

— Ты сводишь меня с ума, Леона. — Хриплый голос вливался в мое сознание откровеннее самого глубокого поцелуя. Смешивая наше дыхание еще до того, как мы соединим губы. — Ты. Твой голос. Твое пение. Твой

сумасшедший огонь, силу которого ты даже представить себе не можешь.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, звенела в ушах. Кончики пальцев, помнившие тепло его груди, покалывало от напряжения.

Мне стоило уйти. Мне нужно было уйти.

Но я не смогла.

— Так покажи мне.

Мгновение — невероятное, мучительно-долгое, мы просто смотрели друг на друга.

А потом шагнули, столкнувшись, как два смерча в пустошах. Не то он ворвался в меня поцелуем, не то я впилась исступленной лаской в безумно желанные губы. Халлоран подхватил меня на руки, на миг перед глазами потемнело, но лишь на миг — а после ввысь взметнулось пламя. Напоминающее размытый плазменный фонтан, сливающееся с яростным огнем мужчины, удерживающего меня на весу как пушинку. Я и представить себе не могла, что можно так целовать. Сливаясь воедино, подставляя горящие губы укусам и дразнящим ласкам языка. Растворяясь в другом без остатка, содрогаясь, когда на выдохе по губам бежит прохлада, и вновь окунаясь в этот жар. Всхлипывая от невозможности впитывать его всей кожей.

Впервые я чувствовала так распахнутым настезь сердцем. Вдыхала запах иртыхана — горячий, терпкий и горький, как ореховая настойка. Дышала им, и каждый шаг отдавался внутри меня эхом. Каждый шаг, пока мы поднимались вверх, когда он нес меня на руках. Каждое прикосновение и каждый сорванный между поцелуями вздох. И хриплый голос, обволакивающий горящее тело свежестью и мощью ураганного ветра, врывающегося в раскаленный воздух:

— Моя Леона. Моя. Огненная девочка.

Огненная. Я горела для него, горела, как в ту ночь, и мир перед глазами менялся, подергиваясь знойной дымкой. Эта мысль обожгла, напугала, отрезвила — что будет, если магия вырвется снова? Испуганно распахнула ресницы и встретила взгляд алых глаз. Вертикальный зрачок превратился в тонкую стальную нить, рассекая радужку на две половины. Содрогнувшись — то ли от страха, то ли от возбуждения, напряглась. Словно прочитав мои мысли, Халлоран произнес:

— Это огни, Леона. Им нужно узнать друг друга.

— Так всегда бывает?

— Только в первый раз. Не бойся. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

В близости как на костре...

И все же я не отказалась бы ни от мгновения того, что испытывала сейчас. Положила руки ему на грудь. Широкою, мощною, на которой все ярче пламенела родовая роспись. Медленно провела пальцами ниже, впитывая каждый миг, каждый взгляд, каждый хриплый вздох, подаренный мне. Мне... Не только я горела сейчас, он горел тоже, вместе со мной.

Из-за меня.

Какая же опасно-сладкая мысль.

Туфли потерялись еще где-то внизу, поэтому, когда пятки защекотал густой ворс ковра, всхлипнула от смены ощущений. Но Халлоран ни на минуту не выпускал меня из объятий. Даже сейчас, когда мы стояли друг напротив друга, прижимал к себе, продолжая целовать неистово, страстно и... нежно. Наверное, именно эта странная, даже пугающая нежность от этого невыносимого мужчины заставила меня полностью потеряться в том, что я чувствовала сейчас. Даже огни схлынули, отступили на второй план.

И в том, как меня развернули к себе спиной, и в том, как скользнули пальцами по шее, убирая волосы, было что-то проникновенно-интимное. Горячее самой откровенной и бесстыдной ласки.

Молния поддалась. Платье раскрылось бутонем, упало к моим ногам, и я вышла из него, как из теплых морских волн на неизвестный берег. Ладони Халлорана коснулись обнаженных плеч, скользнули к ключицам, выписывая узоры на моем теле. Если бы под ними сейчас загорелась роспись, я бы не удивилась: такой обжигающе-тонкой была эта игра.

Подалась назад, вжимаясь ягодицами в сильные бедра. Хриплое рычание огнем прокатилось по коже, срывая стон с моих губ. Подчиняясь дикому чувству, вывернулась и отступила на несколько шагов. Позволяя себе насладиться темнеющим от расширившегося зрачка пламенем. На краю сознания мелькнула мысль, что белье стоило своих денег, а спустя мгновение я уже оказалась на постели. Распластанная сильным телом по прохладе покрывала, с заведенными над головой руками.

Голова кружилась. Сладко. От сметающей все на своем пути силы, с которой меня швырнули на кровать. От жесткого захвата, от ощущения твердеющего желания, упирающегося в бедро.

Медленно развела ноги, сгибая в коленях и позволяя ему почувствовать себя.

Подчиняться и одновременно чувствовать свою власть. Как же это заводит...

— Нравится меня дразнить? — Горловое рычание прокатилось от кончиков пальцев до корней волос, заставив драконицу отозваться на этот призыв так яростно, что стало невмоготу.

От невозможности коснуться мощной груди, повторяя узоры в короткой ласке. От желания ловить губами его хриплые стоны. Снова и снова.

— Да, — прошептала ему в лицо.

Контраст горячего дыхания и стремительно тающей подо мной прохлады.

Вздрыгнула, когда он скользнул телом по телу. По обнаженной коже — шелком рубашки, коленом между бедер. Издевательски-ласково коснулся ключиц языком, чтобы спустя миг ожечь коротким укусом.

Цветы поцелуев раскрывались один за другим, заставляя вздрагивать и выгибаться — насколько мне позволяли. До той поры, пока губы не сомкнулись на напряженном соске, а в груди не кончился воздух. Вернувшийся горячим, как плазма, и таким же густым. Халлоран медленно втянул в себя сосок вместе с тончайшим кружевом, играя тугой горошиной поверх белья. Поглаживая плененные запястья подушечками пальцев.

Сердце билось рваными ударами, через раз. Грудь высоко вздымалась, и тогда сосок вжимался в его рот, заставляя выгибаться и еще сильнее тянуться к Халлорану. Но самую большую ошибку я допустила, когда посмотрела в его глаза. В свое хмельное отражение — перед тем как иртыхан на миг отстранился, чтобы опуститься ниже.

И все. Меня не стало.

Меня без него, остались только мы.

Внутренняя поверхность бедер горела от поцелуев-укусов. Зыбкое марево перед глазами раскалилось докрасна, вплетая в ослепительный солнечный свет алые сполохи. Особенно в миг, когда его пальцы сдвинули кружево белья в сторону, а губы коснулись самого чувствительного местечка. Не сразу поняла, что цепляюсь за покрывало по-прежнему заведенными над головой руками, хотя он их давно не держал.

Кусала губы, чтобы не кричать, дыхание вырывалось стонами, а движения языка отдавались дрожью в звенящем, как струна, теле.

— Рэйнар, — сдавленно прошептала я.

И дернулась, как от удара, — таким диким был его взгляд, когда наши глаза встретились.

— Повтори. — Негромкий приказ.

— Рэйнар, — произнесла, прошептала, выдохнула.

Всей грудью, как последнее слово песни.

Меня с рычанием вздернули ввысь, притянули к себе с яростью урагана, готового сокрушить любую высотку в металлические лохмотья, но почему-то бережно удерживающего на лету маленькую драконицу с едва

расправившимися крыльями. Мы смотрели друг на друга, сливались воедино еще тогда, когда мои пальцы путались в его ремне. Когда я расстегивала на нем брюки, не отрываясь, выпивая его судорожный выдох до дна и скользя ладонью по напряженному средоточию мужской силы.

Чувствуя свой вкус на губах Халлорана, обвила руками сильные плечи и шире развела бедра.

— Леона, — хрипло произнес он, рождая странную вибрацию в каждой частице меня, заставляя дуреть еще больше. И повторил, жестко и горячо: — Моя.

И я действительно была его.

Еще раньше, чем одно движение его бедер объединило огненные вихри во взметнувшийся ввысь столп. Меня выгнуло дугой в кольце его рук, дыхание перехватило. От сильных движений, от сладостной боли и наслаждения. Оно накатывало волнами, одна за другой, и волны эти с шипением бились о раскаленные скалы там, где соединялись наши тела. Медленно, пока я стояла над ним на коленях, и сумасшедше, отчаянно, остро, когда меня уложили на спину.

Из груди рвалось его имя, певуче-рычащее, от выжигающего смерча темнело перед глазами. От падения или полета, которые, по сути, продолжают друг друга. От сжимающих бедра пальцев, от содрогающихся под моими ногтями стальных мышц спины. От огней, слитых воедино, неразделимо и яростно. И мощной пульсации внутри, растекающейся по телу сладкими судорогами, от его стоны, прокатившегося по комнате звучным выдохом. Одним на двоих.

Вот теперь я падала, но в его руках это было совсем не страшно.

Странное, неведомое чувство, имя которому доверие, разделило мир на до и после.

Тишина, в которой бились два сердца.

И тающая дымка огней, не желающих разделяться надвое. Цепляющихся друг за друга прощальными язычками пламени.

Вздрогнула от болезненно-сладких ощущений, когда Рэйнар меня освободил, но тут же снова оказалась в его объятиях. Так просто было лежать, покачиваясь в невесомой паутине над пропастью, разверзшейся под нами. И так страшно повернуться, чтобы увидеть в его глазах... что? Наверное, так и не решилась бы, если бы не его жест. Халлоран пропустил между пальцами прядь моих волос. Позволил ей скользнуть на грудь, рядом с кружевной чашечкой, прикрывая сосок.

— Что? — спросила я, встречая по-прежнему темный взгляд.

Отголоски пламени в нем стремительно таяли, уступая место

природному цвету. Но человек так смотреть не может — в самое сердце или даже глубже, взывая к звериной сути, которой меня наградила кровь иртыханов. Не было в этом взгляде ни равнодушия, ни холодной отчужденности, столь свойственных местру Халлорану. А только внимание и еще — незаданный вопрос, суть которого навсегда останется с ним. Навалилась приятная усталость, истома, в объятия которой хотелось скользнуть немедленно. Закрывать глаза и раствориться в послевкусии нашей ошеломительной близости.

— Видела бы ты себя сейчас. — Он повторил пальцами изгиб моих бровей.

Коротким, едва уловимым касанием.

Ну да, учитывая, что на мне только верх от белья, а тело до сих пор помнит сумасшедший оргазм, выгляжу я... неоднозначно.

Особенно в глазах дракона-собственника.

— Мне достаточно видеть тебя.

Дотронулась до его губ, очертила резкую линию подбородка.

Мне и правда было этого достаточно.

ГЛАВА 16

В душе я провозилась чуть дольше, чем рассчитывала. Точнее, туда я просто сбежала, чтобы понять, что мне делать дальше и как себя вести. К счастью, в пентхаусе Халлорана было две спальни и две ваннные комнаты, поэтому мне удалось отвоевать себе личную. Не представляю, чем закончились бы наши совместные водные процедуры... точнее, хорошо представляю. Это меня и заставило шустро слинять в гордом одиночестве. Судя по выражению лица, с которым меня отпустили, его иртвамство было очень недоволено. Но все-таки не стало настаивать, из чего я сделала вывод, что он небезнадежен. Зато теперь мне предстояло решить гораздо более серьезную проблему: так ли безнадежна я, как кажется на первый взгляд.

Мне никогда не было так отчаянно, так умопомрачительно хорошо. Дело было не только в огнях — совпадение огней, которые связали нас воедино, говорило только о том, что наша магия приняла друг друга. Таких совпадений может быть море, а вот огонек, который горит в моем сердце, один. Пока еще крохотный, но весьма ощутимый, заставивший меня наболтать в кабинете небо знает что. Но, если быть до конца честной, у меня не получалось оставаться равнодушной к этому невыносимому мужчине со дня самой первой встречи. И сейчас это пугало.

Все, что нас связывает, дальше этой спальни не пойдет. Все, что здесь произошло, здесь и останется. И так будет всегда.

Вопрос только в том, готова ли я к этому.

В очередной раз проводя ладонью под автоматической панелью подачи геля для душа, всерьез задумалась, что скоро останусь без кожи. Да и потом сидеть тут вечно не получится, тем более что надо возвращаться к занятиям. Кстати о занятиях, я так и не решила, хочу ли я продолжать заниматься с Рэйнаром. Не уверена, что рядом с ним смогу сосредоточиться на академических знаниях. А мне нужно! Нужно хотя бы для того, чтобы не пугаться всякий раз, когда мою кровь воспаляет магия.

Выключила воду, как следует вытерлась мягким полотенцем и завернулась в темно-синий халат, который мне любезно предоставили. Халат был размером на иртваха, поэтому я в нем утонула. Пах он свежестью и морем, что не могло не радовать. Один намек на терпкую горчинку, обволакивающую тело невесомым шлейфом, заставил кожу

покрыться мурашками. Вместе с мурашками я шагнула обратно в спальню и наткнулась на его иртхамство во всей красе. К счастью, нижняя часть красы была завернута в полотенце, но мне хватило и того, что есть.

Слегка влажные после душа волосы потемнели еще сильнее, на обнаженной коже блестели капельки воды. Поклясться могу, он это нарочно сделал, потому что его полотенца вытирают насухо. Я проверяла! Подавив желание запахнуть халат поглубже, невинно поинтересовалась:

— Я смогу переодеться без посторонних глаз?

— Нет, — сказала вконец обнаглевшее драконище и сверкнуло глазами так, что по сравнению с ними лучи Лаувайс показались карманными фонариками.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Ну и ладно. Сам напросился.

Позволив халату сползти на пол, направилась к кровати, где оставила белье и найденное на полу платье. Пока одевалась, чувствовала на себе жадный, горячий взгляд, но старательно делала вид, что меня это не волнует. Да и с чего мне вообще волноваться. Разве что от того, как легко скользнули сильные пальцы по моим. Едва касаясь застежки белья, помогая с ней справиться. Кожа на спине снова покрылась мурашками, а по телу прошла дрожь.

Более-менее сносно я себя почувствовала, когда запаковалась в платье, — кто, спрашивается, просил меня его надевать? Помощь Халлорана чуть было не закончилась катастрофой, когда его ладони вернули воспоминание о первом прикосновении к шее. Словно мы прокручивали все случившееся в обратном порядке, только теперь он меня одевал. Вытряхнула шевелюру из бархатной резинки, позволяя волосам рассыпаться по плечам.

К счастью для меня, иртхан одевался быстро и без церемоний. Я же предпочла устроиться у окна, разглядывая низвергающийся вниз каскад окон. Стекла и металл сверкали под лучами солнца так, что резало глаза. От Гельеры поднимался туман, словно солнце упало в воду. Из-за стелющегося над заливом полупрозрачного марева создавалось ощущение нереальности происходящего.

Ну вот и что дальше, спрашивается?

— Леона. — Руки иртхана легли мне на плечи, разворачивая. — Пойдем. Пообедаем и вернемся к занятиям.

Как же у него все просто.

— Ты по-прежнему собираешься меня обучать?

Никогда не могла представить, что такое возможно: только что передо мной был один мужчина, который мгновенно преобразился. Зеленые глаза заледенели.

— Ты не передумала?

Под таким взглядом мне захотелось раствориться или по меньшей мере слиться со стеной.

— Я не уверена, что смогу заниматься с тобой.

— Почему? — жестко спросил он.

Потому что я не знаю, что будет дальше. Не представляю.

— Потому что мой огонь тянется к твоему при малейшем сквознячке. Потому что, когда я рядом с тобой, я не могу сосредоточиться.

— Значит, будешь учиться еще и этому.

Ну вот и как с ним разговаривать?

— Ты же можешь назначить мне преподавателя из Академии.

— Могу, но не стану.

— Неужели это так принципиально? Я смогу заниматься в будние дни. Так будет даже удобнее.

— Обучать тебя буду я. Это не обсуждается.

М-да, кажется, насчет небезнадежности я поторопилась.

Очевидно, мой взгляд был чересчур говорящим, потому что Халлоран еще сильнее потемнел лицом.

— Я уже говорил, что у тебя очень сильная кровь. Не хочу, чтобы об этом стало известно.

— Ну разумеется. Сильная кровь у девочки из низов — это скандал.

Особенно очень сильная. Если где-то в Рагране мой папаша сейчас икает на важном совещании, так ему и надо.

Иртхан грозно прищурился.

— Это первое, что пришло тебе в голову?

А также второе, третье и четвертое.

— Я не хочу, чтобы об этом знали, потому что ты — моя женщина, Леона.

Я? Его? Кто?

Слегка обалдевшая от такой незамутненной наглости, я уже почти позволила увести себя на лестницу, когда ко мне внезапно и с фанфарами вернулся дар речи.

— А меня ты спросить не забыл? — поинтересовалась я, даже не стараясь унять язвительность в голосе.

— О чем?

Действительно, о чем?

— О том, хочу ли я быть твоей женщиной.

Напряглась, готовясь сражаться, но рука, поддерживающая меня за талию, не окаменела. А голос его звучал по-прежнему ровно и даже вкрадчиво.

— Я и так это знаю.

Ну обалдеть!

Понимая, что до кухни из меня не вырвется ничего цензурного, я предпочла помолчать. Только окинула взглядом «поле боя», когда мы шли через гостиную: пальто, сапог и остатки второго валялись тут и там. У раскрывшейся сумки был отъедена одна ручка, а с дивана на меня немигающим взглядом взирала Эрристарна Менгар Лоргхен Третья. Потомственная аристократка уже не помню в каком поколении, не озабоченная манерами от слова совсем. Я прикрыла глаза и мысленно застонала, понимая, что такими темпами лишусь всего, что не на мне. Хорошо, если не лишусь того, что на мне вместе с конечностями — как-то кровожадно виари облизнулась.

Ну ладно, пигалица белая, война — значит, война!

Только с хозяином твоим для начала разберусь.

— Эрри. А ну иди сюда.

Голос Халлорана прозвучал так, что виари прижала уши. Но все-таки спрыгнула и подошла.

— Ты что устроила?

Так директор школы мог разговаривать с отличницей, которая нарисовала карикатуру на учительницу и вывесила на самом видном месте. И да, отличница смотрела бы так же — со слезой в больших «невинных» глазах. Ошейника на ней не было, поэтому Халлоран не поленился прогуляться до сапога и сумки и выразительно на них указать. Он ни слова больше не сказал, но Эрри поджала хвост, ушла в угол и свернулась клубочком. При этом она так печально вздыхала, что мне даже воевать расхотелось.

Рэйнар с невозмутимым видом устроил пальто и пострадавшую сумку на диване, после чего вернулся ко мне.

— Пойдем.

Да, с хозяином Эрри куда сложнее: он накрывал на стол как ни в чем не бывало. Словно между нами только что не произошло весьма сомнительного разговора, закончившегося ничем. Негромко кашлянула, а когда Халлоран наконец соизволил на меня посмотреть, приподняла бровь.

— Леона, твой огонь все сказал за тебя.

— Мой огонь сказал только, что у меня от тебя сносит крышу. Это и

правда так, но...

— Сочетание и слияние — разные вещи. Если огни сочетаются, это еще не значит, что они способны объединиться.

Вот тут я искренне обрадовалась, что ничего не жую, потому что иначе подавилась бы точно. Таких тонкостей в материалах Рингисхарра не нашлось, ну или я читала невнимательно. Или одно самоуверенное драконище, не будем показывать пальцем, это только что сочинило. Очевидно, скепсис в моем взгляде отразился с лихвой, потому что Халлоран продолжил:

— Насколько ты знаешь, мы произошли от драконов. Изначально их магия очень капризна и своенравна, она не приемлет себе подобную. Именно поэтому у драконов одна пара на всю жизнь: если уж приняли магию друг друга, разорвать это невозможно.

Рука потянулась что-нибудь разбить, желательно о его голову. Но что-то подсказывало, что после этого он говорить не сможет. Или не захочет.

— Рэйнар, — вкрадчиво спросила я, — тебе не кажется, что об этом стоило рассказать мне до, а не после?

Он оперся ладонями о стол, сдвинув приборы, и подался ко мне. Лицом к лицу.

— У иртханов все иначе.

Спасибо, успокоил.

— Ты сказал, что сочетание и слияние огней — разные вещи, — напомнила я.

Как-то живенько захотелось восполнить пробел в этой области, и не на примере драконов.

— Верно. Если у нас сочетаются огни, это важно, но, если огни сливаются — что бывает крайне редко, — это признак, что иртханы готовы принять друг друга как пару. Особенно важную роль они приобретают в момент первой близости, поэтому к ней мы подходим с осторожностью. Если такое случится с девственниками, существует вероятность, что никто из них уже не признает другого.

Очаровательно. Но меня определенно радует, что мой момент «первой близости» остался в далеком прошлом.

— А если не первой?

— Все проходит немного спокойнее.

— Немного?!

Насколько немного? То есть теперь я на других мужчин все-таки смогу смотреть, но только одним глазом?

— Злишься? — неожиданно хрипло спросил он, скользнув пальцами

по моей щеке.

Я отпрянула: слишком велико было искушение треснуть его чем-нибудь тяжелым. Например, керамической тарелкой, не уступающей по весу легкой гантельке.

— Злишься, — самодовольно заключил этот невыносимый иртвахан. — Моя непокорная драконица.

— Размечтался!

Он прищурился.

— Я же говорю — непокорная. Тем приятнее будет тебя приручать.

И коснулась губами губ — так, что опомниться не успела, из меня сразу весь воздух выбило, а сердце ускорило бег. Приручить? Ах ты... Я мстительно цапнула его за губу, почувствовала вкус крови, услышала глухое рычание, перетекающее в мой выдох, и захлебнулась стоном. От рук по спине побежал жар, а от того, как он облизнулся, коснувшись свежей ранки кончиком языка, в глазах потемнело. В этом и правда было что-то звериное, в том, с какой силой меня к нему влекло. В том, как отчаянно он утверждал свою власть надо мной. Может статься, в иртваханах гораздо больше от драконов, чем я всегда считала. Сейчас же только смотрела ему в лицо, пытаюсь отдышаться.

— Сдаешься, Леона?

— И не подумаю! Не собираюсь я становиться женщиной драконица, который не признает личных границ.

— Личных границ?

— Личных. Границ.

Глаза Рэйнара опасно сверкнули, я успела только вывернуться из-под опоры его рук, когда телефон иртвахана разразился оглушительной трелью. Не раз поражалась тому, как быстро меняется его лицо и взгляд, но сейчас это меня напугало. Холодная сосредоточенность, жесткость и металл в голосе. Металл, бьющийся о металл.

— Да. Пять минут. Вызови Приста. — Особенно страшно прозвучало последнее, когда он отвернулся, словно отгородившись от меня. — Ее нужно увезти так, чтобы никто не увидел. Сам знаешь, что здесь будет твориться.

Спустя миг ко мне повернулся уже совсем другой мужчина. Тот, что умело отдавал приказы, тот, кого я видела по визору. Но никак не тот, в чьих объятиях я сгорала от объединившего нас огня. Умом я понимала, что это один и тот же человек, но сплавить два образа воедино пока не получалось.

— Поступил сигнал со смотровых башен, — коротко сказал он.

И от того, как он это сказал, мое сердце ухнуло вниз.

— Налет?

— Пока неизвестно, драконы только вышли из-за гор.

— Но Лаувайс...

— С Лаувайс все в порядке. — Голос Рэйнара смягчился. — Здесь что-то другое, я разберусь. Мне нужно собраться и тебе тоже. Валентен отвезет тебя домой.

Я не успела ничего сказать, даже коснуться его руки, так стремительно он вышел из кухни. Ошарашенная, растерянная, перевела взгляд на накрытый стол, за которым мы собирались обедать, и вылетела в гостиную. Собираться в общем-то было недолго: только накинуть пальто, натянуть сапог... сбросить сапог, заметаться в поисках туфель, стараясь не выронить сумку, лишившуюся ручки. И тут меня накрыло, припечатало с силой убийственной волны: Танни!

Я выхватила телефон и набрала номер сестры. Но она не отвечала, и тогда я, чувствуя, как холодеют руки, подошла к окну. Отсюда хорошо просматривалась Гельера и город, но пустоши не было видно. Так же как и гряды гор, и смотровых башен, и тех, кто должен был вскоре появиться. Но разве Рэйнару обязательно ехать туда лично?

Набрала снова, Танни опять не ответила.

— Леона! Наверх.

Приказ Халлорана заставил вздрогнуть. Он успел переодеться и в серебристо-стальном костюме возвышался на лестнице. Совсем упустила момент, когда Норгхар появился в квартире. И почему сразу на втором этаже? Ладно хоть в ступор не впала, метнулась к лестнице, за что заработала уважительный взгляд начальника службы безопасности. А еще его молодого сотрудника, принадлежность которого к профессии однозначно определялась наличием гарнитуры и сосредоточенного внимательного взгляда.

— Отвечаешь головой, — коротко бросил Халлоран и кивнул в мою сторону.

Норгхар кивнул в ответ и мягко удержал меня, когда я бросилась было к Рэйнару.

— Эсса Ладэ, мы ждем.

Дважды повторять не пришлось, я застыла, провожая взглядом удаляющегося ирхана. Не знаю, что я хотела сделать — поцеловать, обнять, сказать — что? Сердце билось о ребра, как птица о прутья клетки. Халлоран ни разу не обернулся, но я и не ждала. Именно сейчас, в этот миг, осознала, насколько мой мир далек от его. Мир политика, лидера,

правлящего, в чьих руках сосредоточена не только власть, но и судьба миллионов людей.

— Сейчас репортеры схлынут, и мы выйдем, — сказал мой сопровождающий. — Эсстерда Приста уже оповестили, он на подлете.

Нашла в себе силы только кивнуть.

— Они быстрее драконов, — весело сообщил молодой человек.

— Кто?

— Журналисты. Смотрите.

Достал мобильный и включил онлайн-канал. Подозреваю, что по всем каналам сейчас транслировалось примерно одно и то же. Но то, что увидела я, заставило сердце болезненно сжаться: Халлоран шел через высотную стоянку к чередере серебристо-стальных флайсов в сопровождении охраны. Ни разу не видела столько охраны вживую. Конечно, сейчас это было через дисплей мобильного, но происходило в двух шагах от меня. Над моей головой. Осаждавшие Рэйнара журналисты напоминали виаров, кружащих над разъяренным драконом. Норгхар и телохранители едва успевали с ними справляться.

— Два слова, местр Халлоран!

— Пожалуйста, как вы можете объяснить...

— Никаких комментариев до выяснения обстоятельств.

Он как раз садился во флайс, быстрый, стремительно-неумолимый, когда сменился кадр — видимо, переключились между камерами.

— Вот же пустынные, — выругался парень.

Но как-то беззлобно.

Я же широко раскрытыми глазами смотрела на дисплей — прямо в глаза Рэйнару, словно мы могли увидеть друг друга через зрачок камеры, как на видеосвязи. А потом дверца флайса пошла вниз, отрезая его от меня. Серебристый вихрь взвился в воздух, унося Халлорана к пустошам.

— Не волнуйтесь. — Парень улыбнулся. — Им тут больше нечего делать. Сейчас они разойдутся, и я позвоню эсстерду Присту, чтобы он нас подобрал. Доставим домой в лучшем виде.

— У меня сестра не отвечает, — тихо сообщила я.

— Старшая?

— Младшая. Пятнадцать лет.

— С подростками это бывает, у меня брата вечно не выловишь.

Я улыбнулась, но в этот миг в город ворвался тонкий нарастающий вой. Предупреждающая сирена, первый уровень. Драконы добрались до границы пустоши.

Мы летели по верхней аэромагистрале, поэтому разглядеть, что творится внизу, не представлялось возможным. Равно как и углядеть что-то за окнами в сплошном мельтешении — трасса была пуста, но виды сливались в смазанный фон. С такой скоростью мне передвигаться еще не приходилось, но сейчас я думала о Танни, которая не ответила. И о Рэйнаре, который отправился в пустоши. По-хорошему его присутствие там не требовалось, иртыханы-аристократы все поголовно военнообязанные. Вальцгарды — стоящие на защите города. В таких ситуациях именно они выступают единым строем, но, если он отправился сам, значит, там что-то серьезное?

К счастью, ни Валентен, ни мой сопровождающий не пытались меня разговорить. В вакуумном мирке салона, за глухо запечатанными дверями, был еле слышен только тонкий вой сирены, в который частенько вклинивались доносящиеся снизу гудки флайсов, похожие на писк. Стоило нам опуститься на стоянку, как я сорвалась с места, к лифтам, пока еще смутно представляя, что буду делать, если Танни не окажется на дома. Молодой человек проводил меня до квартиры, но, только распрощавшись с ним и влетев в дверь, как тайфун, поняла, что стоило попросить его остаться. Он ведь мог помочь мне в поисках сестры!

— Танни!

Навстречу мне выбежал Марр — точнее, вылетел со второго этажа. Взъерошенный, со стоящей дыбом коротенькой шерстью, он увеличился в размерах и стал похож на грозный шарик. Виар не рычал, скорее подпрыгивал и заглядывал в глаза, но сейчас я едва потрепала его по голове и бросилась наверх. Чтобы обнаружить сестру кверху попой на постели. В наушниках, из которых неслись такие мощные басы, что я услышала их, едва распахнув дверь в ее комнату. Она что-то рисовала в планшете и, разумеется, не слышала ни телефона, ни сирен.

Драконы меня раздери! Сама же просила ее слушать музыку только в наушниках.

А она в кои-то веки послушалась.

— Танни! — сдернула с ее головы наушники так, что сестра подпрыгнула.

Уставилась на меня офигевшим взглядом, а потом к ней вернулись зачатки нормального слуха. Сестрица выругалась и спросила внезапно севшим голосом:

— Леа, это что... налет?

— Они не вышли из-за границ пустоши.

— Но они ни разу не совались так близко! А если сейчас врубят второй

уровень?

Второй уровень более громкий и надрывный, им можно мертвого поднять. Что само по себе неплохо, это означает экстренную эвакуацию в подземки. В каждом доме есть лифт или лестница, уводящие на минусовые этажи. Различать звучания сирены нас учат со школьных лет, это основа техники безопасности, иногда их включали во время учений по гражданской обороне. Но в этой же самой школе на уроках истории нас учат, что Аронгара стоит незыблемо и что не было ни одного налета в Мэйстоне после прихода династии Халлоранов.

Меня вдруг накрыло осознанием, что вот она, Танни, сидит передо мной и хлопает круглыми глазами. У ног с порывиванием трется Марр, но я все равно не могу успокоиться.

Руки холодеют все больше, сердце бьется все чаще.

— Драконам не попасть в город, пока Лаувайс их держит.

— Откуда ты знаешь, что там не полетела защита? — Танни была реально напугана.

— Знаю.

Тогда почему меня так потряхивает?

— Чтоб их! — Сестрица подскочила. — Включи визор, а я пока наберу Имери. Они же там живут.

И правда, наш бывший район был гораздо ближе к пустошам. Скромнее, беднее, грязнее, но именно там Танни подружилась с Имери, они играли в одном дворе еще совсем маленькими, когда мама была жива.

Сомневаясь, что услышу по визору что-нибудь интересное, все-таки спустилась вниз и щелкнула пультом. Но смотреть не осталась — мне просто нужно было чем-то себя занять. Поэтому я направилась на кухню готовить кофе и панкейки. Расколошматив пару яиц мимо миски, решила бросить это занятие. Положила Марру еды, но он даже не взглянул в ее сторону. Плюхнулся на зад, вытянул морду и завыл.

Надрывно, тревожно, с тоской.

Тогда я опустилась рядом с ним на колени, погладила горячие лапы.

И запела.

Для Марра, для того, кто отправился в пустоши. И самую малость для себя.

Этот мир без тебя, детка,
Словно злая тюрьма.
Обними меня крепко... крепко
Или дай мне сойти с ума.

Уверенность вливалась в меня со словами знакомой песни, как привычный выход на сцену. Спокойствие текло через мой голос, разбавляя непрерывный вой сирен. Марр затих, глядя мне в глаза, только хвостом колошматил по полу. Все тише, тише и тише, и тем быстрее набирала силу решимость. Странная решимость, суть которой осознать я пока не могла, но заключалась она где-то на грани слов: «Я — твоя женщина, а ты — мой мужчина».

Там, где выжженный камень крошится,
Там, где море идет волной,
Целуй меня жадно... хороший мой,
Оттолкни или будь со мной.

Виар тяжело вздохнул, выпустил струйки пара через нос и положил морду мне на плечо. Я же продолжала поглаживать его по голове, по лишенным шерстинок костяным наростам. Горячим из-за обтягивающей их грубой кожи с тонкими чешуйками.

— Охренеть! Гляди!

Подскочила и обернулась — Танни совала мне под нос телефон на прямой связи с Имери. Подростки забрались на крышу и, разумеется, снимали все на видео, а заодно и показывали нам. Отсюда было видно очень хорошо: гряда гор, перед ними — цепочка сторожевых башен, над которыми в лучах солнца кружат темные, мощные силуэты, выпускающие фонтаны огня. Мельтешение флайсов, гудки, какая-то ругань и крики. Упоминания вальцгардов и просто иртеханов, проклятия. Вот-вот начнется паника, если это не прекратить.

— Фигасе! — взвыл какой-то парень за кадром, когда один из драконов спикировал вниз.

Присмотрелась: драконы действительно раздражены. Крылья вспарывают воздух, лапы хищно расправлены, шипастые хвосты дергаются в стороны даже на лету. Но в город им не попасть — они словно натыкались на невидимую преграду. Некоторые струи огня достигали воды и с шипением вспенивали море. Я знала, что Лаувайс в порядке, но все равно становилось не по себе. Их было не меньше двух десятков. Не меньше двадцати хищников с зубами в мой рост и когтями-лезвиями. Хищников, щедро поливающих землю огнем. Такое мы раньше видели

только в кино или на уроках истории на голограммах.

А между тем мама пережила самый настоящий налет.

Сквозь шум подростки принялись переговариваться:

— Да они там пожгут все к фигам!

Чтобы слышать друг друга из-за шума сирены и творящейся вокруг неразберихи, приходилось кричать.

— Не пожгут, вальцгарды на месте! А еще сам Халлоран.

— Сунется он туда, как же. Для вида появится и сбежит в подземку Лаувайс.

Тут я почувствовала себя как-то странно, потому что мне захотелось приложить придурка обо что-нибудь головой. Все-таки мы с Танни похожи больше, чем мне кажется.

— Заткнись, Бакстон!

— А чего?

— А ничего! Не трепись о том, о чем понятия не имеешь.

После этих слов я зауважала Имери еще больше.

— Зато ты имеешь!

— Имери, эй, Имери...

Слушать перепалку я не стала. Оставив Танни на кухне на прямой связи, увлекла Марра за собой в гостиную. Везде и правда показывали одно и то же: полыхающие пустоши на границе с городом. Менялись только лица репортеров и эмблемы каналов. А еще голоса — резкие, сильные, бодрые, но взвинченные. В каждом из них притаился страх, так же как в сосредоточенных на камеру лицах.

Мысли металась в голове как-то слишком бессвязно, поэтому я зацепилась за одну.

Рэйнар — там, а значит, все будет хорошо. С ним все будет хорошо, и все будет хорошо с Мэйстоном.

Неосознанно щелкнула пультом и вместо привычного пейзажа увидела роскошно обставленную гостиную. Современную, просторную, в кремовых тонах. Отличал ее разве что камин и тяжелая деревянная мебель, говорящая о примерной стоимости обстановки. На диванчике сидела мистрис Халлоран, а рядом с ней — Ирргалия. Обе в довольно строгих платьях, тем не менее не отменявших присутствия этим дамам лоска. Судя по всему, репортерам удалось прорваться в родовой замок Халлоранов. Или же их туда пригласили специально.

— Как вы относитесь к тому, что ваш сын рискует собой?

В кресле напротив сидела молодая журналистка. Жгучая брюнетка с резкими чертами лица.

— Мой сын, — местра Халлоран приподняла идеальные брови, — никогда не прятался за спинами других, и я уважаю его решение. Он обучался в Академии, как и все, кто сейчас находится в пустошах. Думаю, не стоит объяснять, что его сила поможет решить все гораздо быстрее.

— У вас есть предположения, почему это произошло?

— Я не могу давать никаких комментариев по поводу происходящего, — бесконечно терпеливо пояснила Аргастель. — Завтра состоится пресс-конференция, на которой вы сможете задать все интересующие вас вопросы главе города.

Она нарочно сделала акцент на последних словах, как бы отделяя себя от политики невидимой преградой.

Почему-то я не могла оторваться от экрана. То ли потому, что так чувствовала себя ближе к Рэйнару — это дом, где он родился и вырос, где бегал совсем маленьким и постигал азы магии иррханов. То ли потому, что отчетливо понимала: этому дому никогда не стать моим. Нас разделяет пропасть величиной с пустоши. Меня и правящих... всех, кроме одного.

— Сделаю это с удовольствием. Местрель Стоунвилл — Журналистка повернулась к Ирргалии. — А как вы можете прокомментировать происходящее? Мэйстону будет интересно услышать мнение из Флангстона.

— Мы сейчас не во Флангстоне. — Ирргалия царственно улыбнулась, и ее улыбка отразилась тенью на губах задавшей вопрос. — Но если бы я была далеко отсюда, сказала бы то же что и сейчас.

Она посмотрела прямо на меня, точнее, прямо в камеру. И во взгляде этом не было ни капли высокомерия, которым меня окатило на юбилее. Разве что уверенность королевы, которая вот-вот взойдет на престол.

— Нам не о чем волноваться. И вам тоже. Мэйстон в надежных руках.

— Спасибо, с вами...

Я не стала смотреть дальше. Выключила визор и прислушалась: Танни на кухне продолжала оживленно болтать с Имери. Марр задремал рядом, только кончик хвоста подрагивал, изредка постукивая по полу мощными шипами. Я улыбнулась ему и осторожно, чтобы не разбудить, поднялась.

На крышу выбиралась редко, но сейчас был тот самый случай. Скоростной подъем на лифте, несколько метров до лестницы — и вот уже распахнутое в небо окно приняло меня в прохладные объятия. Отсюда было не видно пустошей: Мэйстон сомкнул цепкие стальные ладони вокруг нашего дома. Тонкие нити солнечных лучей пронизывали остовы башен, сигналившие флайсы. Отражались от стекол и дисплеев мобильных короткими искрящими вспышками. Народу на крыше было несказанно

много, и даже стоял сосед. Тучный Бариго Лансаро, который обещал пожаловаться на нас с Танни за шум. Сейчас этот мужчина совсем не выглядел грозным, скорее напуганным. Втянув голову в мясистые плечи, покосился на меня и спросил:

— Если они сунутся в город, набла с два я поддержу его на следующих выборах.

— Не сунутся, — сказала я.

И отвернулась.

Словно в подтверждение моих слов смолкла сирена. Эхо, что протяжным воплем металось между растопыренными иглами, затихло вдали.

Лансаро потоптался немного рядом, словно раздумывая, не продолжить ли разговор о политике и случившемся, но все-таки ушел. А я все стояла, подставляя лицо сумасбродному ветру. Смотрела в сторону Лаувайс и думала.

О том, что узнала.

О том, сколько мне еще предстоит узнать.

О том, что дракон никогда не нападет без причины.

О том, что он выбирает себе пару один раз и на всю жизнь.

Можно бояться его непререкаемой силы. Сокрушающей, выжигающей, властной.

Но его нельзя не любить.

Стихи в романе принадлежат Марине Кузиной.

notes

Примечания

1

Самка дракона! — *Здесь*: сленг, ругательство. — *Здесь и далее* примеч. авт.

2

Телевизионное подростковое шоу, которое транслируют по молодежному каналу Аронгары.

3

Сироп из сока камартового дерева. Умеренно сладкий, густой, сливочного цвета.

4

Набл — пещерный зверь, падальщик, немного крупнее виара.

ОПЗП — общество по защите природы.

ВВШ — Высшая вокальная школа.

Иглорьцка — земноводное с большими ядовитыми иглами.